

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. Э. КАЛНЫНЬ

РАЗВИТИЕ КОРРЕЛЯЦИИ
ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ
СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Л. Э. КАЛНЫНЬ

РАЗВИТИЕ КОРРЕЛЯЦИИ
ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ
СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

Р. И. АВАНЕСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1961

Данная работа завершает ряд предпринятых автором попыток исследовать вопросы возникновения и функционирования в системе отдельных славянских языков корреляции твердых и мягких согласных фонем. Анализу этой фонематической категории в восточнославянских языках посвящены работы автора „Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке“ („Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII. М., 1956), „Развитие категории твердых и мягких согласных фонем в белорусском языке“ („Ученые записки Института славяноведения“, т. XVII. М., 1959), „Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке“ (печатается).

Автор пользуется случаем выразить свою глубокую благодарность члену-корреспонденту АН СССР Р. И. Аванесову за ряд ценных указаний. Вместе с тем автор благодарит научных сотрудников Института славяноведения АН СССР Т. В. Попову и Н. Г. Владимирскую, работавших над аналогичными темами и предоставивших автору возможность пользоваться их материалами по болгарскому и польскому языкам.

Автор

§ 1. В праславянском языке периода, предшествующего его дроблению, существовал ряд палатальных согласных, возникших в результате осуществления одной из центральных тенденций в развитии праславянского языка — слогового сингармонизма.

В результате палатализации согласных **k, g, x**, происходившей в несколько приемов, отличающихся друг от друга хронологически и по существу, появились палатальные согласные **č', dž'** (изменившийся в праславянском в **ž'), š', c', dz', s'**.

Палатализации в положении перед **j** подверглись зубные согласные **t, d, s, z, n, r, l** и губные **p, b, m, v**. Согласные **r, l, n** в результате ассимиляции последующему **j** палатализовались в **r', l', n'**. Согласные **s, z** перед **j** не только палатализовались, но и претерпевали передвижение артикуляции передней части языка в направлении к среднему небу, что привело к появлению в соответствии с **sj, zj** палатальных согласных **š', ž'**.

Что касается согласных **t, d**, то их изменение в результате ассимиляции последующему **j** было неодинаковым в различных праславянских диалектных областях.

В праславянских диалектах, легших впоследствии в основу восточнославянских и западнославянских языков, палатальные **t', d'** получили фрикативный призвук шипящего или свистящего образования (вост.-сл. **tj, dj** > **t'^s, d'^z**, зап.-сл. **tj, dj** > **t'^s, d'^z**). Существует мнение, что

выделению фрикативного элемента в этих случаях предшествовало наличие долгих палатальных взрывов — \bar{t}' , \bar{d}' ¹.

В праславянских диалектах, легших в основу сербохорватского и словенского языков, в соответствии с tj , dj были представлены чисто взрывные t' , d' без какого-либо признака фрикативного элемента². Свидетельство этого видим в чакавском наречии, сохранившем согласный t' указанного происхождения. Ср. говор о. Крк — $n\acute{o}t'$, $po\acute{m}ot'$, $va\ k\acute{u}t'u$ ³, о. Брач. — $k\acute{u}t'a$, $sv\acute{i}t'a$, $n\acute{o}t'$, $p\acute{e}t'$ ⁴.

Древнейший словенский памятник письменности — Фрейзингенские отрывки — указывает на существование $t' < tj$ в словенском языке X в.⁵

Губные согласные, палатализуясь в положении перед j , получали дополнительную артикуляцию в виде l' . Такому изменению губные согласные первоначально, видимо, подверглись во всех праславянских диалектах, в том числе и тех, на основе которых впоследствии развились западнославянские языки. Как об этом свидетельствует судьба l -epentheticum в отдельных славянских языках, дополнительная артикуляция, развивавшаяся при губных, не была тождественна согласному l'

¹ N. S. Trubetzkoy. Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. $*tj$, $*dj$. — „Zeitschrift für slavische Philologie“, 1931, Bd. XIII, N. 1—2, стр. 93. Fr. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, II, Konsonantizem. Ljubljana, 1924, стр. 261.

Против этого мнения решительно возражал Белич, считая, что предположение об изменении $tj > \bar{t}'$ противоречит природе праславянского языка, не допускавшей долгого существования геминат. (См. А. Белич. Рецензия на кн.: Ф. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, II. — „Јужнословенски филолог“, knj. IV, Београд, 1924, стр. 243.)

² А. Белич. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905, стр. 170; Ј. Ribarić. Razmještaj južnoslavenskih dijalekata na poluotoku Istri. — „Српски дијалектолошки зборник“, кн. IX. Београд, 1940, стр. 78; И. Поповић. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955, стр. 78; Ф. Ramovš. Словеначки језик. — „Народна енциклопедија српскохрватска-словеначка“, IV. Загреб, 1929, стр. 220.

³ К. Н. Meyer. Beiträge zum čakavischen. Zur Mundart von Njivice auf Krk. — „Archiv für slavische Philologie“, Bd. 40, № 1—4. Berlin, 1926, стр. 251.

⁴ Mate Hraste. Čakavski dijalekat ostrva Brača. — „Српски дијалектолошки зборник“, кн. X. Београд, 1940, стр. 22.

⁵ F. Ramovš, M. Kos. Bržinski spomeniki. Ljubljana, 1937, стр. 13.

в слове *vol'a*, а имела характер сопровождающего призвука.

Как известно, во всех славянских языках I-epentheticum представлен в начальных слогах: болг. *bl'udo*; с.-х. *bl'údo*, луж. *blido*, пол. *pluje*, чеш. *pliji*, рус. *bl'udo*.

Что касается положения не в начале слова, то здесь сочетания с I-epentheticum представлены в восточнославянских языках, в сербском и словенском. В западнославянских и в болгарском I-epentheticum в середине слова отсутствует. Данные западнославянских языков свидетельствует о том, что в этих случаях при губных утрачивался именно Р'-образный призвук. В этих языках в тех немногих случаях, когда сочетание губных с последующим Р' образовывалось на стыке морфем (ср. пол. *grobła*, где Р' — суффикс), согласный Р' после губных не утратился, как это должно было бы произойти, если бы утрачиваемый I-epentheticum был тождествен согласному Р': если *zeml'a* > *zem'a*, то должно бы быть *grobł'a* > *grob'a*. Однако этого не произошло, и в западнославянских языках наряду с *ziemia*, *lubie* (пол.), *země* (чеш.) имеем ряд слов с суффиксальным Р' в положении после губных — *grobła*, *niemovle* (пол.), *kropla*, *grable*, *konaple* (каш.), *groble* (полаб.), *grobła* (н.-луж.)⁶. Так как для I-epentheticum положение не в начале слова — это, главным образом, стык морфем, то вполне возможно, что утрата дополнительной артикуляции при губных в западнославянских языках и в болгарском языке была обусловлена морфологической аналогией: под влиянием *l'ubiši* явилось *l'ub'p* ≤ *l'ub'p*, под влиянием *zemь* получилось *zem'a* ≤ *zem'a*. Осуществление морфологической аналогии в этом случае облегчалось тем, что Р'-образный призвук при губных был функционально незначим, о чем см. ниже.

В положении начала слова, где морфологическая аналогия не действовала, в западнославянских языках Р'-образный призвук при губных развился в согласный Р', как это было во всех положениях в остальных славянских языках.

⁶ См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 303.

По мнению Томсона, утрате I-epentheticum способствовало то обстоятельство, что закономерности его появления были неодинаковы в первом слого слова, с одной стороны, и в остальных положениях, с другой⁷. Различие это заключалось в том, что в нена начальном слого слова I-epentheticum органически не развивался перед гласными **i**, **ь**, а если позже он появился в этом положении, то под влиянием форм, в которых I-epentheticum был фонетически закономерен, т. е. фонетически правильны — *korab'ь*, *korabic'ü*, но *korabl'a*. В первом же слого слова I-epentheticum появился и перед **ь**, **i**, так как в противном случае один и тот же корень имел бы разный звуковой вид (ср. *p'ьvati* и *pl'ujо*).

Таким образом, утверждает Томсон, в западнославянских и болгарском языках I-epentheticum не успел распространиться во всех положениях ко времени, когда уже начал исчезать. Сосуществование форм *zem'i*, *zem'ь*, *korab'ь* и *zeml'a*, *korabl'u* создавало благоприятные условия для аналогического воздействия, приведшего к ликвидации I-epentheticum в непервом слого слова.

Возражение вызывает картина развития праславянских сочетаний губных с **j**, предложенная Трубетким, так как она противоречит последующему фонологическому развитию славянских языков⁸.

По мнению Трубеткого, различие в результатах изменения праславянских сочетаний губных с **j** связано с тем, что губные согласные в этих сочетаниях имели неодинаковую степень мягкости в западных диалектах праславянского языка, с одной стороны, и в остальных праславянских диалектах, с другой. Бóльшая степень мягкости губных в западнославянских диалектах способствовала ассимиляции согласного **j** предшествующему губному. В остальных праславянских диалектах губные в сочетании с **j** имели меньшую степень мягкости, что препят-

⁷ А. И. Томсон. Эпентетическое л' в древнеболгарском языке. — „Сборник в чест на проф. Л. Милетич“. София, 1933, стр. 3; та же мысль у А. М. Селищева. Старославянский язык, т. I. М., 1951, стр. 318.

⁸ N. S. Trubetzkoy. Über die Entstehung der gemeinwestslavischen Eigentümlichkeiten auf dem Gebiete des Konsonantismus. — „Zeitschrift für slavische Philologie“, 1930, Bd. VII, H. 3-4, стр. 395, 396.

ствовало ассимиляции согласного **ј** предшествующему губному; согласный **ј** сохранялся и позже изменился в **Г'**.

На это можно возразить следующее. Для рассматриваемого периода согласный **ј** в положении после губных функционально был тождествен согласному **ј** в остальных положениях, т. е. в начале слова и после гласных. Во всех этих случаях согласный **ј** не имел фонематической значимости, являясь способом произношения последующих гласных переднего ряда⁹. При таком положении вещей, если согласному **ј** суждено было измениться в **Г'**, то это должно было бы иметь место как после губных, так и после гласных и в начале слова. Отсутствие такого изменения свидетельствует о том, что **Г'** после губных развился не непосредственно из **ј**, а в результате модификации палатальной артикуляции у губных.

Таким образом, в период, предшествующий распаду праславянского языкового единства, в праславянском языке были представлены палатальные согласные **č', dž', š', ž', c', dz', t'** (или **t's', t's'** — в зависимости от диалектной области), **d'** (или **d'ž', d'z'**), **r', l', n', p', b', m', v'**.

В большей части праславянских диалектов был представлен согласный **s'**. Исключение составляли диалекты, легшие в основу западнославянских языков, где **s'** рано изменился в **š'**.

В некоторых праславянских диалектах к этому времени, может быть, уже существовал согласный **z'**, появившийся в результате утраты затвора аффрикатой **dz'**.

§ 2. Обратимся к выяснению вопроса о том, в качестве каких элементов фонематической системы функционировали перечисленные выше палатальные согласные в праславянском языке в период, предшествующий его дроблению.

Ко времени распада праславянского языкового единства, в связи с палатализацией согласных перед **ј** и палатализацией гласных после **ј**, согласный **ј** утратил функциональную значимость и стал употребляться как фонологически незначимый элемент, сопровождающий произношение передних гласных фонем **i, ü, ö, ä, e, ь, е**

⁹ N. S. Trubetzkoy. Zur Entwicklung phonologischer Vokalsysteme des Altkirchenslavischen. — „Annales academicae scientiarum fennicae“, sér. 13, t. 27. Helsinki, 1932, стр. 319; K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1953, стр. 110.

после других гласных и в начале слова (*moji, jütro, stojǫ, stojäti, moje, krajъ, językъ*).

Палатальные согласные употреблялись тоже только перед передними гласными фонемами. Однако фонология палатальных согласных не была тождественна фонологии *j*. В отличие от *j* палатальные согласные нельзя рассматривать как фонологически несамостоятельные, позиционно обусловленные элементы фонологической системы. Палатальные согласные образовывали самостоятельные фонемы, так как в положении перед *i, e, ę, ь* они были противопоставлены фонемам, образованным соответствующими непалатальными согласными.

В праславянских диалектах, легших в основу языков польского, лужицких, полабского и болгарского, включая македонские диалекты, гласный *ě* имел широкое открытое образование, сближающее его с гласным *ä*. Функционально гласный *ě* в этих диалектах был тождествен фонеме *ä*. Звуковое различие между *ä* (*voldä*) и *ě* (*lěsъ*), если оно даже и существовало, фонематического значения не имело. Это различие может квалифицироваться как позиционное, поскольку гласный *ě* употреблялся только после непалатальных, а *ä* только после палатальных согласных. В результате в названных диалектах фонемы, образованные палатальными и непалатальными согласными, были противопоставлены перед фонемой *ä*.

В тех праславянских диалектах, где гласный *ě* имел узкое закрытое образование, он функционировал как самостоятельная фонема, противопоставленная фонеме *ä*. В связи с этим в подобных диалектах позиции как перед *ä*, так и перед *ě* характеризовались неразличением фонем, образованных палатальными и непалатальными согласными. Может быть, лишь в диалектах, легших в основу восточнославянских языков, возможность различения палатальных и непалатальных согласных перед *ä* создалась в результате раннего изменения $\text{ę} > \text{ä}$.

Ср. перед *i*: *svět'i*¹⁰, *med'i*¹¹, *soпръ'i*, *kon'i* (местн.

¹⁰ В этом и в следующих примерах, где речь идет о согласном, развившемся из **tj*, по диалектам праславянского языка может быть *t's'* или *t's'*.

¹¹ В этом и следующих примерах, где речь идет о согласном, развившемся из **dj*, по диалектам праславянского языка может быть *d'ž'* и *d'z'*.

ед.), *kol'i* (императив), *вѣс'и*, *ноз'и* (им. мн.), *кап'и* (или *кап'и*), *кораб'и* (или *кораб'и*), *зем'и* (или *зем'и*), *кров'и* (или *кров'и*)-*krutiti*, *hoditi*, *koni* (им. мн.), *xvali*, *nositi*, *voziti*, *piti*, *biti*, *mil*, *loviti*; перед *ѣ*: *svět'ę*, *med'ę*, *bur'ę*, *von'ę*, *vol'ę*, *вѣс'ę*, *кап'ę*, *зем'ę*, *лов'ę*, *-koteę*, *dętblę*, *ęędę*, *penędz'ę*, *ęęga*, *ęęęę*, *ęęęę męso*, *ęęęęnuti*; перед *ѡ*: *mat'ęxa*, *mor'ę*, *вѣс'ę*, *куп'ęnę*, *l'ęb'ęnę*, *slom'ęnę*, *лов'ęnę-matere*, *dare* (зв.), *selo*, *рѣч'ę*, *dębe* (зв.), *jęč'ęmenę*, *vesti*; перед *ѣ*: *not'ę*, *med'ę* (род. мн.), *rybar'ę*, *kon'ę*, *byl'ę*, *вѣс'ę*, *куп'ę* (род. мн. или *куп'ę*), *кораб'ę* (или *кораб'ę*), *кров'ę* (род. мн. или *кров'ę*)-*kostę*, *mędę*, *zvęřę*, *konę*, *bylę*, *вѣсę*, *рпнę*, *golębę*, *l'ębęvę*, в части диалектов перед *ä*: *svät'ä*, *nod'ä*, *mor'ä*, *ban'ä*, *vol'ä*, *вѣс'ä*, *кап'ä*, *кораб'ä*, *кров'ä-tälo*, *dälo*, *räzati*, *nätę*, *läto*, *säno*, *päna*, *bälę*, *mära*, *västi*.

Согласные *č'*, *c'*, *ž'*, *š'*, *dz'* всегда употреблялись перед передними гласными. Несмотря на это, названные палатальные согласные в указанный период уже фонологически обособились от фонем **k**, **g**, **x**, вариантами которых они первоначально являлись. Это было связано с тем, что в период, предшествующий дроблению праславянского языка, употребление согласных *č'*, *c'*, *ž'*, *š'*, *dz'*, *s'*, — с одной стороны, и **k**, **g**, **x**, с другой, по отношению друг к другу было обусловлено только морфологически. Перед одними и теми же гласными переднего ряда в одной и той же морфеме в соответствии с **k** могут выступать как *č'*, так и *c'*, в соответствии с **g** — *ž'* и *dz'*, в соответствии с **x** — *š'* и *s'*. Ср. *рѡка-вѣрѡčiti*, *рѡц'и*; *sluga-služit'и*, *sludz'и*; *duxę-dušiti*, *dus'и*. При этом выбор одного из двух палатальных согласных обусловлен только характером морфологической категории. Согласные *č'*, *c'*, *ž'*, *š'*, *dz'*, *s'* были самостоятельными фонемами, вступающими в морфологическое чередование с фонемами **k**, **g**, **x**.

Из сказанного ясно, что в праславянском языке рассматриваемого периода рядом с фонемами **t**, **d**, **r**, **n**, **l**, **s**, **p**, **b**, **m**, **v** существовали фонемы, образованные согласными **t'** (по диалектам **t^s**, **t^z**), **d'** (по диалектам **d^z**, **d^{z'}**), **r'**, **n'**, **l'**, **s'**, **p^l**, **b^l**, **m^l**, **v^l**.

§ 3. Возникает вопрос о том, составили ли корреляцию твердости-мягкости праславянские фонемы, образованные палатальными и непалатальными согласными,

а в связи с этим вопрос о дифференциальных признаках фонем, представленных перечисленными выше согласными.

Коррелятивные отношения между фонемами предполагают, что эти фонемы различаются на основе отсутствия или наличия определенного артикуляционного признака, причем это различие свойственно членам другой или многих других фонологических оппозиций¹². Вместе с этим коррелятивные фонемы обладают специфической функциональной особенностью, которая заключается в том, что противопоставление коррелятивных фонем может подвергаться нейтрализации. Именно нейтрализация противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных фонем способствует тому, что в славянских языках различия по глухости-звонкости, твердости-мягкости функционируют как коррелятивные, в отличие, например, от противопоставления по наличию или отсутствию носовой артикуляции (**n—d, m—b**).

Трубецкой, хотя и не включал понятие нейтрализации в определение корреляции, указывал, однако, на то, что участие двух фонем в одномерной, пропорциональной, привативной и к тому же в устранимой оппозиции свидетельствует об особенно тесной связи этих фонем друг с другом¹³.

Существует мнение, что противопоставление фонем, образованных палатальными и непалатальными согласными, не может рассматриваться как коррелятивное вообще и как коррелятивное по твердости-мягкости в частности¹⁴. Основания для этого те, что у палатальных согласных палатальная артикуляция является не дополнительной, а основной, поэтому различие между палатальными и непалатальными согласными заключается в месте образования (**t' : t** как **t : p**).

Мы не можем с уверенностью говорить о конкретном артикуляционном качестве праславянских палаталь-

¹² N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, стр. 77.

¹³ Там же, стр. 76.

¹⁴ Е. Петрович. Явления сингармонизма в исторической фонетике румынского языка. — „Romanoslavica“, II. București, 1958, стр. 23.

ных согласных: неизвестно, была у них палатальная артикуляция основной или дополнительной. Но даже, если палатальная артикуляция была основной, то и в этом случае различие между фонемами, образованными палатальными и непалатальными согласными, может квалифицироваться как различие в собственном тоне (т. е. как различие по твердости-мягкости), а не в месте образования.

Этому способствовало то обстоятельство, что праславянским фонемам, образованным непалатальными согласными, были противопоставлены фонемы, образованные палатальными согласными различных локализационных рядов. Поскольку палатальной артикуляцией обладали как зубные, так и губные согласные, то различие между фонемами, образованными палатальными и непалатальными зубными, и соответственно между фонемами, образованными палатальными и непалатальными губными согласными, может рассматриваться как функциональное различие в собственном тоне¹⁵.

Таким образом, различие в собственном тоне является общим качеством ряда противопоставлений фонем, образованных непалатальными и палатальными согласными, что свидетельствует о существовании коррелятивных отношений между этими фонемами.

Из этого следует, что в праславянском языке рассматриваемого периода согласные **t'** (или **t^{s'}**, **t^{š'}**), **d'** (или **d^{z'}**, **d^{ž'}**), **s'**, **z'**, **n'**, **r'**, **l'**, **p'**, **b'**, **m'**, **v'** образовывали фонемы **t', d', s', z', n', r', l' p', b', m', v'**, отличающиеся от фонем **t, d, s, z, n, r, l, p, b, m, v** только наличием мягкости. Свойственная согласным **t^{s'}**, **t^{š'}**, **d^{z'}**, **d^{ž'}**, **p'**, **b'**, **m'**, **v'** фрикативная или l'-образная артикуляция функционального значения не имела. Это обстоятельство, между прочим, в дальнейшем создало условия для различных звуковых преобразований, которым подверглись согласные, образующие мягкие фонемы. Эти изменения заключались в том, что функционально незначимая артикуляция могла усиливаться или,

¹⁵ Именно таким образом квалифицирует Р. Якобсон отношение фонем, образованных непалатальными и палатальными согласными в одном из украинских говоров. (R. Jakobson. *Über die phonologischen Sprachbünde.* — „Travaux du cercle linguistique de Prague“, 1931, 4, стр. 236).

наоборот, совсем утрачиваться (ср. $t^s > \check{c}$, $b^l > b'$). В некоторых случаях эти звуковые изменения имели фонологические последствия, но не всегда (см. об этом ниже).

Отношению праславянских твердых и мягких согласных фонем был свойствен и другой признак коррелятивных отношений — нейтрализация противопоставления.

Твердые и мягкие согласные фонемы не различались в положении перед гласными **у, и, ъ, о, а, ѳ**, где были представлены только твердые фонемы, и перед **ю, ё**, где были известны только мягкие фонемы.

Нейтрализацию противопоставления фонем можно констатировать в тех случаях, когда фонемы одних и тех же морфем различаются в одних позициях и не различаются в других. В одной и той же морфеме может быть представлена как сильная фонема, противопоставленная другой сильной фонеме, так и слабая, в которой нейтрализуется противопоставление названных сильных фонем¹⁶. Например, рус. *son-kon'* и *va sn'é-na kon'é*. Нейтрализация такого характера, наглядно демонстрирующая коррелятивную связь между соответствующими фонемами, характерна для отношения твердых-мягких фонем во всех славянских языках, развивших эту категорию фонем. Такую нейтрализацию мы называем активной.

Рядом с подобной активной нейтрализацией может приобрести значение нейтрализации и такое неразличение фонем, когда в данной позиции употребляется только одна из коррелятивных фонем, но при этом названная позиция находится в такой морфеме, в которой никогда не бывает представлена другая коррелятивная фонема. Например, в рус. *pet'а*, *dl'a*, *podl'iza* мы констатируем нейтрализацию противопоставления фонем **t-t'**, **d-d'**, так как рядом существуют такие примеры активной нейтрализации, как *podbrósit'-svad'ba* и *podb'it'* (или *pod'b'it'*) *svad'b'e*; *pot-put'* и *pótnyi pút-nyi*. Так как в пределах одной и той же морфемы суще-

¹⁶ О разделении фонем на сильные и слабые см. Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1955, стр. 28.

ствуется такая модификация отношений, как **t-t'** > только **tn**, **d-d'** > только **d'b'**, то и **t** в положении перед **l'** мы квалифицируем так же, как перед **n** и **b'**, хотя ни в одной из морфем мы не можем констатировать модификацию отношений **t-t'** > только **tl'**.

Если в языке нет активной нейтрализации, то неразличение фонем второго типа не является нейтрализацией противопоставления, хотя бы и пассивной, и должно квалифицироваться только как свидетельство ограниченного употребления той или иной фонемы.

В праславянском языке рассматриваемого периода активная нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем имела место в положении перед **u**, **ü**, **y**, **ъ**, **o**, **a**, **o**, **ö**. В тех диалектах, где гласный **ě** имел узкое и закрытое образование, указанная нейтрализация была представлена перед **ä** и **ě**.

Ср. перед **u**: *solb-osyl'ь* и *za-solu osylu*; перед **ü**: *medъvedь-vod'ь* и *medъved'ü-vod'ü*, *zvěri-sъrъr'i* и *zvěr'ü sъrъr'ü*; перед **y**: *solb-orьl'ь* и *za-soly orьly*, *рьнь-ovьn'ь* и *ovьny*; перед **ъ**: *sъdьnъ-medъved'ь* и *medъvedькъ sъdъ*, *garь-zvěr'ь* и *-garькъ zvěrькъ*, *рьнь-syn'ь* и *орьнъкъ synъкъ*, *solb-osyl'ь* и *za-solъ osylъ*, *rabьskъ-golъb'ь* и *rabъ golъbькъ*; перед **o**: *рьнь-syn'ь* и *synove*; перед **a**: *solb-orьl'ь* и *za-sola orьla*; перед **o**: *vodьnъ-vod'ь* и *vodъ vedъ*; перед **ö**: *platiti-svět'i* и *plat'ö svet'ö*, *xoditi-med'i* и *xod'ö med'ö*, *xvaliti-vol'i* и *xval'ö vol'ö*, *dariti-рьr'i* и *dar'ö рьr'ö*, *kupiti-kap'i* и *kup'ö kap'ö*, *loviti-löv'i* и *lov'ö lov'ö*; перед **ä**: *vod'ь-medъvedь* и *vod'ä medъved'ä* (притяж. прилагат.); *kon'i-ovьni* и *kon'ä ovьnä*; перед **ě**: *orьl'ь-sel'ьskъ* и *orьlě selě*.

Не для всех пар твердых-мягких фонем можно найти примеры активной нейтрализации во всех положениях, где эта нейтрализация вообще имела место, а для фонем **s-s'** (а также для **z-z'**) их вообще нет. Однако и эти случаи неразличения получили значение пассивной нейтрализации благодаря существованию активной нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

Таким образом, в праславянском языке в период, предшествующий распаду праславянского единства, существовал ряд коррелятивных в отношении собственного

тона согласных фонем. Эти фонемы были противопоставлены в положении перед **i, ь, е, ä, е** и нейтрализовали противопоставление перед **у, ъ, ŭ, ѣ, ѓ, и, а, о**.

§ 4. Праславянская корреляция твердости-мягкости была весьма неустойчива. Некоторые из праславянских палатальных согласных подверглись таким далеко идущим изменениям, благодаря которым образованные этими согласными фонемы были исключены из корреляции твердости-мягкости.

Согласные, образующие фонемы **t', d'**, вновь развили фрикативный элемент в одних диалектах или усилили его в других: они изменились в восточнославянских языках в **č, dž**, в западнославянских — в **c, dz**, в штокавском наречии — в **h, ħ**. В кайкавском наречии и словенском языке согласные **t', d'** изменились в **č, j**. При этом изменение **d' > j** является процессом более ранним, чем фрикатизация **t'**. Так, Фрейзингенские отрывки отражают уже состояние **t'-j**¹⁷.

В диалектах, легших в основу болгарского языка и македонских говоров, согласные, образующие фонемы **t', d'**, изменились в **šc, ždž**.

Согласные **k', g'**, столь характерные для современных македонских говоров, не являются результатом непосредственного развития из **t', d'**, а возникли сравнительно поздно вследствие сербского влияния на македонские говоры¹⁸.

Согласный, образующий фонему **t'**, сохранил взрывное образование лишь в чакавском наречии, где согласный **d' < j**.

В восточнославянских языках **dž' < d'** вскоре утратил взрывной элемент, изменившись в **ž**, таким образом, вновь возникшие **č', ž'** примкнули к уже имевшимся фонемам **č', ž'** и коррелятивные пары **t-t', d-d'** утратились, превратившись в дизъюнктные противопоставления **t-č', d-ž'**.

В западнославянских языках вновь появившиеся **c', dz'** также совпали с уже имевшимися фонемами **c', dz'**

¹⁷ F. Ramovš, M. Kos. Bržinski spomeniki, стр. 13.

¹⁸ А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918, стр. 132; Д. Иванов. Гевгелийский говор. София, 1932, стр. 50; N. S. Trubetzkoy. Die altkirchenslavischen Vertretung der urslav. *tj, *dj, стр. 92.

и корреляция **t-t'**, **d-d'** превратилась в дизъюнкцию **t-c'**, **d-dz'**. Только в диалектах, легших в основу словацкого языка, **dz'** из **d'** появился после того, как **dz'** более раннего происхождения изменился в **z'**; ср. современное *nudza* и *vit'āz*. Поэтому в этих диалектах согласный **dz'** из **d'** мог продолжать функционировать как мягкий коррелят фонемы **d**.

В штокавском наречии изменение согласных, образующих фонемы **t'**, **d'**, в **h**, **ḥ** фонологических последствий не имело. Согласные **h**, **ḥ**, не совпав ни с одной из уже имеющихся фонем или вариантов фонем, продолжали функционировать как мягкие корреляты фонем **t**, **d**, т. е. как фонемы **t'** **d'**; нейтрализация противопоставления **t-h**, **d-ḥ** имела место в тех же условиях, где раньше осуществлялась нейтрализация противопоставления **t-t'**, **d-d'**.

Что касается диалектов, легших в основу болгарского языка и македонских говоров, то здесь **šč'**, **ždž'** (или **št'^{ṣ}**, **žd'^{ẓ}**), развившиеся из согласных, образующих фонемы **t'**, **d'**, представляли собою монофонематические звуко сочетания. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что вторая часть этих звуко сочетаний в дальнейшем в большей части болгарских говоров подверглась изменениям, не свойственным фонемам **č'**, **dž'** (если **dž'** еще не изменился в **ž**), т. е. **šč'**, **ždž'** > **št'**, **žd'**. Аффрикаты **šč'** (или **št'^{ṣ}**, **št'**), **ždž'** (или **žd'^{ẓ}**, **žd'**) образовали фонемы, функционирующие как мягкие корреляты фонем **t**, **d**; нейтрализация противопоставления этих фонем имела место в тех же условиях, где раньше осуществлялась нейтрализация противопоставления фонем **t-t'**, **d-d'**.

Преобразование **št'**, **žd'** в двухфонемные сочетания произошло после падения редуцированных, когда болгарским диалектам стали известны фонемы **t'**, **d'**. Ср. изменение **t' > k'**, как в *рѣk'*, так и в *ноšk'a* (≤ *nošt'a*).

В восточнославянских языках и в диалектах, на основе которых развились сербский и словенский языки, вне праславянской корреляции твердости-мягкости оказались губные согласные фонемы в связи с тем, что согласные, образующие мягкие губные фонемы, изменились в двухфонемные сочетания **pl'**, **bl'**, **ml'**, **vl'**.

В некоторых из диалектов, легших в основу болгарского языка и македонских говоров, видимо, также была известна эта тенденция, как об этом свидетельствуют памятники.

Во всех южнославянских языках рано была утрачена мягкость праславянских **s'**, **z'**. В чакавских говорах произошло также изменение **l' > j**. Относительно времени этого изменения существуют разные точки зрения. По мнению Поповича, оно имело место до IX в.¹⁹ Белич же относит его к XVI в.²⁰ Не отдавая предпочтения ни одному из этих мнений, можно лишь заметить, что данные относительной хронологии указывают на разное время изменения **l' > j** в разных говорах. Так, в части чакавских говоров праславянский **l'** изменился в **j**, а **l'**, возникший в процессе „нового јотованья“, сохранился: *krâj, pðje*, но *vesêl'e*²¹. В подобных говорах изменение **l' > j** могло происходить и очень рано. В других же говорах изменение **l' > j** имело место лишь после осуществления „нового јотованья“. Ср. говор д. Драшчичи на п-ове Истрия: *zêje* \leq *zelje*, *ðje* \leq *ulje*, *vesêje*²².

Перечисленные изменения привели к тому, что праславянская корреляция твердости-мягкости в различных праславянских диалектах рано подверглась сокращению. В диалектах, легших в основу восточнославянских языков, различие по твердости-мягкости сохранили фонемы **n-n'**, **r-r'**, **l-l'**, **s-s'**, **z-z'**. В диалектах, на основе которых развились западнославянские языки, — **n-n'**, **r-r'**, **l-l'**, **z-z'** и твердые и мягкие губные фонемы, в прасловацком, может быть, и **d-d'**, где фонема **d'** была образована согласным **dz'**. В диалектах, предшествовавших штокавскому наречию, — **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, **t-t'**, **d-d'** (фонемы **t'**, **d'** были образованы согласными **h, ħ**), в словенском языке и кайкавском наречии — **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, в чакавском наречии — **n-n'**, **r-r'**, **t-t'**, а в некоторых говорах еще и **l-l'**. В диалектах, легших в основу бол-

¹⁹ И. Поповић. Историја српскохрватског језика, стр. 77.

²⁰ А. Белић. Српскохрватски језик. — „Народна енциклопедија српскохрватска-словеначка“, IV. Загреб, 1929, стр. 398.

²¹ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 174.

²² J. Ribarić. Razmještaj južnoslavenskih dijalekata na poluotoku Istri, стр. 21.

гарского языка и македонских говоров, — **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, а также твердые и мягкие губные фонемы.

§ 5. В праславянский период в положении перед передними гласными зубные и губные согласные фонемы **t, d, s, z, n, r, l, p, b, m, v**, осуществляя праславянскую тенденцию слогового сингармонизма, подверглись позиционному смягчению.

Степень мягкости у позиционно смягчавшихся согласных, обычно называемых „полумягкими“, была иной, чем у мягких согласных фонем.

Э. Кошмидер высказывает мнение о том, что позиционное смягчение произошло не в праславянский период, а позже и лишь в тех славянских языках, которые развили корреляцию твердости-мягкости. Доказательства этого Кошмидер видит, во-первых, в том, что для старославянского языка нет никаких указаний на неодинаковое произношение **t** в **tę, ti**, с одной стороны, и в **ty, to, ta, tu, tь**, с другой, и, во-вторых, в том, что в южно-славянских языках нет никаких следов праславянской позиционной мягкости²³.

В ответ на это можно возразить следующее. В старославянских памятниках и не могло быть никаких указаний на неодинаковое произношение **t** в **tę, ti, ty** и т. д., так как во всех этих случаях была представлена одна фонема **t**, а фонологически значимым различием в этих сочетаниях обладали гласные.

Что касается южнославянских языков, то неясно, почему в доказательство своего существования позиционная мягкость должна была обязательно оставить следы в системе этих языков, тем более, что это противоречило основным тенденциям их фонологического развития. Кроме того, в южнославянских языках позиционная мягкость не оставила следов в том смысле, что она не приобрела фонологической значимости, позиционная же мягкость согласных перед гласными переднего ряда по диалектам известна в южнославянских языках. Так, позиционная мягкость согласных перед гласными **e, i** имеет место в сербских говорах. Ср. посавские говоры —

²³ E. Koschieder. Die Palatalitätskorrelation im Slavischen. Heidelberg, 1958, стр. 6, 7.

*běl'it, dil'it, dētel'ina, uklōn'im*²⁴; восточночерногорские — *vōl'im, pil'i, Il'ija*²⁵. В словенских резьянских говорах представлено позиционное смягчение согласных перед *i*: *p'iše, p'ira, bes'ida, sik'ira, l'ip, n'idan*²⁶. В болгарских говорах распространена позиционная мягкость согласных перед *e* и *i*²⁷.

Праславянская позиционная мягкость согласных имела не одинаковую судьбу в разных славянских языках, и в связи с этим в соответствующих языках по-разному развивалась не только система консонантизма, но и вокализма. В тех языках, где ко времени падения редуцированных ликвидировалось различие между праславянской позиционной и фонематической мягкостью согласных, развилась корреляция твердых и мягких согласных фонем. Напротив, в тех языках, где сохранялось различие между праславянской фонематической и позиционной мягкостью, названная корреляция не развилась.

Изменения, которым подверглись позиционно смягченные согласные в языках, развивших корреляцию твердости-мягкости, часто называют „смягчением полумягких“. С этим нельзя согласиться, так как подобное толкование предполагает знание конкретного звукового качества согласных, образующих в праславянском мягкие согласные фонемы, с одной стороны, и позиционно смягченные варианты фонем, — с другой. Поскольку мы не имеем сведений об их конкретном звуковом качестве, то мы можем говорить только о ликвидации различия в степени или качестве мягкости между названными группами согласных. Эта ликвидация могла происходить в различных направлениях.

Если праславянские мягкие фонемы были образованы палатальными согласными, а позиционно смягченные вари-

²⁴ St. Ivšić. Današnji posavski govor. — Rad JAZU, 1913, knj. 196, стр. 191, 193.

²⁵ М. В. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат. — „Јужнословенски филолог“, књ. XIII. Београд, 1933—1934, стр. 44.

²⁶ И. А. Бодуэн-де-Куртене. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, 1875, стр. 17; Er. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, t. II. Konzonantizem, стр. 92.

²⁷ С. Младенов. Мекостта на съгласните в българските говори. — „Годишник на софийския университет. Историко-филологически факултет“, т. X—XI. София, 1915, стр. 1—12.

анты — палатализованными, то ликвидация различия между ними могла состоять как в превращении палатализованных согласных в палатальные, так и в превращении палатальных в палатализованные. Могло быть и так, что как мягкие фонемы, так и позиционно смягченные варианты были образованы палатализованными согласными, но палатализованность была более сильной у фонем, менее сильной — у вариантов. В таком случае ликвидация различия между согласными, образующими фонемы, и согласными, образующими смягченные варианты фонем, состояла бы в усилении степени палатализованности вариантов.

Ликвидация различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных имела место после того, как некоторые праславянские мягкие фонемы подверглись изменениям, исключившим их из корреляции твердости-мягкости. Таким характером относительной хронологии объясняется то обстоятельство, что мягкие согласные, явившиеся в результате изменений, которые претерпели позиционно смягченные согласные, не подверглись тем изменениям, которые были свойственны аналогичным праславянским согласным.

§ 6. Ликвидация различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных имела место в диалектах, легших в основу восточнославянских, западнославянских языков и восточноболгарских и южномакедонских говоров.

Ван-Вейк, отождествляя фонетическое явление ликвидации различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных с фонологическим оформлением корреляции по твердости-мягкости, считает, что фонематическая мягкость согласных была вызвана слиянием передних и непередних гласных²⁸. Поэтому в русском языке, по мнению Ван-Вейка, условия, способствовавшие развитию корреляции твердости-мягкости, существовали с эпохи изменения $\epsilon > \text{a}$, а затем после падения редуцированных. Когда согласные, имевшие позиционную мягкость слабой степени, оказались

²⁸ См. N. Van-Wijk. La genèse de la mouillière des consonnes dans les langues slaves. — „Slavia“, roč. XV, seš. 1. Praha, 1937, стр. 26; K. Hořálek. Úvod do studia slovanských jazyků, стр. 112.

в положении перед **а** из **ѣ**, а после падения редуцированных и в конце закрытых слогов, то они стали перед альтернативой — утратить мягкость или усилить ее до степени палатальных согласных, употреблявшихся перед передними гласными и в конце закрытых слогов. Позиционно мягкие согласные в русском языке развивались по второму пути и образовали перед **а**, а затем в конце закрытого слога корреляцию тембра, после чего уже и перед передними гласными позиционно мягкие согласные усилили мягкость до степени палатальных согласных. Так же в польском языке, по мнению Ван-Вейка, — превращение позиционной мягкости в фонематическую было обусловлено депалатализацией гласных **ě**, **e**, **ę** (**ě** > **a**, **e** > **o**, **ę** > **o**). С этими положениями Ван-Вейка нельзя согласиться по ряду соображений.

Во-первых, позиционная мягкость, т. е. мягкость, обусловленная передним образованием последующего гласного, должна утратиться, как только передний гласный заменяется передними или утрачивается. Поэтому ни польское изменение **ě** > **a**, **e** > **o**, **ę** > **o**, ни древнерусское — **ѣ** > **а** никак не могло способствовать утрате различия между фонематической и позиционной мягкостью согласных.

Точно так же ни в русском, ни в каком другом славянском языке падение редуцированных, в частности **ь**, не может вызвать утрату упомянутого различия. Если ликвидация различия между позиционной и фонематической мягкостью не осуществилась до падения редуцированных, то с утратой гласного **ь** предшествующие ему позиционно смягченные согласные утрачивают мягкость, поскольку она является качеством позиционным, обусловленным положением перед гласными переднего ряда.

Во-вторых, в древнерусском языке деназализация гласного **ѣ** происходила до утраты различия в степени мягкости между согласными, образующими мягкие фонемы, и согласными, позиционно смягченными, и гласный **ѣ** при этом изменился в **ǣ**, а не в **а**.

О том, что ликвидация названного различия имела место после деназализации **ѣ**, свидетельствует орфография древнерусских памятников. В эпоху написания дошедших до нас древнейших памятников в древнерусском

языке уже не было носовых гласных, что отразилось в смешении букв ѡ и ѡа, ѣ и ѣа между собою и с буквами ѡ и оу, ю.

Между тем в тех же памятниках проводится графическое различие согласных, образующих мягкие коррелятивные фонемы, с одной стороны, и согласных, образующих позиционно смягченные варианты коррелятивных твердых фонем, с другой, т. е. п', р', л' и п*, р*, л* (ср. Остромирово евангелие 1057 г., Чудовская псалтырь XI в., XIII Слов Григория Богослова XI в. и др.). Подобная орфография отражает такое состояние, когда в языке утратилась назализация, но сохранилось еще различие мягких и немягких согласных фонем перед гласными переднего ряда.

Таким образом, если бы в древнерусском языке после позиционно смягченных согласных $\epsilon > а$, то перед этим а согласные стали бы твердыми, были бы они твердыми и в современном русском языке. Но именно потому, что этого не случилось и в русском языке перед а из ϵ согласные мягкие, мы считаем, что ϵ в древнерусском изменился первоначально в некий передний гласный, видимо, \ddot{a} , который лишь после утраты различия мягких и немягких согласных фонем перед гласными переднего ряда изменился в а²⁹.

Вопрос о времени утраты различия между фонематической и позиционной мягкостью праславянских согласных в славянских языках может быть решен на основе показаний памятников письменности, с одной стороны, и при помощи данных относительной хронологии, с другой.

Однако показания письменных памятников могут быть использованы лишь при исследовании языков восточных и южных славян, древняя письменность которых, развившаяся на основе старославянского языка, располагала средствами различия мягких и твердых согласных фонем. Так, анализ обозначения мягкости пра-

²⁹ Мнения о том, что в древнерусских памятниках, в частности в Христинопольском апостоле XII в., буквой ѡ обозначался гласный \ddot{a} , перед которыми согласные были полумягкими, придерживался Л. А. Васильев в статье „С каким звуком могла ассоциироваться буква ѡ в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников“. — РФВ, 1913, № 1—2.

славянских **l'**, **n'** в отличие от **l**, **n** в древнерусских памятниках XI—XII вв. позволяет сделать вывод, что процесс утраты различия в характере мягкости согласных, образующих мягкие фонемы, и согласных, позиционно смягченных, в XI в. в древнерусском языке не был закончен³⁰.

Что касается западнославянских памятников, то среди них не сохранилось настолько древних, чтобы они могли отразить процессы в области позиционно смягченных согласных.

В плане относительной хронологии утрату различия между фонематической и позиционной мягкостью в славянских языках можно поставить в связь с падением редуцированных.

Подтверждением того, что эта утрата происходила до падения редуцированных, является употребление в ряде языков мягких согласных в тех положениях, где некогда за согласными следовал слабый гласный **ь**, т. е. на конце слова и перед согласными. Ср. рус. *gos't'*, *los'*, *d'en'*, *sol'*, *t'ma*, *svád'ba*; блр. *γos'c'*, *vyóns'*, *dz'en'*, *sol'*, *c'ma*, *xadz'ba*, *bác'ka*; укр. *h'is't'*, *m'id'*, *moróz'*, *ris'*, *den'*, *s'il'*, *borod'ba*, *v'id'ma*³¹, *próz'ba*, *t'ma*, *d'ád'ko*; пол. *džen'*, *zác'*, *éma*, *svádzba*; словц. *host'*, *d'en'*, *xmel'*, *bát'ka*, по говорам — *svád'ba* (зап. Липтов), *сма*, *svádzba* (вост.-словц.); в-луж. *džen'*, *puć*, *ratar'*, *hon'tva*; н-луж. *šern'*, *žen'*, *p'eś*.

§ 7. В полабском языке той эпохи, о которой у нас имеются сведения, мягкие согласные на конце слова и перед согласными не были известны. Однако есть основания утверждать, что в этих положениях так же, как и перед гласными переднего ряда, некогда были представлены мягкие согласные. Так, перед согласными, за которыми в прошлом следовал слабый **ь**, представлены результаты таких процессов в области вокализма, которые имели место только перед мягкими согласными и происходили после падения редуцирован-

³⁰ См. Л. Э. Калынь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. — „Ученые записки Института славяноведения АН СССР,“ 1956, т. XIII, стр. 145—147.

³¹ Знаком **ї** в транскрипции украинских слов обозначаем гласный, обозначающийся в украинской орфографии буквой **і**, знаком **і** — гласный, обозначающийся буквой **и**.

ных или одновременно с ним. Ср. **ь** > **ä**, **е** > **i** в положении перед мягкими согласными: *vas* из *v'bs'b*³², *pan* из *p'bn'b*, так же как *pasaj* из *p'bs'i*, *mane* из *m'bn'ë*, *gribin* из *gr'eb'en'b*, *jisin* из *jes'en'b*. Гласный **ь** изменился в **ë** после заднеязычных перед мягкими согласными, в том числе и перед теми, за которыми некогда следовал слабый гласный **ь**: *n'üd'et* из *nog'ët'b*, *lüt'et* из *lok'ët'b*, *cart'ev* из *crk'ov'b* так же, как *t'ësin* из *kbs'en'b*, *t'ëp'd'aïn'a* из *kbn'ëgyn'a*.

Изменение гласных **ę** > **а**, **ě** > **а** > **о** в полабском языке имело место в положении перед всеми согласными, кроме твердых переднеязычных. В свете этого такие примеры, как *disat* из *d'es'ët'b*, *past* из *p'ës't'b*, *pesan* из *p'ësn'b*, *vernä* из *v'ër'bn'j*, указывают на то, что во время осуществления выше названных изменений гласных согласные, за которыми некогда следовал слабый **ь**, были мягкими (*disat* могло развиться из *d'es'ët'*, а не из *d'es'ët'*).

Таким образом, приведенные данные указывают на то, что в полабском языке утрата различия в характере мягкости между согласными — мягкими фонемами и согласными — позиционными вариантами имела место до падения редуцированных. После падения редуцированных мягкие согласные какое-то время сохранялись на конце слова и, может быть, перед согласными. Отверждение конечных согласных в полабском языке было поздним процессом и охватило наряду с согласными, развившими мягкость из позиционного смягчения, и праславянские палатальные согласные. Ср. *pan* < *pъnъ*, *dan* < *dъnъ*, *t'üst* < *kostъ*, *düzd* < *gvozdъ* и *t'ün* < *kon'b*, *lekär* < *lekar'*, *nüc* < *noc'b*.

§ 8. Судьба позиционно смягченных согласных в положении перед **ь** в старочешском языке вызывает различные толкования. О. Гуйер³³, А. М. Селищев³⁴, Ван-

³² Здесь и далее транскрипция полабских слов дается по работе: Т. Lehr-Spławiński. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.

³³ О. Hujer. Vývoj jazyka československého. — „Ceskoslovenská vlastivěda“, III, Jazyk. Praha, 1934, стр. 35.

³⁴ А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 110.

Вейк³⁵, Ф. В. Мареш³⁶ считают, что в чешско-моравской группе позиционно смягченные согласные в положении перед **е**, **ь** не только не развили фонематической мягкости, но утратили и прежнюю позиционную мягкость; те случаи, когда в чешском языке представлены мягкие согласные перед утраченным **ь**, объясняются этими учеными аналогическим воздействием со стороны родственных форм, имеющих мягкие согласные в положении перед **і** или **ё**. Иная точка зрения на судьбу позиционно смягченных согласных в чешском языке, разделяемая многими учеными³⁷, заключается в том, что названные согласные совпали в своем качестве с мягкими фонемами перед всеми передними гласными и лишь позже уже мягкие согласные отвердели перед **е** (из **е**, **ь**) и на конце слова.

Данные относительной хронологии подтверждают вторую точку зрения. Так, во время изменения гласного **ā** (в **е** — перед мягкими, в **а** — перед твердыми согласными) в старочешском языке согласные в положении перед **е** и на конце слов, оканчивающихся некогда слабым гласным **ь**, были мягкие, как об этом свидетельствуют следующие примеры: *deset* (а не *desat*, как следовало бы ожидать, если бы в момент перегласовки на конце слова было **t**, а не **t'**), *zet'*, *čeled'*, *pjet*, *devjet*, *ramjet*, *Jene*, *čese*³⁸. Что касается положения перед

³⁵ N. Van-Wijk. La genèse de la mouillière des consonnes dans les langues slaves, стр. 36.

³⁶ F. V. Mareš. Vznik slovenského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty. — „Slavia“, 1956, roč. XXV, seš. 4, стр. 479.

³⁷ Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá. Praha, 1935, стр. 195; List N'. S. Trubeckého o slovenskom, českom a ruskom historickom hláskosloví — „Linguistica slovaca“, I—II, 1939—1940, стр. 91; T. Lehr-Splawiński. Zarys gramatyki historycznej języka czeskiego. Kraków, 1953, стр. 49; M. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems. — „Zeitschrift für Slavistik“, 1954, Bd. I, H. 4, стр. 22; E. Pauliny. Vývin skupin **d'**, **t'**, **n'**, **l'**, **e**, **i'** v slovenčine. — „Jazykovedný sborník“, V. Bratislava, 1951, стр. 142; A. Lamprecht. K vývoji západoslovanského samohláskového systému. — „Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě“. Praha, 1958, стр. 127.

³⁸ Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 195.

согласными, то согласные, за которыми некогда следовал слабый гласный **ь**, ко времени перегласовки гласного **ä** были твердыми. Ср. *patánŭ* ≤ *paťěbnějъ*, *patnāct* ≤ *peťbnadesete*³⁹.

Таким образом, в старочешском языке позиционно смягченные согласные совпали в отношении мягкости с согласными, образующими в праславянскую эпоху мягкие фонемы, в положении перед всеми передними гласными до падения редуцированных. После падения редуцированных согласные, за которыми некогда следовал слабый гласный **ь**, т. е. на конце слова, и, может быть, перед согласными, сохраняли мягкость. В дальнейшем мягкие согласные в положении перед **е** (из **е** и **ь**), на конце слова и перед согласными отвердели (перед согласными, может быть, раньше, чем на конце слова). При этом отверждение мягких согласных перед **е**, с одной стороны, и на конце слова, с другой, происходило, видимо, в разное время (см. об этом ниже).

§ 9. Специальных замечаний требует судьба позиционно смягченных согласных в болгарском языке. В современном болгарском языке, как в восточных, так и в западных его говорах, известно противопоставление твердых и мягких согласных фонем, хотя состав фонем, включенных в это противопоставление, а также позиции противопоставления и его нейтрализации в восточноболгарских и западноболгарских говорах различаются.

Подобное положение вещей дает основание некоторым славистам утверждать, что в болгарском языке первоначальное развитие категории твердых-мягких согласных фонем шло единым путем, а затем возникли диалектные различия, связанные главным образом с разной степенью интенсивности отверждения мягких согласных в разных говорах.

Так, А. Исаченко⁴⁰ относит весь болгарский язык, не дифференцируя по говорам, к числу языков с систематически проводимым противопоставлением твердых и мягких согласных во всех (или почти всех) артикуляционных классах в отличие от таких языков, как серб-

³⁹ O. Hujer. *Vývoj jazyka československého*, стр. 36.

⁴⁰ A. V. Isačenko. *Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen*. — „Linguistica Slovaca“. Bratislava, I—II, 1939—1940, стр. 70—71.

ский и словенский, не развивших корреляцию твердости-мягкости.

Иной точки зрения придерживается Р. Якобсон, считающий, что восточноболгарские и западноболгарские говоры различаются тем, что в первых из них развилась названная корреляция, а во второй группе — нет⁴¹.

О существовании „корреляции тембра“ в восточноболгарских говорах писал Ван-Вейк⁴². На различие между западноболгарскими и восточноболгарскими говорами в отношении корреляции твердости-мягкости указывает также Горалек⁴³.

Мы считаем, что пути развития категории твердых-мягких согласных фонем в этих говорах были неодинаковы, и это связано прежде всего с различной судьбой праславянского позиционного смягчения согласных в тех и других говорах. В то время как в восточноболгарских говорах корреляция твердости-мягкости развилась на основе совпадения праславянской позиционной мягкости с мягкостью согласных, образующих праславянские мягкие фонемы, западноболгарские говоры подобного совпадения не пережили, и образованию категории твердых-мягких согласных фонем в этих говорах способствовал ряд поздних процессов, отчасти и нефонетического характера, а также влияние со стороны восточноболгарских говоров.

Свидетельством различного пути развития категории твердых-мягких фонем в восточноболгарских и западноболгарских говорах является сама специфика этой категории в современных говорах, а также и история системы вокализма в восточноболгарских и западноболгарских говорах.

Отражением совпадения праславянской позиционной мягкости с мягкостью согласных, образующих мягкие фонемы в восточноболгарских говорах, является наличие мягких зубных и губных согласных перед заменами

⁴¹ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“, 1929, 2, cap. VII, § 9.

⁴² N. Van-Wijk. La genèse de la mouillure des consonnes dans les langues slaves, стр. 34.

⁴³ K. Horálek. K otázce palatálních souhlásek v bulgarštině. — „Slavia“, 1950, roč. XX, seš. 1, стр. 57.

праславянских гласных переднего ряда без ограничения какими-либо морфемами: перед **а** из **ě** — *d'ádo, d'ásna, s'áno, l'átos*; перед **и** из **i** — *z'úmnica, kol'úbi, b'úu, s'uraf, vr'ut* и др.⁴⁴; в юго-восточных говорах перед гласными, продолжающими праславянские **ę** и **ь**, — *t'šsko, t'šmno, d'ьn, s'šdni, z'ьt', gl'šdam, r'ьt, gov'šdo* (хвойненский и павликянский говоры)⁴⁵; *t'šsko, t'šglo, pos'šgno, des'šk'i, z'ot', l'on, pr'šgni, vr'ot, p'ok'i*⁴⁶; *t'šsko, t'švna, des'št, s'šdnali, z'št, gl'šdat, l'šn, r'št, gov'šda* (некоторые родопские говоры⁴⁷); в положении перед гласными **е** и **i** в восточноболгарских говорах в основном мягкие согласные представлены чаще, чем в западноболгарских говорах⁴⁸.

Свидетельством того, что утрата различия в отношении мягкости между согласными, образующими мягкие фонемы, и согласными, позиционно смягченными, происходила до падения редуцированных, в юго-восточных (рупских и родопских) и некоторых северо-восточных говорах является мягкость согласных, за которыми некогда следовал слабый гласный **ь**, т. е. на конце слова и отчасти перед согласными. Ср. *pьt', pet', nazьt'* (\leq *zad'ь*), *d'en', pen', sol', d'ever', mládos'*; *m'omin'stvo, d'et'in'stvo, s'an'č'in'ka, palt'en'ce, kól'ko, tól'ko*⁴⁹.

Наличие в названных говорах на конце слова мягких согласных в соответствии с праславянскими согласными, не имевшими позиционного смягчения (*život', šьn', gol'*), а также твердых согласных в соответствии с праславянскими позиционно смягченными и палатальными согласными (*den, sol, lakьt, smьrt, prijatel*) представляет собой, видимо, позднее явление. Подобное употребление твердых и мягких согласных в конце слова является выражением ослабления в этой позиции функциональной значимости дифференциального признака, лежащего в основе противопоставления твердых и мяг-

⁴⁴ L. Miletič. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 83; его же. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. — „Schriften der Balkankommission“, X. Wien, 1912, стр. 111.

⁴⁵ L. Miletič. Die Rhodopemundarten. . . , стр. 30—98.

⁴⁶ Там же, стр. 102.

⁴⁷ Там же, стр. 199.

⁴⁸ См. L. Miletič. Das Ostbulgarische, стр. 39, 40; С. Младенов. Мекоста на съгласните в българските говори, стр. 1—12.

⁴⁹ К. Мирчев. Неврокопският говор. София, 1936, стр. 73.

ких фонем. Это особенно ярко проявляется в почти безразличном употреблении в пределах одного говора твердых и мягких согласных фонем на конце слова в тождественных морфемах: *učitel'* и *prijatelj*, *govedar'*, *ofčar*, *den'*, *ogъn'* и *grebъn*, *ilen* (\leq *elень*) (родопские говоры).

Ослабление в позиции конца слова функционального значения мягкости как дифференциального признака, лежащего в основе различия твердых и мягких согласных фонем, связано, видимо, с влиянием западно-болгарских говоров, имеющих слабо развитую систему твердых-мягких согласных фонем, а также с утратой склонения.

В связи с отсутствием косвенных падежей, которые, благодаря наличию в них конечных мягких согласных перед гласными, могли бы способствовать сохранению мягкости этого согласного в именительном падеже, т. е. на конце слова, конечный мягкий согласный в результате ослабления артикуляции отвердевает. В большей части северо-восточных говоров это привело к полному исчезновению мягких согласных в позиции конца слова. О том, что в этих говорах подобное положение является результатом позднейшего отвердения согласных, свидетельствует то обстоятельство, что в северо-восточных болгарских говорах на конце слова представлены твердые согласные как в соответствии с праславянскими позиционно смягченными согласными, так и в соответствии с праславянскими мягкими фонемами: *kral*, *učitel*, *kon*, *car*, *govedar*, *sol*, *den*, *zet*, *zver*, *gъlъp*.

Подтверждением отнесения утраты различия между фонематической и позиционной мягкостью согласных ко времени до падения редуцированных являются восточно-болгарские членные формы *pъt'ъt*, *den'ъt* (при нечленных формах *pъt*, *den*), указывающие на то, что в эпоху образования членных форм, т. е. после падения редуцированных, существительные *pъt*, *den* оканчивались на мягкий согласный⁵⁰.

⁵⁰ Ср. В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь. СПб., 1906. Формы *pъt'ъt*, *pъt'ъ* свидетельствуют о том, что "... восточно-болгарские говоры в эпоху подновления сохранили долю мягкости в конечном согласном нечленных форм *pъt*, *den*, *ogъn* и т. п." (стр. 103).

На специфике категории твердых и мягких согласных фонем в западноболгарских говорах и на ее истоках мы здесь не останавливаемся, так как эти вопросы подробно рассматриваются ниже. Здесь же уместно заметить, что положение о разной судьбе праславянских позиционно смягченных согласных и вытекающих отсюда последствиях в западноболгарских и восточноболгарских говорах нужно понимать как наличие в диалектах древнеболгарского языка двух противоположных тенденций развития. Однако в условиях того междиалектного общения и смешения, которое имело место в ходе становления болгарского языка, результаты этих различных тенденций развития не могли быть строго изолированы и ограничены рамками одного говора или группы говоров. Особенности говоров, утративших различие между позиционной и фонематической мягкостью, проникают в говоры, сохранившие это различие ко времени падения редуцированных. В итоге в болгарском языке наряду с говорами, в которых наиболее ярко и последовательно выражены результаты утраты различия между фонематической и позиционной мягкостью (ср. юго-восточные говоры, в которых твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова и отчасти перед согласными, последовательно представлены изменения, вызванные в системе вокализма оформлением корреляции твердости-мягкости), и говорами, в которых последовательно проведены результаты сохранения ко времени падения редуцированных различия между фонематической и позиционной мягкостью согласных, имеется большое количество говоров, в той или иной мере сочетающих особенности первых двух названных групп. Примером являются северо-восточные говоры, отчасти под влиянием западных говоров утратившие мягкость конечных согласных и воспринявшие некоторые особенности вокализма, свойственные говорам, сохранившим ко времени падения редуцированных различие между мягкостью позиционной и фонематической: ь (из ѣ) $>$ е , как на западе; ä $>$ е в безударных слогах; с другой стороны, в западноболгарские говоры проникли особенности говоров, переживших утрату различия между фонематической мягкостью и позиционной, и в первую очередь фонематическая мягкость согласных в положении перед гласными.

§ 10. В языках, переживших утрату различия между фонематической и позиционной мягкостью, этот процесс коснулся всех позиционно смягченных согласных, в том числе и тех, которым в дальнейшем в отдельных славянских языках соответствуют твердые согласные, образующие непарные по твердости-мягкости фонемы. Для чешского, кашубского и лужицких языков это — **p', b', m', v', s', z'**; для словацкого — **p', b', m', v', s', z', r'**; для украинского — **p', b', m', v', r'**; для белорусского — **r'**.

Все эти языки дают ряд косвенных указаний в пользу того, что они некогда пережили утрату различия между позиционной и фонематической мягкостью в отношении перечисленных согласных.

Так, в современном чешском языке в положении после губных и **s, z**, соответствующих праславянским позиционно мягким согласным, находим результаты такого изменения старочешских гласных **e, ä**, которое имело место только после мягких согласных. Ср. **i** из **ě** в долгом слоге — *vira, mira, sira*, как *d'il, hn'izdo*; **ě** в кратком слоге именовался в **e** — *vjeřit'i, vjek, seno*, как *t'elo, d'elati, sn'ehu*; **ä** перед мягкими согласными изменился в **ī**, перед твердыми — в **ā** — *holoubāta, pātŷ, vāzat'i, sāhat'i, vzīt'i*, как *tāhat'i, zat'izit'i*; **ä** перед мягкими согласными изменился в **e**, перед твердыми — в **a** — *holoubje, pamjetn'ik, zet', huse, vadnout'i, vzat*, как *t'ežky, jehn'e, tah*. Мягкость губных перед **i** подтверждается встречающимся по говорам произношением *pjivo, mjily*.

Таким образом, в старочешском языке отверждение мягких губных согласных и **s', z'** могло произойти лишь после того, как закончился процесс изменения гласных **ě, ē, ä, ā**, т. е. не раньше XIV в.

В кашубском и лужицких языках подтверждением наличия в прошлом мягких губных, соответствующих праславянским позиционно смягченным, является **j**-отоявая артикуляция, выступающая после отвердевших губных.

Согласные **s', z'** (из прасл. **s', z'**) в лужицких языках отвердели после изменения **e > o**, имевшего место только после мягких согласных. Ср. *sotra, zorno, kozol* (в.-луж.), *vjasoly, jazor* и *dn'ovny, k n'omu* (н.-луж.); изменение **e > o** отсутствовало перед мягкими соглас-

ными, в том числе и перед **s'**, **z'**, как об этом свидетельствуют примеры — *breze, vjasoly* (в последнем случае **e** не изменился в **o**, так как находился перед **s'** и перешел, после отвердения **s'**, в **a**).

В кашубском языке также отвердение **s'**, **z'** произошло после изменения гласных **ě, e** в **a, o**, имевшего место только после мягких согласных. Ср. *sano* и *sen'e, sostra*.

Для некоторых восточнословацких говоров былая мягкость губных согласных свидетельствуется наличием **s'**, **z'** перед губными: **s'**, **z'** появились в результате ассимиляции последующим мягким губным, затем губные отвердели, а **s'**, **z'** остались. Ср. *s'merc, s'meli, pis'me*, (но *pismo*), *s'pivac* так же, как *s'l'epi, s'l'iva, s'n'ich, rodos'n'ik*⁵¹. О том, что в прошлом в словацком языке существовали мягкие губные и **s'**, **z'**, свидетельствует и наличие после согласных, восходящих к праславянским позиционно мягким губным и **s'**, **z'**, таких гласных, которые первоначально возникли в результате процессов, имевших место только в положении после мягких согласных, т. е. **ä, e** из **ä**. Ср. среднесловацкие говоры — *zemän, mäso* или *meso, päť, vädnut'*; нижнеоравские говоры — *zät' mesäc, d'esät', päta, mäso* и *d'iet'ä, dožd'ä, pol'ä, l'ät* ($\leq lbd\phi$)⁵². Во многих словацких говорах былая мягкость губных оставила след в виде вторичного **j**: вост.-славц. *piät'i, robia*; нижнеморавск. *kraviär, staviat, sebä, tebia*; верхнеоравское *miaso, piät', sviatek*.

Что касается праславянского **r'**, то в соответствии с ним в словацком языке был представлен согласный **r'**. То, что отвердение **r'** происходило тогда, когда различия между **r'** и **r** не существовало, подтверждается наличием в современном языке согласного **r** в соответствии как с праславянским **r'**, так и **r**: *more, mora, pekär, orel, räd*.

В украинском языке былая мягкость губных также оставила след в виде вторичного **j**. Для украинского и белорусского языков существование в прошлом **r'** в со-

⁵¹ J. Stanislav. Dejiny slovenskeho jazyka, I. Bratislava, 1956, стр. 545.

⁵² См. V. Vážný. Nařeči slovenská. — „Československá vlastivěda“, III. Jazyk. Praha, 1934, стр. 277.

ответствии с праславянским **r'** подтверждается теми же данными, что и для словацкого языка. Кроме того, белорусские памятники письменности датируют отвердение **r'** XVI в.

Таким образом, из всего сказанного следует вывод о том, что в славянских языках, переживших утрату различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных, этот процесс охватил все позиционно мягкие согласные и происходил в период до падения редуцированных.

§ 11. Результатом ликвидации различия между фонематической и позиционной мягкостью явилось то, что мягкие согласные стали употребляться только перед передними гласными, а твердые согласные — только перед непередними гласными. С другой стороны, и переднее и непереднее образование гласных оказалось неразрывно связано с мягкостью или твердостью предшествующих согласных. Раньше сочетания **ty-t'i**, **tu-t'ü**, **tъ-t'ъ**, **to-t'e**, **ta-t'ä**, **tq-t'ö** (и **tē-t'ē** в западнославянских языках, переживших стяжение в результате утраты интервокального **j**) различались как согласными, так и гласными фонемами, так как были возможны такие сочетания фонем, как **ti**, **tъ**, **te**, **tä**. После утраты различия между фонематической и позиционной мягкостью в сочетаниях **ty-t'i**, **tu-t'ü** и т. д. как согласные, так и гласные, не имея возможности изолироваться друг от друга, утратили свою самостоятельную фонематическую значимость.

В рассматриваемую эпоху твердость-мягкость согласных и переднее-непереднее образование гласных сами по себе не имели фонематической самостоятельности. В качестве различителей значений выступают твердые и мягкие слоги⁵³, нечленимые сочетания мягких и твердых согласных с последующими передними и непередними гласными. В этот период были заложены предпосылки к функциональному отождествлению передних и непередних гласных одного подъема, впоследствии имевшему место в ряде славянских языков. Специфика системы

⁵³ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, cap. III, § 14; Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки **и у**. — „Вестник МГУ“, 1941, № 1.

вокализма этого периода заключалась в том, что в пределах каждого подъема в положении после согласных смыслоразличительная роль передних и непередних гласных по отношению друг к другу была ослаблена. В этом положении передние и непередние гласные являлись по существу потенциальными вариантами одной фонемы.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в упомянутый период существовали также предпосылки и к функциональному отождествлению твердых-мягких согласных.

Предпосылки к функциональному отождествлению отдельных фонем могут реализоваться лишь тогда, когда дифференциальные признаки, лежащие в основе противопоставления этих фонем, теряют свою самостоятельность, когда наличие этих признаков оказывается обусловленным дифференциальными признаками других фонем. В этом случае фонологическая нагрузка противопоставления дифференциальных признаков, ставших зависимыми, с одной стороны, и противопоставления тех дифференциальных признаков, от которых они зависят, с другой, — совпадает. Противопоставление дифференциальных признаков, ставших зависимыми, становится излишним, и происходит функциональное отождествление соответствующих фонем.

Развитие фонетической системы части славянских языков, оказавшись благоприятным для оформления твердости-мягкости согласных в самостоятельную фонологическую категорию, привело к тому, что переднее-непереднее образование гласных стало качеством зависимым, а твердость-мягкость согласных — качеством основным.

Именно поэтому в славянских языках реализовалась предпосылка к функциональному отождествлению передних-непередних гласных фонем, а не твердых-мягких согласных фонем.

§ 12. Для оформления твердости-мягкости согласных в самостоятельную фонологическую категорию решающее значение имело падение редуцированных. Именно падение редуцированных привело к тому, что твердость-мягкость согласных фонологически изолировалась от качества последующего гласного.

Последнее проявилось в том, что твердые и мягкие согласные фонемы стали различаться на конце слова,

а в некоторых языках также перед согласными. Твердость-мягкость согласных стала самостоятельным фонематическим качеством: если до падения редуцированных сочетания **ta-t'ä** представляли собою фонематически неразложимые сочетания, где гласный и согласный элементы находились в состоянии полного равновесия в том смысле, что среди них не было главного и зависимого и они были взаимообусловлены; то после падения редуцированных те же сочетания различаются согласными фонемами (**t-t'**) при тождестве гласной фонемы; различие в более переднем или более заднем образовании гласного **a** фонематически незначимо, оно зависит от качества предшествующего согласного.

При этом следует особенно подчеркнуть, что развитие корреляции твердости-мягкости является следствием не так называемого смягчения полумягких согласных самого по себе, а именно того функционального равновесия и взаимозависимости, которые создались между твердыми и мягкими согласными, с одной стороны, и непредними и передними гласными, с другой, в результате утраты различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных. Только в этих условиях при утрате последующего гласного, вызванной падением редуцированных, мягкость предшествующего согласного сохранялась, получая функциональную значимость, независимо от степени мягкости данного согласного. Мы не согласны с мнением Ван-Вейка, считавшего, что для оформления корреляции твердости-мягкости существенную роль играл и фонетический фактор сильной мягкости сам по себе⁵⁴. В действительности даже очень сильная мягкость согласного, если она позиционна, должна утратиться, как только исчезнут условия ее появления, в данном случае — последующий гласный.

§ 13. После падения редуцированных в отношении передних и задних вариантов одной фонемы вступили гласные **i** и **y**, **e** и **o**⁵⁵, **ä** и **a** (в говорах, легших

⁵⁴ N. Van-Wijk. La genèse de la mouillière des consonnes dans les langues slaves, стр. 41.

⁵⁵ Следует заметить, что в польском и нижнелужицком языках результат развития сильного **ъ** первоначально не был тождествен гласному **e** и поэтому не мог способствовать фонологическому обособлению гласных **e** и **o** в этих языках в первое время после

в основу болгарского, польского, кашубского, полабского, лужицких языков, $\ddot{a} \leq \ddot{e}$; в говорах, легших в основу восточнославянских языков, $\ddot{a} \leq \text{e}$), e и o (в тех языках, где назализация утратилась после падения редуцированных).

После падения редуцированных гласные e и \ddot{e} стали функционировать как варианты одной фонемы. При этом \ddot{e} употреблялся только после согласных, восходящих к праславянским палатальным. После мягких согласных, развившихся из позиционно смягченных согласных, употреблялся только гласный e . Таким образом, после коррелятивных твердых согласных фонем был представлен носовой гласный e , а после мягких — \ddot{e} и e , причем e употреблялся чаще, чем \ddot{e} : после мягких согласных \ddot{e} был известен только на стыке морфем, а e как на стыке морфем, так и в корнях. Гласный e , так же как \ddot{e} , стал функционировать в качестве варианта фонемы e , тем более, что в языке существовало аналогичное отношение между гласными e и o .

Функционирование \ddot{e} и e в качестве вариантов одной фонемы в полабском языке способствовало изменению $\ddot{e} > \text{e}$ (\ddot{a}). Ср. *n'ed'ěl'ġ* > *ned'ěl'ä* > *nidela*; *v'ec'er'ġ* > *v'ec'erä*, *vječera*; *rajġc'ina* > *pojacainä*.

После падения редуцированных мягкие и твердые согласные фонемы могли быть противопоставлены в положении перед гласными фонемами i/y , e/o , \ddot{a}/a , e/o , т. е. **t'i-ty, te-to, t'ä-ta, t'e-tö**.

§ 14. Функциональное тождество некоторых из этих пар гласных сопровождалось их артикуляционным сближением, которое обычно происходило в тех положениях, где этому способствовало фонетическое окружение. Так, в восточнославянских языках произошло изменение e в o в положении перед твердыми согласными (*l'od*, *n'os*, *v'ol*); в положении перед мягкими согласными узкое, напряженное образование гласного e препятствовало его изменению в o .

В отдельных восточнославянских языках изменение $\text{e} > \text{o}$ проводилось неодинаково широко. В русском

падения редуцированных. О качестве замены сильного z в польском языке см. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbanczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 112. В н.-луж. — А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 230.

языке изменение $e > o$ имело место перед всеми твердыми согласными, включая задненебные и отвердевшие шипящие. В белорусском языке это же изменение ограничилось только положением перед твердыми парными и задненебными согласными. Перед шипящими же и некоторыми другими поздно отвердевшими согласными подобный переход не имел места. Это явилось следствием того, что закон изменения $e > o$ в белорусском языке прекратил свое действие еще тогда, когда современные отвердевшие согласные были мягкими, т. е. раньше, чем в русском языке.

В украинском языке, в связи с отвердением мягких согласных перед e , изменение $e > o$ произошло лишь после шипящих, j и после таких парных мягких согласных, которые благодаря тем или иным причинам ко времени изменения $e > o$ не утратили мягкости перед e (ср. соврем. *s'omij, t'omnij, sl'ozi, l'on*)⁵⁶.

В украинском языке изменение $e > o$ после мягких согласных не было фонологически закономерным, так как оно происходило после того, как согласные, за исключением отдельных случаев, перед e отвердели и на основании этого гласные e и o вновь обрели фонематическую самостоятельность. Изменение $e > o$ после мягких согласных произошло по аналогии с фонологически закономерным изменением гласного \bar{e} , возникшего наряду с \bar{o} после падения редуцированных в новых закрытых слогах. Перед гласным \bar{e} , имеющим в силу своей долготы более узкое образование, мягкость согласных сохранялась. Гласные \bar{e} и \bar{o} явились вариантами одной фонемы. Произошло изменение \bar{e} в \bar{o} после мягких согласных. Долгий гласный \bar{o} после твердых и мягких согласных дифтонгизовался в $\hat{u}\bar{o}$ и подвергся дальнейшим изменениям, неодинаковым в различных украинских говорах. По аналогии с изменением $\bar{e} > \bar{o}$ произошло изменение $e > o$ в тех случаях, когда перед e сохранился мягкий согласный.

В восточнославянских языках функциональное отождествление передних и непередних гласных нашло выражение в изменении \ddot{a} (из ϵ) в a .

⁵⁶ См. Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, стр. 230.

§ 15. В польско-поморской группе славянских языков (польском и кашубском) функциональное отождествление передних и непередних гласных нашло выражение в изменении $\ddot{a} > a$, $e > o$, $\text{ę} > \text{ɔ}$ (т. е. $\ddot{a} > \underset{\circ}{a}$). Это изменение было ограничено положением перед твердыми зубными согласными **t, d, s, z, l, n, r**. Ср. соврем. пол. *b'aly, kv'at, l'ato, m'ara, n'oseę, b'oreę, pl'oteę, sv'ęto* из *sv'ąto* (\leq *sv'ęto*'), *tręsq* из *tr'ąsq*, *p'ąty* из *p'ąty*, *v'ązac* из *v'ązat*'.

Исходя из выше приведенных соображений о том, что функциональное отождествление передних и задних гласных является одной из сторон процесса оформления твердости-мягкости согласных в самостоятельную фонологическую категорию, мы считаем, что и польское изменение $\ddot{a} > a$, $e > o$, $\text{ę} > \text{ɔ}$ происходило после падения редуцированных, а не до него, как это принято считать. Доводы в пользу того, что так называемая перегласовка польских гласных относится к периоду до падения редуцированных, нам кажутся неубедительными.

Польские памятники письменности не дают прямых указаний как на время падения редуцированных, так и на хронологию изменения гласных \ddot{a} , e , ę . Наиболее старый из памятников — Папская булла 1136 г. — содержит результаты обоих процессов.

Поэтому из ссылок на древность изменения $\ddot{a} > a$, $e > o$ (IX—X вв.)⁵⁷ вовсе не следует, что это изменение было не после утраты слабых редуцированных, поскольку время начала этого последнего процесса нам неизвестно.

Отсутствие изменения $e > o$, $\ddot{a} > a$ в таких случаях, как *v'erny, l'edny, l'etnik, n'eb'eski*, не может считаться доказательством того, что во время изменения $e > o$, $\ddot{a} > a$ слабые редуцированные еще существовали⁵⁸. Названное изменение в этих случаях могло отсутствовать

⁵⁷ См. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawinski, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 77, 81.

⁵⁸ Мнение о том, что названное изменение в этих случаях не произошло потому, что после \ddot{a} , e следовал согласный, мягкость которого была обусловлена находящимся после него гласным \ddot{y} , высказана А. М. Селищевым („Славянское языкознание“, стр. 308, 309) и Штибером („Rozwój fonologiczny języka polskiego“. Warszawa, 1952, стр. 11 и др.).

потому, что согласные, следующие за \ddot{a} , e , некоторое время после утраты редуцированных сохраняли мягкость, обусловленную слабым \ddot{b} . Согласные эти утратили мягкость уже после того, как закон изменения $\ddot{a} > a$, $e > o$ перед твердыми переднеязычными перестал действовать.

Наиболее веским доказательством того, что перегласовка гласных происходила до падения редуцированных, является, казалось бы, то обстоятельство, что изменению в o не подвергся гласный e из \ddot{b} . На это можно возразить следующее. Вполне вероятно, что не только замена сильного \ddot{b} не сразу совпала с гласным e , но и результаты развития сильного \ddot{b} также первоначально отличались от гласного e . В польских памятниках письменности XII—XIII вв. имеются указания на то, что в произношении гласного, соответствующего сильному \ddot{b} , имелись элементы лабиализации, т. е. рефлекс гласного \ddot{b} был отличен от гласного e ⁵⁹. Предположение о том, что первоначально замены сильных \ddot{b} и \ddot{b} не совпадали с e , а были более открытыми гласными типа a , высказывал Розвадовский⁶⁰. Таким образом, отсутствие изменения e из \ddot{b} в o в польском языке вовсе не обязательно должно рассматриваться как результат того, что изменение это имело место для падения редуцированных. Отсутствие названного изменения может быть объяснено тем, что в момент перехода $e > o$ замена сильного \ddot{b} отличалась от гласного e . Между прочим, А. Селищев объясняет отсутствие изменения e (из \ddot{b}) в o в лужицких языках тем, что гласный, развившийся на месте \ddot{b} , ко времени начала осуществления процесса $e > o$ не был тождествен гласному e из $*e$ ⁶¹. Р. Якобсон, относя польское изменение $e > o$ ко времени после падения редуцированных, также объясняет отсутствие изменения e (из \ddot{b}) в o тем, что изменение $e > o$ осуществлялось после падения слабых редуцированных, но до совпадения сильных редуцированных с e ⁶².

⁵⁹ Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbaničzyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 112.

⁶⁰ J. Rozwadowski. Historyczna fonetyka czyli glosownia języka polskiego. — „Język polski i jego historia“, cz. I. Kraków, 1915, стр. 343.

⁶¹ А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 235.

⁶² R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. ..., cap. VII, § 1.

§ 16. В лужицких языках функциональное отождествление передних и непередних гласных сопровождалось прежде всего изменением $\ddot{a} > a$ и $e > o$.

В верхнелужицком гласный \ddot{a} (из ϵ) изменился в a в положении перед твердыми согласными и в ϵ — перед мягкими согласными. Ср. *hr'ada, džakovać, svjaty i pojeć, dževjsć*; ϵ — вариант фонемы a , употребление которого обусловлено положением между мягкими согласными. В мужаковском диалекте $\ddot{a} > a$ во всех положениях, кроме конца слова. Ср. *čaško, pjać, pjaty, škar'ada*. Кроме того, в мужаковском диалекте изменению в a подвергся гласный, выступающий на месте праславянского ϵ ⁶³. Этот гласный принято обозначать знаком \ddot{a} , так же, как и замену праславянского ϵ , что как будто бы указывает на совпадение результатов развития праславянского ϵ и ϵ в одном гласном. Однако на самом деле качество гласных, выступавших на месте праславянских ϵ , ϵ в мужаковском диалекте, было неодинаково, как об этом свидетельствует различная их судьба. В то время как первоначальная замена ϵ изменилась в a во всех положениях, замена гласного ϵ претерпела то же изменение только перед твердыми переднеязычными согласными. Ср. *pjask, klatka, laska*. Аналогичное изменение гласного \ddot{a} из ϵ было известно в вымерших жоравском и губинском наречиях⁶⁴.

Во всех лужицких наречиях произошло изменение $e > o$, „хотя современное фактическое состояние словарного материала и не везде одинаково“⁶⁵. Ср. *sotra, šoply* (н.-луж.), *ćosać* (в.-луж.), *r'obro* (н.-луж.), *mjodu, zelony, pol'o, mor'o*. На процесс изменения $e > o$ в лужицких языках существуют различные точки зрения. Разногласия касаются, с одной стороны, происхождения e , подвергшегося изменению в o , и с другой — условий изменения⁶⁶.

⁶³ Об этом явлении в мужаковском диалекте см. А. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I. Пг., 1915, стр. 158—159.

⁶⁴ См. Е. Муске. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 63, 64.

⁶⁵ А. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 170.

⁶⁶ См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 235; Е. Муске. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 51 и след.; К. Мейер. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1557).

В вымершем жоравском наречии утрата ринезма происходила позже, чем в других лужицких говорах. Гласные **ѣ** и **ѡ**, сохраняясь после падения редуцированных, подверглись функциональному отождествлению и совпали в одном гласном **ѡ**, который после утраты назализации изменился в **u**. Ср. *custo, źesuty, jazyk, mjuso, požudaś*. По мнению Ташицкого, изменение **ѣ** в **ѡ** имело место только перед твердыми переднеязычными⁶⁷, А. А. Шахматов считает, что **ѣ** > **ѡ** перед любыми твердыми согласными⁶⁸.

§ 17. В полабском языке функциональное отождествление передних и непередних гласных сопровождалось следующими артикуляционными изменениями гласных.

Сильный гласный **ь** в положении перед твердыми согласными изменился в **ǎ**, совпав с заменой сильного **ъ**. Ср. *p'ǎs, t'ǎma, dǎnŭ, dǎžd*. Перед мягкими согласными рефлекс гласного **ь** оставался в пределах переднего ряда — **ǎ**, изменившийся в **a** после отвердевших согласных, — *dan, pan, vas*. Наличие мягких согласных после гласного **ь**, видимо, препятствовало тому, чтобы функциональное отождествление **ъ** и **ь** нашло здесь звуковое выражение: между мягкими согласными затруднено произношение непередних гласных.

Гласный **ǎ** (из **ѣ**) в положении перед твердыми зубными согласными изменился в **a**, который затем наряду с праславянским **a** лабиализовался в **o**. Ср. *st'onǎ, t'ostŭ, d'olŭ, s'oro, s'onŭ, gn'ozda, p'osak, m'oro, b'ola*.

Следует подчеркнуть, что хотя и принято обозначать одним знаком **ǎ** гласный, соответствующий в полабском языке сильному **ь** в первое время после его прояснения, с одной стороны, и праславянскому гласному **ѣ**, — с другой⁶⁹, на самом же деле замены праславянских **ь**

Leipzig, 1923, стр. 36; Л. В. Щерб а. Восточнолужицкое наречие, стр. 171 и след.; А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. — ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2, стр. 266; W. T a s z u c k i. Stanowisko języka łużyckiego. — Сб. „Symbolaëe grammatical in honorem Joannis Rozwadowski“, т. III. Cracoviae, 1928, стр. 127—138; Т. М и л е w s k i. A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves. — „Rocznik slavistyczny“, 1956, т. XVIII, стр. 39—77.

⁶⁷ W. T a s z u c k i. Stanowisko języka łużyckiego, стр. 132—133.

⁶⁸ А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков, стр. 269.

⁶⁹ См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 308, 427.

и **ě** в полабском языке не совпадали, как об этом свидетельствует их разная судьба: в то время как **ǣ** (из **ь**) перед мягкими согласными сохранился, **ǣ** (из **ě**) в том же положении изменился в **е**.

Гласный **ǣ** из праславянского **ę** изменился в **ѳ** положении перед твердыми зубными: *gr'ǫda, v'ǫzət, dis'ǫtə, p'ǫtə*. Об изменении **ѳ** > **ѳ** уже говорилось выше.

Гласный **е** не подвергся изменениям, вызванным функциональным отождествлением передних и непередних гласных. Однако это отождествление обусловило передвижение гласного **о** вперед, в средний ряд в положении перед твердыми зубными. Ср. *nös, döl, smöla, pöl, rösa, möst*. В положении перед непереднеязычными согласными **о** изменился в **ü**. Казалось бы, что гласные **ö** и **ü** надо считать вариантами одной фонемы. Однако это, видимо, не так. Дело в том, что в положении после **в** протетического гласный **ö** может выступать перед непереднеязычными, а **ü** перед переднеязычными. Ср. *vütadojěmə* (≤ *otvadžemy*) и *vökräst* (≤ *okrasti*).

Гласные **е** и **ö** до отвердения согласных перед гласными переднего ряда являлись представителями гласной фонемы переднего ряда среднего подъема; наличие или отсутствие лабиализации и более переднее или заднее образование было обусловлено твердостью-мягкостью предшествующей согласной фонемы. В полабском языке того периода, о котором мы имеем сведения, гласный **ö** является уже самостоятельной фонемой, перед которой противопоставлены фонемы **t-t'**, **d-d'**, при этом **t', d'** развились из **k', g'**. Ср. *töra* (≤ *vřtorřjb*)-*t'ölü* (≤ *kolo*), *döl-d'öra* (≤ *gora*).

Однако оформление **ö** в самостоятельную фонему, связанное с изменением **k', g'** > **t', d'**, относится к периоду более позднему, чем само появление гласного **ö**, как это явствует из следующих соображений.

Задненебные **k, g** в полабском языке в положении перед гласными среднего ряда **y, ö, ü, ě** смягчались по мере появления этих гласных: *nüg'i, vřsk'i, k'ölü, g'öra, k'ün', jig'ü, k'ěnřdz'i*. При этом **k' g'** в течение определенного времени сохраняли артикуляцию, отличную от **t', d'**, хотя, может быть, и сближались с этими последними. Согласные **k', g'** являлись вариантами фонем **k, g**, обусловленными положением перед **i** (из **y**), **ö, ü, ě**.

После появления дифтонга **äi** (из **i**) мягкие согласные перед ним отвердели, как перед другими передними гласными, но не **k'**, **g'**, которые не могли быть твердыми не только перед гласными переднего ряда, но и перед гласными среднего ряда. Таким образом, рядом с *paït* ($\ll n'it'$), *vaiṇə* ($\ll v'ino$), *baït* ($\ll b'it'i$), *maïmü* ($\ll m'imo$), *t'auṭaït* ($\ll kut'it'i$) оставалось *nüg'äi*, *vâsk'äi* и лишь после отвердения мягких согласных перед другими гласными переднего ряда произошло изменение **k'**, **g'** в **t'**, **d'**, которые уже не отвердели перед **äi**, так как процесс отвердения кончился (ср. *t'auṭaït* из *kut'it't* и *rât'ai* из *orky*).

С осуществлением этого изменения задненебных согласных гласный **ö** стал самостоятельной фонемой, употребляющейся как после твердых, так и после мягких согласных фонем; лабиальность гласного **ö** стала качеством независимым от твердости-мягкости предшествующих согласных фонем.

§ 18. В древнеболгарских диалектах, легших в основу восточноболгарского наречия, функциональное отождествление передних и непередних гласных отразилось в изменении **ä** (из **ë**) в **a**. Ср. *t'asto*, *d'ado*, *s'ano*, *xl'ap*, *gn'azdo*.

Произошло совпадение праславянских **ę** и **ɸ** в одном гласном. После утраты назализации гласный, в котором совпали **ę** и **ɸ**, изменился в **ъ**. Это явление отражено в современных родопских говорах. Ср. *zъp* и *z'ъt'*, *mъš* и *m'ъso* или *zôp*, *z'ôt'*, *môš*.

В дальнейшем во многих восточноболгарских говорах в положении после мягких согласных **ъ** из **ɸ** изменился в **e**, в то время как после твердых согласных тот же гласный оставался без изменения. Это могло быть связано с тем, что **ъ** после мягких согласных имел более узкое образование, чем после твердых согласных.

В восточноболгарских говорах имело место совпадение сильных **ъ** и **ь** в гласном **ъ**. Ср. современные родопские говоры, где *p'ъп'*, *l'ъп*, *d'ъп'*, *slъпс*. Если это явление трактовать как звуковое выражение функционального отождествления передних и непередних гласных, то следует согласиться с мнением Р. Якобсона о том, что совпадение **ъ** и **ь** могло произойти только в том случае, если редуцированные в конце слова исчезли

раньше, чем в других положениях. Этим было положено начало распада противопоставления мягких-твердых слогов, и сильные **Ъ** и **Ь** выразили свое функциональное отождествление звуковым совпадением⁷⁰.

Следует заметить, что от изменения **Ь** > **Ъ**, как следствия функционального отождествления передних и непередних гласных, следует отличать известное как восточным, так и западным болгарским говорам изменение **Ь** > **Ъ** в начальном слоге слова с отвердением предшествующего согласного, т. е. *тъмно, мъгла, ръп*.

Если изменение **Ь** > **Ъ** первого типа связано с оформлением твердых-мягких согласных в самостоятельную фонематическую категорию, то в основе изменения **Ь** > **Ъ** в начальном слоге лежат какие-то иные причины, так как оно относится ко времени существования различия между фонематической и позиционной мягкостью, как об этом свидетельствует твердость согласных перед **Ъ** из **Ь** в начальном слоге слова.

Гласные **е** и **о** в восточноболгарских говорах не подверглись изменениям, связанным с функциональным отождествлением передних и непередних гласных⁷¹.

В западноболгарских говорах в отличие от восточноболгарских функциональное отождествление передних и непередних гласных фонем не имело места; переднее и непереднее образование гласных сохраняло функциональную значимость. В связи с этим в названных говорах не происходило и звукового совпадения передних и непередних гласных. Гласный **ä** < **ё** сохранил переднее образование, изменившись в **е**; отсутствовало и совпадение **ф** и **ё** в одном звуке. Эта особенность западноболгарского вокализма свидетельствует о том, что в западноболгарских говорах категория твердых-мягких согласных фонем развивалась иными путями, чем в восточноболгарских; в частности, одно из раз-

⁷⁰ R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. . . , cap. VII, § 9.

⁷¹ Р. Якобсон считает, что это связано с тем, что в вост.-болг. **е** и **о** еще до утраты редуцированных превратились в две различные фонемы: утрата **ј** перед **е** в начале слова привела к тому, что употребление **е** перестало быть ограничено положением после мягких согласных; гласный **е** стал самостоятельной фонемой и объединился от **о** (R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. . . , cap. IV, § 3.)

личий заключалось в том, что в западноболгарских говорах ко времени падения редуцированных сохранялось различие между фонематической и позиционной мягкостью согласных.

В некоторых южномакедонских диалектах, развивших корреляцию твердости-мягкости, функциональное отождествление передних и непередних гласных выразилось в том, что гласный $\ddot{a} \leq \check{e}$, функционируя как вариант фонемы **а**, не изменился в **е**, как это имело место в тех говорах, которые, не развив корреляции твердости-мягкости, сохранили функциональную значимость переднего и непереднего образования гласных. Ср., *r'äka, l'äp, snäk, t'äsna* в южном говоре Сухо⁷² и *vera, dedo, grex, del, leto, seno* в северных и центральных македонских говорах.

§ 19. Артикуляционное слияние или сближение передних и непередних гласных, служившее выражением функционального тождества этих гласных, привело в конечном счете к тому, что передние и непередние гласные, находившиеся непосредственно после падения редуцированных в отношениях вариантов одной фонемы, вновь обрели фонологическую самостоятельность.

В восточнoболгарских говорах и польском самостоятельной фонемой стал гласный **а**, находившийся раньше в отношении вариантов одной фонемы с гласным \ddot{a} .

Обычно же в тех случаях, когда артикуляционное совпадение передних и непередних гласных было ограничено определенными фонетическими условиями, фонематическое обособление некоторых передних и непередних гласных могло наступить не сразу. Так, в польском языке фонематическое обособление \ddot{a} ($\leq \epsilon$) и \check{a} ($\leq o$) наступило после того, как \ddot{a} и \check{a} совпали в \bar{a} , а \check{a} и \check{a} — в \check{a} , и оба гласных стали употребляться как после твердых, так и после мягких согласных независимо от качества последующего согласного; фонематическое обособление гласных **е** и **о** произошло после того, как замены праславянских **ѣ** и **ь** совпали с **е**, и таким образом гласный **е** стал употребляться как после твердых, так и после мягких согласных.

⁷² V. O b l a k. *Macedonische Studien*. Wien, 1896, стр. 26.

В древнерусском языке **е** и **о** стали самостоятельными фонемами лишь после того, как гласный **о** после мягких согласных стал употребляться не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными. До этого гласный **е** был вариантом фонемы **о**, употребление которого было обусловлено положением между мягкими согласными. Во многих русских говорах фонологическому обособлению гласных **е** и **о** способствовало изменение $\tilde{e} > e$, вследствие чего гласный **е** стал употребляться как перед мягкими, так и перед твердыми согласными.

§ 20. В результате осуществления рассмотренных выше процессов в области гласных в славянских языках сложилась следующая система различия твердых-мягких согласных фонем.

В древнерусском языке: **t-t'** в изолированном положении, т. е. на конце слова и перед некоторыми согласными, **ty-t'i**, **tu-t'u**, **to-t'o**, **ta-t'a**. В древнерусских говорах, легших в основу украинского языка, твердые-мягкие фонемы, кроме того, различались перед \tilde{o} (**uo**); перед **о** различие было представлено в ограниченных случаях. Ср. *son-d'en'*, *otmyt'i-t'ma*, *ty-t'ixo*, *luk-l'ud'i*, *nos-n'os*, *rad-r'ad*; для украинского языка: *nōs-n'ōs*.

В польском языке: **t-t'**, **t'i-ty**, **tu-t'u**, **te-t'e**, **to-t'o**, **tq-t'q**, **ta-t'a**, а также в положении перед ϵ (\tilde{a}), который после твердых согласных выступал в причастиях типа *nesę*, *vedę*. Ср. *sen-d'en'*, *svad'ba-dbat'i*, *syn-s'ila*, *grobu-korab'u*, *sen-v s'en'e*, *nos-n'oseę*, *dar-d'alo*, *rob'it'i-tr'qsp*, *noseę-d'es'ęt*; то же перед соответствующими долгими гласными.

В лужицких языках: **t-t'**, **t'i-ty**, **tu-t'u**, **te-t'e** (н.-луж.), **to-t'o**, **ta-t'a**. Ср. *list-put'*, *syn-s'ikora*, *puto-sp'u*, *sen-s'erp* (н.-луж.), *dno-dn'owu*, *dat'i-d'alo* (мужак.); *rad-hr'ada*, *hr'ed'e*.

В полабском языке: **t-t'**, **ty-t'i**, **tu-t'u**, **tö-t'e**, **ta-t'a**, **tq-t'q**. Ср. *syn-p'än'*, *dym-d'ivuy*, *luna-l'ud'i*, *pöl-p'erü*, *rat-vür'al*, *dqb-d'qсна*.

В восточноболгарских говорах: **t-t'**, **ty-t'i**, **tu-t'u**, **tz-t'z**, **ta-t'a**. Ср. *sъn-d'en'*, *ty-t'ixo*, *nužda-n'ux*, *zъp-z'ъt'*, *dam-d'ado*.

В положении перед **u** твердые-мягкие согласные фонемы были противопоставлены неодинаково широко в разных группах славянских языков.

Различение твердых-мягких согласных фонем перед **и** непосредственно обусловлено возможностью употребления перед **й** палатальных согласных, образующих в праславянском мягкие фонемы.

В связи с тем, что перед **й** употреблялись только палатальные согласные, развитие праславянской позиционной мягкости в мягкость фонематическую в конечном счете в сравнении с праславянским периодом не внесло существенных изменений в различение твердых и мягких согласных фонем перед **и** (из **й, и**). В результате в восточнославянских языках перед **и** различались только **l-l', n-n', r-r', s-s', z-z'**. В западнославянских языках перед **и** были противопоставлены твердые-мягкие губные согласные фонемы и **l-l', n-n', r-r'**. Это было обусловлено тем, что в западнославянских языках губные согласные, развившие в праславянский период в положении перед **j** **l'**-образный призвук, в начальный период самостоятельного существования этих языков утратили этот призвук (в то время, как восточнославянские языки развили его в согласный **l'**) и совпали в своем качестве с губными, получившими мягкость из праславянской позиционной мягкости.

§ 21. Отдельно следует остановиться на состоянии корреляции твердых-мягких согласных фонем в чешском и словацком языках в период вскоре после падения редуцированных.

Предпосылки к функциональному отождествлению передних и непередних гласных одного подъема, возникшие в этих языках еще до падения редуцированных, реализовались после падения редуцированных в меньшей степени, чем в других языках, развивших корреляцию твердости-мягкости. Это было, видимо, связано с тем, что специфика вокализма этих языков не способствовала тому, чтобы передние и непередние гласные вступили друг с другом в отношения вариантов одной фонемы. Так, по мнению некоторых исследователей⁷³, гласный **ä** из **ѣ** в чешском некоторое время был самостоятельной фонемой, противопоставленной фонеме **a**, которая в положении после мягких соглас-

⁷³ М. Комáрек. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems. — „Zeitschrift für Slavistik“, 1956, Bd. I, H. 4, стр. 18.

ных выступала в варианте **ä**. Об этом свидетельствует разная судьба замен праславянских **ę** и **a** после мягких согласных перед **k** в чешском языке, где в соответствии с **ę** представлен гласный **e**, в то время как **a** сохраняется без изменения: *jeku* и *jaku*.

Существует мнение, что гласные **ä**, **ā** были самостоятельными фонемами в диалектах, легших в основу среднесловацкого наречия. Это мнение основано на том, что в названных говорах гласные **ä**, **ā** сохранили переднее образование после того, как предшествующие мягкие губные согласные и **s'**, **z'**, **r'** отвердели⁷⁴.

Однако в этом случае могла иметь место и фонологизация вариантов. Аналогичное явление известно, например, некоторым западноукраинским говорам, где после отвердения мягких согласных перед **i** гласные **i** и **y** стали функционировать как самостоятельные фонемы.

Фонологизация вариантов **ä**, **ā** не во всех среднесловацких говорах вела к появлению новых фонем. Так, например, в некоторых нижнеморавских говорах гласные **ä**, **ā** после отвердевших согласных изменились в **e**, **ē** и стали функционировать как фонемы **e**, **ē**. Ср. *prese*, *stavet'*, *pet'*, *prētel'*, *kravēr*, *mesēr*, но *jaskin'a*, *oni sud'a*, *sed'ā*, *l'ud'ā*, *d'ābol*.

В литературном словацком языке и в говорах фонема **ä** употребляется только после губных согласных. Это свидетельствует о том, что в этих говорах мягкие губные отвердели раньше, чем **s'**, **z'**, **r'**, и что к моменту отвердения этих последних гласный **ä** изменился в **a**.

Гласные **o** и **e** в чешском языке сразу после падения редуцированных получили фонологическую самостоятельность в связи с изменением сильного **ъ** в **э** (гласный среднего ряда и подъема, нелабиализованный); гласные **э** и **e** стали функционировать как передний и непередний варианты одной фонемы, употребление которых обусловлено твердостью или мягкостью пред-

⁷⁴ A. Arany, J. Orlovský. Gramatyka jazyka slovenskeho. Bratislava, 1947, стр. 225; J. Stanislav. Dejiny slovenskeho jazyka, I. Bratislava, 1956, стр. 347.

шествующей согласной фонемы (ср. *sadək-d'en'*)⁷⁵. Функционально тождественными стали гласные **i** и **y**.

Таким образом, после падения редуцированных в чешском языке твердые-мягкие согласные фонемы образовали следующую систему противопоставлений: **t-t'**, **ty-t'i**, **tu-t'u**, **ta-t'a**, **tə-t'e**; то же перед долгими гласными. Ср. *dub-holub'*; *most-prst'*, *když-d'iv*, *nuda-kon'u* (дат. ед.), *nagŷ-kon'a* (род. ед.), *sadək-d'en'*.

В словацком языке после утраты носовых и изменения **ě > e** твердые и мягкие согласные образовали следующую систему противопоставлений: **t-t'**, **ty-t'i**, **tu-t'u**, **ta-t'ä**, **te-t'e**, то же перед долгими согласными. Ср. *most-kost'*, *nŷt'i-znamen'i*, *t'ixŷ-ty*, *ruka-br'uxo*, *odtrgnŷt's'ä-na n'ü*, *zäklad-z'ät'*, *snaha-von'ä*, *mladëgo-d'ëvka*, *domek-m'ena*.

В чешском и словацком языках в отличие от других славянских языков, развивших корреляцию твердости-мягкости, фонологизация твердости-мягкости согласных не сопровождалась существенным сокращением фонетически значимых элементов в области вокализма. В чешском и словацком языках менее широко осуществилось функциональное отождествление передних и непередних гласных, последовательно сохранялось функциональное противопоставление долготы и краткости гласных.

В славянских языках богато развитая система вокализма не может сочетаться с разнообразием фонологически значимых элементов в области консонантизма, в частности с корреляцией твердости-мягкости.

Системы вокализма и консонантизма в чешском и словацком языках, хотя и располагали несовместимыми функциональными элементами, находились некоторое

⁷⁵ Существует также мнение, что фонологическому отождествлению **e** и **o** препятствовало то обстоятельство, что в чешском языке после палатальных согласных, образующих праславянские мягкие фонемы, в результате морфологической аналогии очень рано стал употребляться гласный **o** в случаях типа *kon'ovi* (см. М. Комарек. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 21); об этом же изменении см. О. Нужер. Vvoj jazyka československého, стр. 42. Однако Ф. Травничек более справедливо относит появление **o** вместо **e** в названных случаях к более позднему времени после изменения **ä > ě**, **u > i** (Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 40).

время после падения редуцированных в состоянии равновесия в том смысле, что ни система вокализма, ни система консонантизма не подвергались упрощению.

Но с XIII в. в чешском и словацком языках это равновесие было нарушено в связи с тем, что вокализм этих языков пошел по пути закрепления свойственного ему богатства функциональных средств, превращая количественное различие гласных в качественное. Одновременно с этим в чешском языке и большей части словацких говоров в области согласных начались процессы, ведущие к сокращению корреляции твердости-мягкости. См. об этом ниже.

§ 22. Характерной особенностью системы твердых-мягких согласных фонем, сложившейся в славянских языках после падения редуцированных, было то, что противопоставление твердых-мягких согласных фонем в определенных положениях, различающихся по языкам, могло подвергаться активной нейтрализации. В древнерусском языке это имело место перед *ѣ, е*, а также в положении перед согласными. Ср. *ž'ilo-t'el'a* и *ž'il'ec t'el'ec'*, *son-kon'* и *o sn'ě o kon'ě*. Что касается положения перед согласными, то более или менее точно определить круг согласных, перед которыми происходила нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем, для столь древней эпохи не представляется возможным. Основываясь на показаниях древнерусских памятников письменности, с уверенностью можно сказать лишь то, что уже вскоре после падения редуцированных нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имела место перед твердыми зубными и мягкими губными согласными⁷⁶. Подобная нейтрализация была представлена в случаях типа: *drob'-grob* и *drobnyj, zagrobnyj; l'ubov', obygrat'* и *l'ub'v'i, ob'v'it'*; *ospa-proz'ba* и *os'p'e, proz'b'e; gr'az'-moroz* и *gr'aznyj, moroznyj*.

Еще более сложной задачей является уточнение условий активной нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем в рассматриваемый

⁷⁶ Об отражении этих явлений в древнерусских памятниках см. в нашей статье „Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке“.

период в польском языке, где после падения редуцированных противопоставление твердых-мягких согласных фонем было представлено перед всеми гласными, а нейтрализация противопоставления тех же фонем имела место только перед согласными. Польские памятники письменности не дают никаких свидетельств об интересующем нас явлении в названную эпоху. Однако можно предположить, что нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем, безусловно, имела место в положении перед твердыми зубными согласными: ведь после падения редуцированных мягкие согласные в положении перед твердыми зубными подверглись отвердению даже в таком склонном к развитию категории твердых-мягких согласных фонем языке, как русский. Отвердение же мягких согласных в названном положении вело к тому, что в этом положении создавались условия для нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных фонем. Таким образом, в польском уже вскоре после падения редуцированных были представлены отношения следующего типа: *m'ed'vod* (род. мн.) и *m'edny vodny*; *pot-kost'* и *potny kostny*⁷⁷.

Активная нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем в положении перед согласным была представлена, видимо, также в лужицких языках, в полабском языке, в восточноболгарских говорах.

В верхнедужицких говорах противопоставление твердых-мягких согласных фонем, кроме того, нейтрализовалось в положении перед *е* до тех пор, пока гласный *ē*, возникший в положении после твердых согласных в результате стяжения, не утратил долготы, после чего твердые-мягкие согласные фонемы перестали различаться перед *е* — *list-mat'* и *na list'e* (мест. ед.) *mat'er'e* (род. ед.).

В старочешском языке активная нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имела место перед гласным *ě* и перед согласными, т. е.

⁷⁷ Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 133.

mlyn-dlan' и *ve mlyn'ě dlan'ě* (род. ед.)⁷⁸, *xlad-z'ed'* и *xladno z'ednar'* (соврем. *zednář*).

В словацком языке нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем происходила в положении перед *o*, *ō* и перед некоторыми согласными: *mostek-v m'est'e* и *mostōm m'esto*; *pan-kon'* и *panskŷ konskŷ*.

§ 23. Выше уже упоминалось о том, что в языках, развивших корреляцию твердости-мягкости на основе превращения праславянской позиционной мягкости в фонематическую, этот процесс распространился на все группы согласных, способных подвергаться позиционному смягчению перед гласными переднего ряда. После падения редуцированных в этих языках образовались следующие пары коррелятивных по твердости-мягкости фонем: **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **z-z'**, **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, **p-p'**, **b-b'**, **v-v'**, **m-m'**. Различение этих фонем и нейтрализация их противопоставления имели место в позициях, рассмотренных выше.

В ходе дальнейшего развития части славянских языков система коррелятивных по твердости-мягкости фонем подверглась изменениям, к рассмотрению которых мы и обратимся.

В славянских языках, развивших корреляцию твердых-мягких согласных фонем, группа губных согласных фонем выделяется как такая, которая стремится максимально сократить позиции различения по твердости-мягкости или даже оказаться полностью вне этого различения. Так, в современном русском языке губные фонемы не противопоставлены по твердости-мягкости в положении перед согласными, а во многих говорах (северновеликорусских, южновеликорусских и переходных) и на конце слова; в белорусском языке губные фонемы не противопоставлены по твердости-мягкости на конце слова, перед согласными, а в южных белорусских говорах и перед гласными фонемами, за исключением *i*; в украинском языке и большей части польских говоров губные согласные вообще стоят вне корреляции по твердости-

⁷⁸ После того, как окончание *ja*-основ распространилось на некоторые основы на *-i*. См. А. М. Селищев. Славянское языкознание, стр. 137.

мягкости. В большей части словацких говоров, как и в чешском языке, за пределами корреляции по твердости-мягкости наряду с губными согласными фонемами оказались и фонемы **s**, **z**. Однако о том, что устранение губных фонем из корреляции твердости-мягкости было более интенсивным и хронологически, видимо, более ранним, чем тот же процесс в отношении названных зубных фонем, свидетельствуют некоторые восточнословацкие говоры, где при наличии **s-s'**, **z-z'** губные согласные фонемы по твердости-мягкости не различаются. Ср. *sin-s'ila*, *vozi-z'ima*, *nosek-s'eno*, но *s'meli*, *s'pim*, *pismo*⁷⁹.

В лужицких языках при общей тенденции сокращения корреляции твердых-мягких согласных фонем наиболее последовательно она проведена в группе губных согласных фонем.

Подобное функционирование губных согласных фонем в отношении корреляции твердости-мягкости в большой степени обусловлено артикуляционной спецификой губных согласных. Губным согласным в славянских языках присуща сильная лабиовелярная артикуляция. Ср. лабиализующее влияние губных согласных на гласные: в рус. говорах — *bábuĭ*, *pupolám*, *sumavár*, *trová*, *pupá*; в ю.-зап. блр. говорах — *mulo*, *zvúĭk* ('привык'), *vúĭjezd*, *tróĭka*, *uz'ou*, *dou*; в ю.-зап. укр. говорах — *dou*, *vípisoŭ*; в.-луж. **y** > **u** (**ó**, **o**) в соседстве с губными согласными — *mu*, *rybu*, *cyru* (им. мн. сущ.), *buden'e*, *ĉoputač' < opytati*⁸⁰; в говорах восточной и южной Сербии: **a** > **o** — *bóba*, *dvojarmá*, *kipovól*, **e** > **o** — *bolaj*, *govodáre*⁸¹; в восточночерногорских сербских говорах в соседстве с губными лабиализуются **a** и редуцированной „ряда **a**“: *b^oába*, *v^oál*, *ov^ođ^ap*, *p^ođ^as*⁸² и т. д.

⁷⁹ См. J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, I, стр. 545.

На то, что депалатализация губных и сибиллянтов в чешском и словацком происходила не одновременно, указывал Трубецкой. См. List N. S. Trubeckého o slovenskom, českém a ruském historickom hláskosloví, стр. 31.

⁸⁰ См. Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łuzycznych. Kraków, 1934, стр. 79.

⁸¹ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 25, 26.

⁸² М. В. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат.

При наличии столь сильной лабиовелярной артикуляции мягкость, являясь по своей сущности переднеязычной артикуляцией, у губных находится в известном противоречии с их основной артикуляцией. В то время как у зубных согласных мягкость достигается лишь некоторым видоизменением основной артикуляции, мягкость у губных являет собою самостоятельную дополнительную среднеязычную артикуляцию⁸³. В качестве самостоятельной артикуляции она легко может утратиться, что ведет к отвердению мягких губных согласных. Широко распространено отвердение мягких губных согласных на конце слова и перед согласными, так как в тех положениях, где мягкость не поддержана артикуляцией следующего элемента, переход от мягкого согласного к последующему гласному, даже непременному, происходит более плавно, чем к последующему согласному: гласный звук в силу нелокализованности своего образования в начальной стадии приспосабливается к артикуляции предшествующего мягкого согласного в значительно большей степени, чем согласный, образование которого обычно четко локализовано, и этим способствуют сохранению мягкой артикуляции предшествующих согласных, в частности губных. В положении же перед согласными и на конце слова, не имея такой поддержки, мягкие губные согласные легко утрачивают мягкую артикуляцию, тем более, что она находится в противоречии с их основной артикуляцией.

Мягкие губные повсеместно отвердели перед согласными; отвердение губных на конце слова известно в русских говорах, белорусском, украинском языках, в большей части польских говоров. Ср. рус. *krof*, *l'ubof*, *golup*; блр. *krow*, *brow*, *s'em*; укр. *dr'ib*, *v'is'im*, *cerw*; пол. *golob*, *žurav*, *ošem*.

⁸³ Ср. замечания М. Комарека по этому поводу: „... губные согласные сопротивляются настоящей палатализации (в их артикуляции язык не принимает участия), у них происходила только акустическая палатализация (eine akustische Palatalisierung): мягкие губные согласные произносятся с сильно сомкнутыми губами и сопровождаются *i*-элементом, который является выразителем мягкости“ (М. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 32).

Следует заметить, что в данный момент, разбирая вопрос о склонности мягких губных к отвердению, мы пока оставляем в стороне те случаи, когда это отверждение мягких губных вызвано определенными тенденциями в фонологическом развитии соответствующих языков. Такого отверждения губных в чешском языке, в украинском в положении перед **e**, **i**, в полабском перед передними гласными.

В ряде славянских языков и говоров мягкие губные согласные в положении перед гласными, реже — на конце слова, выделяют мягкость в самостоятельную артикуляцию, обычно спирант **i̯** (**j**), а в польских и кашубских говорах, кроме того, **ś**, **ź**, **x'**, **ɣ'**, **š'**, **ž'**. Сами губные перед этими вторичными спирантами в различных языках бывают или только твердыми, или твердыми и мягкими.

Первоначально выделение мягкой артикуляции у губных в самостоятельный спирант имело место перед передними гласными.

Так, в украинском языке мягкие губные в положении перед передними гласными выделили мягкость в самостоятельный спирант **j**, а сами отвердели, в то время как перед **i̯** сохранилось синхронное произношение мягких губных согласных (перед **e** и **i** губные отвердели еще раньше наряду с другими мягкими согласными). Ср. *pjad'*, *mertvjak*, *havjurka*, *mjač*, *holubjata* и *b'ik*, *p'ič*, *m'isto*, *v'iter*.

Исключение составляют некоторые полесские говоры, где выделение мягкой артикуляции у губных в виде **j̯** известно и перед **i̯**: *objid*, *pjiven'*, *vjira*⁸⁴. В западноукраинских говорах мягкая артикуляция у губных обособляется в **l'** (может быть, через ступень **j**). Ср. *žerebl'a*, *žabl'ácii*, *olov'anii*, *slovl'ak*⁸⁵. У согласного **m'** мягкость в говорах часто развивается в **n'** — *mn'asto*, *solomn'ani*, *s'imn'a*, *vimn'a*.

В западных и восточных словацких говорах также известно выделение мягкости у губных. Ср. вост.-славц. *piat'i*, *robja* и *mes'ac*, *t'ahnuc*; зап.-славц. *zviadnūt*,

⁸⁴ J. Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 60.

⁸⁵ Там же.

ribja, biĕhat, vĕra, mĕsto и *zat, t'ahat, t'elo, d'elo*. В среднесловацких говорах наличие **ja** после отвердевших губных, как и после других твердых и мягких согласных, не связано с изменением мягких губных согласных, а является результатом дифтонгизации **ä** в **ja**: *t'iaž, hod'jä, mesiac, desiaty, triast', pĕatok, pamiatka*.

Для лужицких языков Штибер дает транскрипцию, отражающую выделение мягкости в виде **j** перед непредними гласными и синхронное образование мягких губных перед передними гласными. Ср.: в.-луж.—*p'ac'* (65)⁸⁶, *n'ebjo* (3), *mĕot, smĕacso* (65) и *p'ec* (3), *ryb'i, sm'etana, zym'i* (68); н.-луж.—*pĕas, scĕbiat* (65), *m'ot* (13), *zmĕatana* (70) и *p'is, p'ero* (13, 14), *korab'e* (70), *dom'ece* (72). Другие исследователи лужицких языков считают, что выделение **j** после мягких губных происходит перед всеми гласными, как непреднего, так и переднего ряда. На этой точке зрения стоит Мука, дающий примеры *pjiwo, pjero, njebjo, drobju, mjera, mjod, wjino, wjasć* (н.-луж.)⁸⁷. Однако следующие высказывания Муки противоречат его же транскрипции: „В различных местах нижнесерболужицкой языковой области мягкость перед гласными непреднего ряда **a, o, u** слышится более отчетливо, чем перед гласными переднего ряда **e, ě, i**, поэтому она... нижнелужицкими писателями обозначается перед **a, o, u**—**j**, а перед **e, ě, i** точкой или черточкой, например: *mjazy, mjod, nebju*, но *knĕz, ĕime, řeĕez*. Причина здесь в том, что гласные переднего ряда **e, ě, i** более близки к **j**, чем гласные непреднего ряда **a, o, u**.“⁸⁸

В польских и кашубских говорах мягкая артикуляция у губных согласных выделяется в самостоятельный спирант как перед непредними, так и перед передними гласными. В кашубских говорах лишь в положении перед **i** (<**i**) представлено синхронное произношение мягких губных. Ср. *zab'itego, kom'ina, p'iva, p'ic*.

⁸⁶ Цифры в скобках указывают страницу из работы. *Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich*, из которой взяты эти примеры.

⁸⁷ См. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache*, стр. 191.

⁸⁸ Там же, стр. 28.

По мнению Лорентца, это является результатом утраты ранее выделившейся здесь самостоятельной артикуляции *i*⁸⁹.

Качество спиранта по говорам может различаться: задненебные *x'*, *γ'*, средненебный *i(j)*, передненебные *ś*, *ź*, носовой *n'* после *m*; в кашубском, кроме того, может быть *š'*, *ž'*. По говорам губные согласные перед вторичным палатальным элементом могут иметь мягкость или не иметь ее⁹⁰.

Ср. в пол.: *p'iasiek*, *b'ialy*, *v'jara*, *p'x'asek*, *b'γ'aly*, *vγ'ara*; *p'sasek*, *b'żaly*, *vżara*, *mn'asto*; *p'iosenka*, *b'iorę*, *v'ioska*; *p'x'osenka*, *b'γ'ore*, *v'γ'oska*; *p'sosenka*, *b'żore*, *v'zoska*, *mn'ot*; *p'iivo*, *b'iić*, *v'iidza*; *p'x'ivo*, *b'γ'ić*, *v'γ'idza*; *p'sivo*, *b'zić*, *v'zidzō mn'ir* и т. д. В кашубском *r**o**b'iom*, *p'iić*, *m'iiłosc*, *p'ioro*, *r'w'ösk*, *pšw'ösk*, *skarpš* и т. д.

В некоторых говорах польского и в лужицких языках мягкие губные могут выделять мягкость в самостоятельный спирант на конце слова, а в лужицких языках и перед согласными. Ср. пол.: *kurpx'*, *golōpx'* или *kurps'*, *golōps'*⁹¹.

В лужицких языках мягкость у губных выделяется в спирант *j*, который переносится в положение перед отвердевшими губными согласными, что связано с затрудненностью произношения сочетаний губных *+j* на конце слова и перед согласными. Названное явление в нижнелужицком языке распространено более широко, чем в верхнелужицком; наряду с этим в обоих языках представлено простое отверждение мягких губных на конце слова и перед согласными.

Ср. н.-луж.: *zejmski*, *złajm* (imp.), *sejp* и *vab*, *stup*, *strov*⁹²; в.-луж.: *zlejtm* и *prim*, *drap*, *hrab*⁹³.

⁸⁹ E. Lorentz. Gramatyka pomorska. Poznań, 1928—1937, стр. 487.

⁹⁰ См. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 131.

⁹¹ Там же, стр. 132.

⁹² См. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28.

⁹³ P. Wowčer. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Berlin—Leipzig, 1951, стр. 13, 19.

§ 24. Возникает вопрос о фонологических последствиях тех изменений, которым в славянских языках подверглись мягкие губные согласные.

Отверждение губных согласных на конце слова в языках, сохраняющих различие твердых-мягких губных согласных фонем перед гласными, ведет к появлению новой позиции нейтрализации противопоставления твердых-мягких губных согласных фонем. Ср. в болгарском языке и русских говорах: *drob'i-guby* и *drop, gup*.

Выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию ведет к появлению новых согласных в положении после губных. В том случае, если вновь возникшие после губных согласные совпадают с уже имеющимися в языке фонемами, то сочетания губных с этими согласными представляют собою двухфонемные сочетания.

Так, в украинском языке сочетание **pj** в *pjat'* приравнивается к двухфонемному сочетанию **pj** в *pjanic'a*. В лужицких языках вновь возникшие сочетания „**j**+губной согласный“ и „губной согласный+**j**“ также представляют собою двухфонемные сочетания, так как фонема **j** издавна в них существовала (ср. *sejm, mōj*, в.-луж. *dajic*).

В польском языке до выделения мягкости у губных в самостоятельный согласный существовали фонемы **j, ś, ź, n'**, с одной из которых и совпал вновь возникший согласный. Ср. **bj** в *b'jaly*, как в *ob'jexac*; **v'j**— в *v'jara*, как в *v'jazd*; **p's**— в *p'sasek, p'sivo*, как в *p'sa, p'se*; **bź**— в *bźic*, как в *bźik*; **vź**— в *v'žara*, как в *v'žęce*; **mn'**— в *mn'asto*, как в *mn'e*.

Подтверждением того, что **ś, ź**, возникшие вследствие выделения мягкости губных в самостоятельную артикуляцию, фонологически были приравнены к уже имевшимся **ś, ź**, являются факты, представленные в острудзско-варминских говорах. Здесь согласные **ś, ź**, представляющие собою самостоятельные фонемы, изменились в **š, ž** (*šano, želony*). Аналогичному изменению подверглись и **ś, ź**, возникшие в результате выделения мягкости губных в самостоятельную артикуляцию (*pšasek, vžara*). Мягкость губных в положении перед **ś, ź, j** должна рассматриваться как позиционная.

В польском языке нет фонем **γ, x'**. Эти согласные в тех говорах, где они есть, ни в каком другом поло-

жении, кроме как в сочетании с предшествующими губными согласными, неизвестны. В связи с этим сочетания **рх', б'γ', в'γ'** должны рассматриваться как фонологически нечленимые, образующие фонемы **р', б', в'**, коррелятивные по твердости-мягкости с фонемами **р, б, в**. Ср. *р'х'ivo-пуха, б'γ'ic-буц, в'γ'ara-варт*.

Таким образом, отвердение губных согласных, с одной стороны, и выделение мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию, с другой, привели в славянских языках к следующим результатам.

В украинском языке губные фонемы вышли из корреляции твердости-мягкости, приобретая позиционную мягкость в положении перед **ї**.

Во многих лужицких говорах губные фонемы также не различаются по твердости-мягкости. Лишь в тех говорах, где мягкие губные сохранились перед гласными переднего ряда, твердые-мягкие губные согласные фонемы противопоставлены перед **е, і**.

В большей части польских говоров губные фонемы не образуют корреляцию твердости-мягкости. В кашубских говорах различение этих фонем представлено только в положении перед **ї** (*kobilko-zab'itego, z dupi-p'iva*).

§ 25. Хотя отвердение мягких губных согласных и выделение мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию приводят обычно к одинаковым фонологическим результатам, причины, лежащие в основе этих процессов, могут различаться.

Выделение мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию представляет собою чисто фонетическое явление, которое по своей сущности отнюдь не призвано вести за собой те или иные фонологические изменения.

Лишь то внешнее обстоятельство, что выделившаяся мягкость совпала с уже имеющимися в языке фонемами, ведет к дефонологизации противопоставления твердых и мягких губных согласных. Там же, где такого совпадения нет, сочетания губных согласных с последующими согласными, возникшими в результате выделения мягкости у губных, функционируют как коррелятивные мягкие губные фонемы.

Что касается отвердения губных согласных, то оно может быть вызвано как фонетическими, так и чисто

фонологическими причинами. Фонетический характер имеет, например, отвердение губных на конце слова перед непередними гласными и перед согласными в украинском языке. Напротив, чисто фонологическими причинами обусловлено отвердение мягких губных согласных наряду с прочими согласными перед **e**, **i** в украинском языке. То же можно сказать об отвердении губных перед передними гласными в полабском языке (см. об этом ниже).

В чешском языке мягкие губные согласные и **s'**, **z'** отвердели во всех положениях. Это отвердение было обусловлено тенденцией к сокращению корреляции твердости-мягкости, начавшей осуществляться в чешском языке с XIII—XIV вв. То обстоятельство, что в чешском языке в положении перед **e** (из **ě**, **ä**) на месте мягких губных старшего периода представлены сочетания губных с **j** (**i**), не следует рассматривать как факт, опровергающий наше мнение о том, что осуществление фонологических тенденций, призванных изменить определенным образом систему твердых-мягких согласных фонем, выражается только в отвердении мягких согласных и никогда в выделении их мягкости в самостоятельную артикуляцию. В качестве объяснения наличия **j** (**i**) после губных в случае типа *řična* можно сослаться на мнение Комарека⁹⁴, который считает, что **i** после губных в этом случае представляет собою результат не выделения мягкости в самостоятельную артикуляцию, а сохранения йотации дифтонга **ie** (**ě**), утратившейся после других согласных. Причина сохранения йотации в данном случае заключается в особом характере артикуляции мягких губных, которые легко переходят в двухфонемные сочетания. В группе „губной + **ě**“ неслоговая часть дифтонга **i** (**j**) ощущалась как составная часть мягких согласных и потому не утратилась; когда же перед **e** из **ě** происходило отвердение **s'**, **z'**, с которыми губные имели одинаковую фонологическую судьбу, сочетания типа **bj** функционировали как двухфонемные, и согласный **j**, который уже был не признаком мягкости, а самостоя-

⁹⁴ М. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 32.

тельной фонемой, не утратился. Ср. *b'ie*, *s'ie* > *bie* или *bje*, *s'e* > *bje*, *se*. В тот период, когда **j** стал признаком мягкости губных перед **e** из **ě**, то же произошло в положении перед **e** из **ä**, т. е. и в этом положении мягкость губных согласных выделилась в самостоятельную артикуляцию **i**, которая сохранилась по тем же причинам, что и перед **e** из **ě**.

В южночешских говорах выделение мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию **j** имеет место перед **a** (из **ä**) и **i** (*holubjata*, *hřibjata*, *bjič*, *pjivo*)⁹⁵. Во всех этих случаях выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию и ее фонологическое обособление происходили до того, как начало осуществляться отверждение согласных перед **a**, **i**.

Отдельно следует упомянуть об изменении мягких губных согласных в положении после некоторых согласных в украинских и восточнословацких говорах.

Некоторые украинские говоры дают указания на то, что губные согласные наиболее долго сохраняли мягкость в положении после согласных, которые в свою очередь перед мягкими губными получали ассимилятивную мягкость. Ср. *s'v'áto*, *sv'atij*, *z'v'izdá*, *dz'v'áknuti*.

В этом случае, в условиях полного неразличения твердых-мягких губных фонем, мягкость губного согласного стала функционировать как позиционная, обусловленная положением после мягких согласных фонем. В то же время мягкость согласных **s'**, **z'**, **dz'** в условиях неразличения твердых и мягких губных согласных фонем стала функционировать как фонематическая.

Только этим можно объяснить то обстоятельство, что в тех говорах, где мягкие губные в положении после согласных все-таки отвердели, предшествующие согласные сохранили мягкость, что было бы совершенно невозможно, если бы мягкость этих согласных перед мягкими губными функционировала как позиционная.

⁹⁵ См. В. Н а в р а н е к. *Nářeči česka*, стр. 142; Fr. Т р á в н í - ч е к. *Historická mluvnice československá*, стр. 207.

Ср. *s'váto*, *s'vatij*, *s'pílrij*, *s'mijéc'a*⁹⁶, *s'mix*, *s'vīt*, *z'vīzda*, *d'vi*⁹⁷.

Аналогичное явление представлено и в восточно-словацких говорах. Ср. *s'mérc*, *s'me'li*, *pis'me*, но *pismo*.

§ 26. В ряде славянских языков согласные **t'**, **d'** в результате усиления мягкой артикуляции и усиления фрикативного элемента, характерного для мягкой артикуляции у этих согласных, изменились в мягкие аффрикаты, свистящие или шипящие, в зависимости от качества фрикативного элемента, присущего согласным **t'**, **d'** в этих языках.

В белорусском языке и в словацких говорах **t'**, **d'** > **c'**, **dz'**. Ср. блр. — *c'ixa*, *dz'euka*; слвц. сотацкое наречие — *c'älo*, *idz'ec'ä*; в некоторых ср.-слвц. и многих вост.-слвц. говорах **c'**, **dz'**, возникшие из **t'**, **d'**, отвердели: ср.-слвц. *cenkī*, *dzakujem*; вост.-слвц. *ocec*, *dzedzina*.

В кашубских говорах результат изменения **t'**, **d'** также, видимо, был представлен свистящими аффрикатами **c'**, **dz'**, которые в результате отвердения, имевшего место до XVII в.⁹⁸, изменились в **c**, **dz** — *dzen' ≤ dz'en'*, *dac ≤ dac'*.

В польском языке, в лужицких языках и гемерских говорах словацкого языка **t'**, **d'** изменялись в шипящие аффрикаты. Ср. пол. *ćalo*, *dźad*; в-луж. *řiac*, *ćenke*, *džouka*⁹⁹; в нижнелужицком вследствие утраты затвора **ć**, **dź** > **ś**, **ź** — *śixy*, *źowka*; в гемерских словацких говорах *deči ≤ d'eč'i*, *džen ≤ dž'en'*.

Названные изменения согласных в разных славянских языках происходили одновременно. В польском и кашубском языках это имело место в XII—XIII вв.;

⁹⁶ О. С. Мельничук. Південноподільська говірка села Писарівки. — „Діалектологічний бюлетень“, в. III. Київ, 1951, стр. 55.

⁹⁷ J. Панькевич. Українські говори підкарпатської Русі сумежних областей. Praha, 1938, стр. 170.

⁹⁸ Zd. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego, стр. 94.

⁹⁹ Э. Штибер указывает, что лужицкие **ć**, **dź** звучат как польские **ć**, **dź**; н.-луж. **ś**, **ź** ≤ **ć**, **dź** не отличаются от польских **ś**, **ź**, т. е. являются среднеязычными мягкими шипящими. (Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łżyckich, стр. 64).

первые случаи белорусского изменения $t', d > c', dz'$ отмечены лишь в памятниках XVI в.¹⁰⁰ Аффрикатизация t', d' в словацких говорах происходила до XIV в., и, когда в XIV в. происходило отверждение мягких согласных, оно охватило и $c', dz' \leq t', d'$ ¹⁰¹.

Возникает вопрос о том, каким образом перечисленные изменения согласных t', d' отразились в соответствующих языках на системе твердых и мягких согласных фонем.

В белорусском языке и в словацких говорах изменение $t', d' > c', dz'$ происходило после отверждения старого c' в белорусском и c', dz' — в словацком¹⁰².

В связи с этим согласные c', dz' (из t', d') образовали пару по твердости-мягкости с согласными c, dz . Ср. блр. *celyj* — *c'ela*; слвц. сотацкие *cena* — *c'enk'i*, *medza* — *dz'akujem*. Однако звуковые отношения между согласными не были тождественны функциональным отношениям между фонемами, образованными этими согласными¹⁰³. Фонемы, образованные согласными c', dz' в словацком, и фонема, образованная согласным c' в белорусском языке, функционировали как мягкие корреляты фонем t, d , т. е. как фонемы $t' d'$. Это выражалось в том, что противопоставление фонем, представленных согласными $t-c', d-dz'$, как и других коррелятивных по твердости-мягкости фонем, подвергалось нейтрализации в определенных положениях.

В белорусском языке противопоставление фонем, образованных согласными $t-c'$, а также $d-dz'$, нейтрализуется в положении перед мягкими губными не на стыке приставки и корня и перед твердыми зубными согласными. Ср. *batvá-c'ma* и *bac'v'in'e c'm'e*; *dvasvadz'ba* и *dz'v'e svádz'b'e*.

¹⁰⁰ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени, ч. 1. Варшава, 1903, стр. 435.

¹⁰¹ См. J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, I, стр. 499.

¹⁰² См. Е. Pauliny. Vývin skupin $d', t', ň, l'+e, i$ v slovenčine, стр. 147.

¹⁰³ Мнение о том, что в слвц. $c-c', dz-dz'$ коррелятивные по твердости-мягкости фонемы, высказывали J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, стр. 489; Е. Pauliny. Vývin skupin $d', t', ň, l'+e, i$ v slovenčine, стр. 147, 148.

В словацких говорах противопоставление фонем, образованных согласными **t-c'**, **d-dz'**, также могло подвергаться нейтрализации в положении перед некоторыми согласными, что не было свойственно противопоставлению фонем, образованных согласными **c-c'**, **dz-dz'**. Ср. *lud-medz'* и *ludnĭ, mednĭ, ret-put'* и *retnĭ, putnĭ*.

После того, как **c'**, **dz'** (из **t'**, **d'**) в большей части словацких говоров отвердели, они совпали с фонемами **c**, **dz** и корреляция **t-c'**, **d-dz'** распалась; **t**, **d**, **c**, **dz** стали фонемами непарными по твердости-мягкости.

Изменение **t', d' > c', dz'** в словацком и белорусском языках представляет собой чисто фонетическое явление, не имеющее фонологических последствий. В связи с этим вызывает возражение попытка Е. Паулини объяснить изменение согласных **t' d' > c' dz'** в словацких говорах фонологическими причинами¹⁰⁴. Е. Паулини считает, что изменение **t' > c'**, **d' > dz'** было вызвано отвердением старых **c'**, **dz'** и имело своей целью возместить утраченные фонемы **c'**, **dz'**. Система фонем **t-t'**, **d-d'**, **c**, **dz**, **s-s'**, **z-z'**, по мнению Паулини, заменяется системой **t**, **d**, **c-c'**, **dz-dz'**, **s-s'**, **z-z'**. Объяснение это ни в какой мере нельзя признать состоятельным даже в том случае, если согласиться с мнением Е. Паулини о том, что в словацком согласные **c'**, **dz'** образуют фонемы, коррелятивные по твердости-мягкости с фонемами **c**, **dz**, что на самом деле не так. Утрата мягкости старыми согласными **c'**, **dz'** не вносит никаких изменений в функциональную характеристику фонем, представленных этими согласными, так как эти фонемы как были, так и остаются фонемами непарными по твердости-мягкости. Поэтому нет никакой логики в том, что коррелятивные связи одних фонем (в данном случае **t-t'**, **d-d'**) должны нарушиться для того, чтобы создать коррелятивную пару фонемам, никогда ранее не различавшимся по твердости-мягкости (в данном случае для **c**, **dz**), только потому, что эти последние подверглись фонематически незначимым преобразова-

¹⁰⁴ Е. Pauliny. Vŕvin skupin **d'**, **t'**, **ň**, **l'** + **e**, **i** v slovenĕine, стр. 147, 148.

ниям. Кроме того, если даже согласиться с Паулини, такое изменение все равно не вносит принципиальных изменений в фонологическую систему: как до изменения, так и после в системе имеют место непарные по твердости-мягкости фонемы: в первом случае — **c, dz**, во втором — **t, d**.

В польском языке изменение согласных **t', d' > ć, dź** происходило до отверждения праславянских **č', dž'**¹⁰⁵. Этот последний употреблялся в польском языке в ограниченном количестве случаев, ср. *dźdźysty*.

После отверждения **č', dž'** польские согласные **ć, dź** образовали пару по твердости-мягкости с согласными **č, dž**: *čysty-ćixy, dźdźysty-dźič*. Однако фонемы, образованные согласными **ć, dź**, продолжали функционировать как мягкие корреляты фонем **t, d**, что выражалось в нейтрализации противопоставления этих фонем в определенных положениях. При этом следует заметить, что в старопольском языке подобная нейтрализация была представлена шире, чем в современном языке. Так, в современном языке перед мягкими губными могут употребляться как **t**, так и **ć** — *tv'ierdza, ćv'iertka, ćm'ie*. В XV же веке, как об этом свидетельствуют памятники, согласный **t** в положении перед **v'** не употреблялся, смягчаясь в **ć**¹⁰⁶, т. е. противопоставление фонем **t—t'** нейтрализовалось; более последовательно, чем в современном языке, было представлено ассимилятивное смягчение и в группе **dn'**: ср. *wypowiedźni* (XV в.) и соврем. *odpowiedn'i*¹⁰⁷. Появление **t, d** вместо **ć, dź** перед мягкими согласными объясняется аналогическим воздействием со стороны форм, в которых **t, d** находятся перед твердыми согласными в той же морфеме (по аналогии с *twardy, ledwo, dwa, latwy* появляется *tv'ierdza, ledv'ie, dv'ie, latv'iej*). В резуль-

¹⁰⁵ Согласные **ć, dź** были близки к **č', dž'**, но не совпадали с ними. Поэтому, когда **č', dž'** в XVI в. подверглись изменению, **ć, dź** сохранили мягкость.

¹⁰⁶ Jan Łoś. *Gramatyka polska*, cz. I. Warszawa, 1922, стр. 170.

¹⁰⁷ Высказывалось мнение, что написания *twierdzić* и *c'wierdzić* в памятниках XVI в. отражают особенности разных диалектов. См. T. Brajerski. *Staropolskie éwi(e)rdzić i twi(e)rdzić*. — „Poradnik językowy“, 1956, z. 2, стр. 61—66.

тате в современном языке фонемы **t—t'**, **d—d'** (фонемы **t'**, **d'** представлены согласными **ć**, **dź**) различаются в тех положениях, в которых противопоставление этих фонем нейтрализовалось в старопольском языке: *latv'iej*, *pastv'-iisko-ćv'jartka*; *dvje*, *ledv'ie-dzv'iigać*, *leđźv'je*.

Однако возможность нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных фонем сохраняется в положении перед зубными согласными. Ср. *džen'*, *rud (ród)-dn'i*, *rodn'i* (им. мн.); *m'edź*, *voda-m'edn'ica*, *vodn'ica*; *kość*, *pot-kostny*, *potny*.

В верхнелужицком языке мягкие члены коррелятивных пар фонем **t-t'**, **d-d'** представлены согласными **ć**, **dź**; противопоставление фонем **t-t'**, **d-d'** нейтрализуется в тех же положениях, что и в польском, т. е. перед зубными согласными. Ср. *med-medź* и *medny* для обоих случаев, *kad-kadź* и *kadny kadnica*, *smercć* и *smertny*.

В нижнелужицком языке согласные **ć**, **dź**, утратив затвор, изменились в **ś**, **ź**. Изменение это отсутствует лишь в положении после **s**, **z**, **š**, **ž**, **ś**, **ź**, **ć**, **dź**, **c**, **č**, т. е. фрикативных согласных или аффрикат, имеющих фрикативный элемент. Согласные **ć**, **dź** в нижнелужицком языке являются вариантами фонем **ś**, **ź**. Это выражается в том, что как те, так и другие согласные могут выступать в одной и той же морфеме, но при этом употребление их обусловлено качеством предшествующего элемента. После названных фрикативных согласных выступают **ć**, **dź**, после остальных согласных и гласных — **ś**, **ź**. Ср. *imperativ sp'iso* и *n'asćo*, *pleśćo*, *pusćo*, *svěžćo*, *m'elććo*. На фоне такого употребления согласных **ś**, **ź** и **ć**, **dź** последние должны рассматриваться как вариант фонем **ś**, **ź** и в тех случаях, если **ć**, **dź** находятся в такой морфеме, где **ś**, **ź** никогда не выступают, например, *gózdź*.

§ 27. Зоны артикуляции согласных **t'**, **d'**, с одной стороны, и **k'**, **g'**, с другой, являются смежными. При незначительном передвижении артикуляции назад согласные **t'**, **d'** могут измениться в **k'**, **g'**, и, напротив, при небольшом сдвиге в более переднюю зону согласные **k'**, **g'** изменяются в **t'**, **d'**. Изменение **t'**, **d'** в **k'**, **g'** представлено в говорах украинского и болгарского языков.

В некоторых юго-западных украинских говорах¹⁰⁸ мы встречаем: *k'isto, k'ilo, uk'ik, k'éško, žik'e, š'isk'ox, dvacik', g'id, g'átel', g'eg'a*. Названное изменение не охватывает любые **t', d'**, а лишь главным образом те, которые находятся в такой морфеме, где они, постоянно будучи мягкими, не чередуются с **t, d**. Ср. в тех же говорах *let'ú, vod'ú* при *letiš', vódiš', hromad'áni* при *hromáda* (хотя и *vonі xog'i* при *xódiš'*). Таким образом, изменение **t' > k', d' > g'** в названных украинских говорах не исключает из фонологической системы фонем **t', d'**, а лишь сужает их употребление. Согласный **k'** из **t'** объединяется с существовавшим ранее в говоре **k'**. Но если этот последний был известен только перед **ī** (*k'in', k'il'a*), где он являл собою вариант фонемы **k**, то **k'** из **t'** употребляется и перед другими гласными. В результате в определенных положениях создается возможность противопоставления **k-k'**, которые начинают функционировать как самостоятельные фонемы.

Согласный **g'** (из **d'**) являет собою элемент, ранее неизвестный фонетической системе украинских говоров, где задненебный звонкий имеет гортанное образование (**h**). В связи с этим согласный **g'** образует новую фонему, не противопоставленную по твердости-мягкости. Фонемы **g'** и **d** могут вступать в морфологическое чередование. Ср. *sxid, xodis* и *vonі xog'i*.

Изменение **t' > k', d' > g'** известно говорам болгарского языка, в том числе восточным. На способствующую этому изменению артикуляционную близость **t', d'** и **k', g'** в болгарском языке указывает Ст. Стойков¹⁰⁹. В том случае, если изменению в **k', g'** подверглись **t', d'** в любом положении, то фонемы **t, d** становятся непарными в отношении твердости-мягкости, а фонемы **k-k', g-g'** образуют корреляцию твердости-мягкости. Ср. *volk-p'k', živok'; Balkan-k'asna; sluga-g'ado*.

Однако в некоторых говорах наряду с широким изменением **t', d' > k', g'** многочисленны случаи сохра-

¹⁰⁸ См. Jan Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 66.

¹⁰⁹ Ст. Стойков. Палаталните съгласни в български книжовен език. София, 1952, стр. 32; е го же. Увод в българската фонетика. София, 1955, стр. 67.

нения **t'**, **d'**. Нередки в связи с этим и фонетические дублиеты слов. Ср. *d'ev'ok'i* и *g'ev'et'*, *z'ot'* и *z'ok'*, *d'enem* и *g'en*; *t'el'o* и *k'el'o*, *rodil se* и *rog'il se*¹¹⁰. В подобных говорах согласные **t-t'**, **d-d'**, с одной стороны, и **k-k'**, **g-g'**, с другой, образуют пары фонем, соотносительных по твердости-мягкости: *druk-z'ok'*; *most-z'ot'*. Однако смысловозначительная функция фонем **t'**, **d'** и **k' g'** по отношению друг к другу ослаблена, что и дает им возможность оформлять фонетические дублиеты слов.

Говоря об изменениях, вызванных артикуляционной близостью согласных **k', g'** и **t' d'**, уместно упомянуть об изменении **k' > t'**, **g' > d'**, известном некоторым русским говорам и полабскому языку. Ср. зап. ср.-в.-р. говоры *t'irp'ič'*, *t'is't'*, *d'ib'el'*, *mad'ila*, а также *r'et'é*, *nad'é*; полаб. *t'üt'äl* ≪ *kotylъ*, *sned'äv* ≪ *sněgъvъ*, *t'ölü* ≪ *kolo*, *d'örä* ≪ *gora*, *vât'ü* ≪ *oko*, *büd'üvə* ≪ *bogovi*, *t'aṛ-rəcə* ≪ *kuricě*, *nüd'aiṛ* ≪ *nogy*.

В русских говорах **t', d'** из **k', g'** совпали с уже имеющимися в языке фонемами **t', d'**. Ср. *t'ist'* и *t'ixo*. В том случае, если рассматриваемое изменение распространяется на **k', g'** в любой морфеме, то создается возможность морфологического чередования **k:t', g:d'** (ср. *ruká-rut'é*, *nogá-nod'é*).

Об изменении в полабском языке **k' > t', g' > d'** и его относительной хронологии выше уже говорилось. К сказанному можно добавить, что это изменение не только расширило употребление фонем **t', d'**, но и способствовало увеличению позиций различия твердых-мягких согласных фонем. Ср. положение перед **ö, ü, ai**, где по твердости-мягкости противопоставлены только фонемы **t-t', d-d'**, причем **t', d'** в этих позициях обязаны своим появлением изменению **k' > t', g' > d'**: *törə* (≪ *vъtorъjъ*)-*t'ölü*, *döl-d'örä*, *motüvaidlät-t'ün* (≪ *kon'ъ*), *dümo-d'üzd*; *t'aṛtaiṛ-st'aṛbə* (≪ *skyba*); *jod'ədaṛ* (≪ *ja-gody*), *nüd'aiṛ* (≪ *nogy*).

§ 28. В польском языке мягкие корреляты фонем **s, z** издавна были представлены согласными **ś, ź** — средне-небными палатальными шипящими. Хронология появле-

¹¹⁰ См. Z. Miletič. Die Rhodopemundarten der bulgarische Sprache. Wien, 1911, стр. 209—211.

ния согласных **ś, ź** вместо **s', z'** не установлена; по мнению Штибера, нет основания предполагать, что оно происходило одновременно с аффрикатизацией **t', d'**¹¹¹. После отвердения согласных **ś', ź'** согласные **ś, ź** составили пару по твердости-мягкости с согласными **š, ž**. Однако функционально пару по твердости-мягкости фонемы, представленные согласными **ś, ź**, продолжали образовывать с фонемами **s, z**, что проявлялось в нейтрализации противопоставлений **s-ś, z-ź** в определенных положениях. Ср. *p'ismo-proźba* и *p'iśm'ie, proźb'ie*; *most > mościć, v'josna > v'jośn'e, b'jēl'izna > b'jēl'izn'e; posel-ośol* и *posla osla* и т. д.

Следует заметить, что нетождественность фонетической и фонологической характеристик согласных **ś, ź**, а также **ć, dź** наглядно проявилась в тот момент, когда возникла потребность в морфологическом выделении форм лично-мужских, которое достигалось смягчением конечного согласного основы. При этом **t, d, s, z** изменялись в **ć, dź, ś, ź**, так как фонемы, представленные этими согласными, находятся в отношении коррелятивности по твердости-мягкости. Согласные же **š, ž, č**, образующие непротивопоставленные по твердости-мягкости фонемы, в ряде говоров приобрели фонетическую мягкость и изменились в те же **ś, ź, ć**¹¹²: *prości, xudźi, lyši* и *p'ęsi, boźi, n'evoln'ići*.

В литературном польском языке **ž, č** в подобных формах сохраняются без изменения (исключение составляет *duźi*). Изменение же **š > ś** (*p'ięsi*) присуще и литературному польскому языку.

При образовании лично-мужских форм изменению в **ć, dź** подверглись согласные **c, dz** (*obci, cudzi*). Это объясняется тем, что польскому языку чужды мягкие свистящие согласные, поэтому, если в силу тех или иных причин возникает необходимость смягчения свистящих спирантов, они изменяются в артикуляционно близкие мягкие шипящие спиранты. Таким образом, в польском языке согласные **ć, dź, ś, ź**, являясь представителями фонем **t, d, s, z**, могут вступать в сле-

¹¹¹ Zd. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego, стр. 72.

¹¹² K. Nitsch. Dialekty języka polskiego. — „Język polski i jego historia“, cz. II. Kraków, 1915, стр. 299.

дующие морфологические чередования: **t/ć** (*prosty-prości*), **č/ć** (*n'evoln'ičy-n'evoln'ići*), **c/ć** (*obcy-obći*), **d/dz** (*młody-młodzi*), **dz/dź** (*cudzy-cudźi*), **s/s** (*lysy-lysi*), **š/s** (*p'ešy-p'eši*), **z/ź** (*vúz-voźić*), **ž/ź** (*boży-boźi*).

В острудзско-варминских говорах в соответствии с **ś, ź** литературного польского языка представлены согласные **š, ż** — *šano, żelony*. Это, видимо, связано с тем, что в названных говорах согласные **s', z'** изменились в **š', ż'**, а не **ś, ź**, как это имело место на остальной польской территории. В дальнейшем **š', ż'** любого происхождения отвердели, и фонемы **s, z, š, ż** стали функционировать как непротивопоставленные по твердости-мягкости.

В нижнелужицком языке также известны согласные **ś, ź**, однако другого происхождения, чем в польском. В нижнелужицком **ś, ź** появились в результате утраты взрыва аффрикатами **ć, dź** (из **t', d'**). Кроме того, согласный **ś** развился из **r'** в положении после **p, t, k** (*psi, tšepaś, kśiduo*). Согласный **ś** из **r'** появился раньше, чем **ś** и **ź** другого происхождения: изменение **r' > ś**, во всяком случае в начальной своей стадии, имело место, может быть, даже до падения редуцированных, так как оно представлено главным образом в праславянских группах согласных (*psi, tšepaś* и *tr'eś* \ll *tertъ, pr'edny* \ll \ll *perdъnъib*). Согласный **ś** из **r'** с момента своего появления утратил синхронную связь с **r'**, так как выступал в таких морфемах, где **ś** и **r'** никогда не чередовались. Согласный **ś** образовал самостоятельную фонему, употребление которой ограничено определенными положениями. Изменение **ć, dź > ś, ź** происходило в XVI в., — вывод, к которому пришел Штибер на основании анализа древнейшего нижнелужицкого памятника письменности — евангелия Якубицы (1548 г.)¹¹³.

Вновь явившиеся согласные **ś, ź** образовали самостоятельные фонемы, и при этом **ś** примкнул к уже имеющейся фонеме, **ś** (из **r'**), расширив возможности ее употребления. Утрата коррелятивных связей между фонемами, образованными согласными **t, d** и **ś, ź**, выражается в том, что противопоставление фонем **t-ś, d-ź**

¹¹³ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. стр. 61.

перестает нейтрализоваться в тех положениях, где раньше нейтрализовалось противопоставление коррелятивных фонем **t-t'**, **d-d'** (фонемы **t'**, **d'** были представлены согласными **č**, **dž**). Ср. *mjod-m'ěž* и *mjodn'ica, m'ěžn'ik* вм. старого *m'edn'ik, lud-lož* и *ludny, ložny* вм. старого *lodny*¹¹⁴, следы старых отношений сохранились в случаях *kad-kaž* и *kadnica kadny; celaž* и *celađny; košel* и *kotla*.

§ 29. В чешском, кашубском, лужицких языках, в западнословацких и среднесловацких говорах согласные **s'**, **z'** утратили мягкость во всех положениях. Ср. чеш. *hus, sira, seno, zet', vzal, vzit'i*; каш. *seno, sostra, zeloni, zama*; луж. *syrota, zyma, breze, vjasoly, jazor*; слвц. *sila, zima, seno, zeleny, zät, zemän*.

Отверждение **s'**, **z'** в отдельных языках происходило в разное время (в чешском — XIV в.¹¹⁵, в словацком — XIII в.¹¹⁶, в кашубском — XVII в.¹¹⁷).

Причины отверждения согласных **s'**, **z'** неясны. Т. Браерский считает, что западнославянским языкам была свойственна тенденция к сокращению рядов спирантов и аффрикат, количество которых в некоторых языках было увеличено в результате проявления аффрикат **č**, **dž** или **c'**, **dz'** из **t'**, **d'**; осуществление этой тенденции он видит, с одной стороны, в отверждении **s'**, **z'** и, с другой, — в мазурении (**š, ž, č > s, z, c** в польских мазурящих говорах, **č > c** в верхнелужицком)¹¹⁸. Это предположение оставляет неясным вопрос о том, почему в большей части чешских говоров, не знающих аффрикатизации **t'**, **d'**, согласные **s'**, **z'** отвердели, а в ляшских говорах чешского языка, где эта аффрикатизация имела место, согласные **s'**, **z'** не отвердели¹¹⁹, то же и в польском языке. Еще менее удовлетворитель-

¹¹⁴ Примеры из „Словаря нижнелужицкого языка“ Э. Муки (Пг., 1921, стр. 118).

¹¹⁵ M. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 24.

¹¹⁶ J. Stanislav. Dejiny slovenského jazyka, I, стр. 129, 251.

¹¹⁷ Zd. Stieber. Rozwój fonologiczny języka polskiego, стр. 94.

¹¹⁸ T. Brajerski. Jak mogło powstać polskie mazurzenie. — „Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego“, t. XIII. Kraków, 1954, стр. 3.

¹¹⁹ Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 204.

ное объяснение отвердения **s'**, **z'** в чешском языке дает Ф. Травничек, по мнению которого это отвердение произошло вследствие того, что согласные **s'**, **z'** имели неполную степень мягкости¹²⁰. Это объяснение не учитывает того обстоятельства, что мягкость согласных **s'**, **z'** была фонематическим качеством, а в этих условиях большая или меньшая степень данного качества не может повлиять на его утрату или сохранение. Независимо от причин отвердения согласных **s'**, **z'** последствия его были одинаковы во всех языках: фонемы **s**, **z** стали непарными по твердости-мягкости.

§ 30. Мягкая артикуляция способствовала развитию у согласного **r'** шипящего фрикативного элемента. В результате этого в чешском, польском языках и кашубских говорах согласный **r'** изменился в **r^ž**.

Звуковые изменения, которые претерпел согласный **r'**, первоначально не имели фонологических последствий. Согласный **r^ž** образовывал фонему **r'**, коррелятивную по твердости-мягкости с фонемой **r**, ср. мнение Р. Якобсона, считающего, что фонемы, образованные согласными **r** и **r^ž**, в старопольском языке находились в отношении дизъюнкции¹²¹.

Выражением того, что согласные **r**, **r^ž** были представителями коррелятивных фонем **r-r'**, являлась нейтрализация противопоставления фонем, образованных названными согласными, в определенных положениях. Ср. ст.-пол. *v'ára* и *v'jérny*, *cesar^ž* и *cesarsky*.

В польском языке и кашубских говорах согласный **r^ž** отвердел, в результате чего корреляция **r-r'** распалась и согласные **r**, **r^ž** стали функционировать как фонемы, не противопоставленные по твердости-мягкости (в дальнейшем **r^ž** изменился в **ž**). В современном чешском языке согласные **r** и **ř** (**r^ž**) продолжают представлять коррелятивные по твердости-мягкости фонемы **r-r'**, противопоставленные в конце слова и перед гласными. Ср. *bor-zvjeř*, *riba-říd'ič*, *krev-řeka*, *radost-řada*, *krádce-řád*; нейтрализация противопоставления фонем **r-r'** (фонема **r'** представлена согласным **ř**) имеет место

¹²⁰ Там же, стр. 203.

¹²¹ R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“, 4, 1931, стр. 255.

в положении перед согласными: *hospodař-hora* и *hospodarnŭ hornat'ina*.

В лужицких языках также известно изменение согласного **r'** в сторону шипящих. Однако причины и условия этого изменения иные, чем в чешском и польском языках. Изменение **r' > š'** в верхнелужицком (*pš'i, nutš', kš'iduo*) и **r' > ś'**, а также **r > š** в нижнелужицком (*psi, tšepaś, tšaua, pšoso*) ограничено положением после **p, t, k** и является результатом оглушения **r'** (и **r**) под влиянием предшествующих глухих согласных, а не усиления артикуляции мягкости, как это имело место в чешском и польском языках.

Изменение **r' > ś, r > š** отсутствовало в сочетаниях, возникших в результате падения редуцированных и изменения праславянских групп **tort, tert**. Ввиду этого в положении после **p, t, k**, несмотря на осуществление изменения **r' > ś, r > š**, существовало различие согласных **r-š, r'-ś**. Ср. *pr'edny-psi, tr'et'-tšepat', prat'-pšoso*. До того как в нижнелужицком согласный **č** изменился в **ś**, а согласный **š'** отвердел, согласные **ś, š** образовывали самостоятельные фонемы ограниченного употребления. При этом фонема **š** (*tšaua*) была противопоставлена по твердости-мягкости фонеме **š'** (*š'apa*). После изменения **č > ś** и отвердения **š'** вновь явившиеся **ś, š** в нижнелужицком примкнули к уже имеющимся фонемам **ś** и **š** (из **r', r**), расширив их употребление.

В верхнелужицком **š** (из **r'**) примкнул к уже имеющейся фонеме **š'**. Ср. *pš'enica* и *pš'i*. В верхнелужицком языке **š'** может вступать в морфологическое чередование с **r**: *bratr:bratš'a, pš'atr:na pš'etš'e*.

В чешском и польском языках согласный **r'** претерпел звуковые изменения того же характера, что и **t', d'** в польском, словацком и белорусском языках: в обоих случаях звуковые изменения обусловлены усилением артикуляций мягкости.

В словацком, белорусском языках, а также во многих украинских говорах согласный **r'** в своем изменении имел много общего с судьбой мягких губных согласных. В этих языках при сильной лабиовелярности **r** его смягчение достигалось не путем видоизменения основной артикуляции, а в результате присоединения

дополнительной среднеязычной артикуляции. Утрата этой дополнительной артикуляции, приведшая к отвердению **г'**, имела место в словацком, белорусском языках, в североукраинских говорах. Ср. словц.: *pekar, zver, pohreb, bruxo*; блр. *zv'er, b'aróza, raká, barbá, ýorka*; сев.-укр. *z'v'ier, zuorka, zorá, varú, večerat'*.

В юго-восточных украинских говорах **г'** отвердел только на конце слова и перед согласными, т. е. в тех положениях, где артикуляция мягкости не поддерживалась последующим гласным (ср. белорусские и русские говоры, где губные отвердели тоже лишь на конце слова и перед согласными): *tx'ir, z'v'ir, h'irkij, borba*, но *dr'uk, v'ir'ouka*.

В юго-западных украинских говорах перед непередними гласными согласный **г'**, как и мягкие губные, выделяет мягкость в фонологически самостоятельную артикуляцию **ј**: *zorja, varju, rjad, utrjox*. В верхнелужицком языке **г'** отвердел на конце слова и перед согласными: *hospodar, žecačer, gorki*¹²². Отверждение это произошло, видимо, сравнительно недавно, так как Е. Мука указывает для верхнелужицких говоров выделение мягкости **г'** в самостоятельную артикуляцию: *varí < var'*¹²³.

В нижнелужицком языке согласный **г'** в положении конца слова сохраняет мягкость *pjakar', gospodar'*¹²⁴; известно также выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию: *vajr < var', Majrka < Mar'ka*¹²⁵.

В обоих лужицких языках в положении перед непередними гласными мягкость согласного **г'** выделяется в самостоятельную артикуляцию, сохраняя синхронное образование перед передними гласными. Ср. в.-луж. *br'itei, kor'en', br'éza* и *rjany, rjos, c'rjoda*¹²⁶; н.-луж.

¹²² Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 51, 65.

¹²³ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28.

¹²⁴ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 14, 54.

¹²⁵ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28.

¹²⁶ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 3, 20, 50.

p'er'e, sr'edny, topyr'iščo и *brjas, b'erjo, srjoda*¹²⁷.

Последовательно проведенное отверждение **r'** ведет к тому, что из фонологической системы соответствующих языков (словацкий, белорусский, североукраинские говоры) исключается фонема **r'**, а фонема **r** начинает функционировать как не противопоставленная по твердости-мягкости. Выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию также способствует дефонологизации противопоставления фонем **r-r'**, поскольку фонема **r'** заменяется двухфонемным сочетанием **rj** (ср. *rjad* и *jad, ad*).

Отверждение согласного **r'**, представленное лишь в отдельных позициях, сужает противопоставление фонем **r-r'**; так, в юго-восточных украинских говорах фонемы **r-r'** противопоставлены лишь в позиции перед гласными **a, u, o** (*rada-r'ad, ruki-dr'uk, rot-v'ir'ouka*), не различаясь на конце слова, и перед согласными, т. е. в тех позициях, где известно различие других твердых-мягких фонем (ср. *z'v'ir, žir* и *z'v'ir'u, žiru*). В нижнелужицком фонемы **r-r'** противопоставлены на конце слова, перед **i, e**, не различаясь перед непременными гласными (ср. *dar-mlynikar', modre-modr'e* (наречие) и *prox, srjoda, беру, derju*).

§ 31. Согласный **n'** в языках, развивших корреляцию твердости-мягкости, обычно не подвергается изменениям. Исключение в этом отношении составляют лужицкие языки и кашубские говоры. Отверждение согласного **n'** на конце слова и перед согласными известно на всей лужицкой территории, хотя Штибер в то же время приводит и случаи сохранения **n'** для обоих лужицких языков. Наряду с отверждением **n'** в названных положениях известно и выделение мягкости у **n'** в самостоятельную артикуляцию. Это может явиться свидетельством того, что в лужицких языках отверждение **n'** происходило путем **n' > in > n**, а не **n' > n**. Ср. в.-луж. *č'ern, suonco, kone; žejn, uohejn, kojn, mejns'i, čejnki; kam'en', z'en', r'enn's'e*¹²⁸; н.-луж. *žen', jelen'* (мужак).

¹²⁷ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 13, 14.

¹²⁸ См. Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 3, 20, 21, 30, 62, 66; E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28, 29.

диалект)¹²⁹, *m'enšy*¹³⁰; *stajn*, *kojn*, *vugejn*, *sajniki*, *stajńso*, *mjejnšy*¹³¹, *žen'*, *ogen'*, *pen'k*, *žen'ska*¹³².

В системе каждого отдельного говора как верхнелужицкого, так и нижнелужицкого в конце слова и перед согласными преобладает один из трех видов модификации **n'**, т. е. **n'**, **n** или **in**¹³³.

В положении перед гласными согласный **n'** представлен в мужаковском диалекте: *körn'ë*, *šeršen'a*, *žn'i*¹³⁴. Известны и случаи отвердения **n'** перед отдельными гласными, например, перед **e** — *nevem*¹³⁵. Для остальных говоров лужицких языков Мука и практические руководства дают произношение **nj** < **n'** перед гласными: *njizki*, *njěkaki*, *njebjesa*, *do ranja* (в.-луж.), *potnju*¹³⁶, *njata*¹³⁷. Штибер же и для верхнелужицкого и для нижнелужицкого языков в положении перед гласными фиксирует **n'**: в.-луж. *цис'obn'ik*, *kon'am*, *kem'ni*, *žn'ox*; н.-луж. *zagrodn'ik*, *šcakn'ony*, *sn'ek*, *uogn'ec*¹³⁸.

Причина подобного различия в интерпретации звуков, произносимых на месте согласного **n'** более раннего периода, состоит, видимо, в различной степени

¹²⁹ См. Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I, стр. 74; приложение, стр. 29.

¹³⁰ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 25.

¹³¹ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28, 29, 283.

¹³² Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 13, 25, 30.

¹³³ Среди зафиксированных Штибером в д. Żyłow, Blunjo, Słepe, Wjeska примеров из нижнелужицкого не встретилось ни одного отступления от типа **n'** („Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich“, стр. 13—31); на значительное количество верхнелужицких слов с **n'**, записанных в д. Radwor, пришлось 2 слова с **in**: *kamejn*, *kojn* (там же, стр. 30) и 1 слово с **n**: *cern* (там же, стр. 32).

¹³⁴ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 27, 67, 164.

¹³⁵ Там же, стр. 72.

¹³⁶ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 191.

¹³⁷ B. Swela. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952, p. 2.

¹³⁸ Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 20—22, 70—72.

интенсивности выделения мягкости в самостоятельную артикуляцию. Палатальность при **п'** может существовать в виде призвука — **п'**¹³⁹ и в виде самостоятельной артикуляции **пј**; **п'**¹⁴⁰ по звучанию близок к **п'** и может транскрибироваться так же, как этот последний.

Отверждение согласного **п'** известно и некоторым кашубским говорам. Так, в юго-западных кашубских, конарском и парховском говорах согласный **п'** отвердел в положении конца слова и перед согласными. См. *зуп, kqm̄n, sūnce*¹³⁹, *ko³n*¹⁴⁰.

В говорах словинских, большей части северо-западных и в северо-восточных, в тех же позициях мягкость согласного **п'** выделяется в самостоятельную артикуляцию **і(ј)**: *koj̄nčic, zejn, slovj̄inšhi* ≤ *slově̄n̄skъ*¹⁴¹.

Менее широко известно отверждение согласного **п'** не только на конце слова и перед согласными, но и перед гласными. Названное явление отмечено в некоторых быляцких (северо-восточных) говорах. Ср. *nosō, kuyna, n̄ic, st̄adna, iagnō*.

Выше мы говорили, что отверждение мягких губных и **г'**, а также выделение при них мягкости в самостоятельную артикуляцию может быть обусловлено противоречием, существующим между артикуляцией мягкости и основной артикуляцией этих согласных. Артикуляция согласного **п'** такого противоречия не содержит: мягкость здесь достигается видоизменением основной артикуляции. Следовательно, причину отверждения согласного **п'**, а также выделения при нем мягкости в самостоятельную артикуляцию в лужицких, кашубских говорах следует искать не в фонетических особенностях согласного **п'**, а в закономерностях, характеризующих общее развитие системы фонем данных языков и говоров.

Названные изменения согласного **п'**, видимо, находятся в связи с общим ослаблением корреляции твердости-мягкости в лужицких и кашубских говорах. Ведь в лужицких говорах согласные **s, z** функционируют как

¹³⁹ Fr. Łorentz. Gramatyka pomorska. Poznań, 1927—1936; стр. LXXXIX, LV.

¹⁴⁰ Там же, стр. XIV.

¹⁴¹ Fr. Łorentz. Slovinszische Grammatik. СПб., 1903, стр. 102.

фонемы непарные по твердости-мягкости, различие твердых-мягких губных фонем, а также **r-r'** и **l-l'** или совсем отсутствует или ограничено отдельными положениями.

В нижнелужицком в связи с изменением $\acute{c} > \acute{s}$, $\acute{d}\acute{z} > \acute{z}$ утрачена также корреляция **t-t'**, **d-d'**. Во многих кашубских говорах различие по твердости-мягкости утратили все согласные фонемы за исключением **n-n'**, **l-l'**. В таких условиях мягкость согласного **n'** может восприниматься как особенность, не характерная для фонологической системы. В результате происходит или утрата мягкости согласного **n'**, т. е. его отвердение, или выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию. Оба процесса в первую очередь происходили в положении конца слова и перед согласными, т. е. там, где палатальность **n'** не поддерживалась следующим гласным элементом (ср. некоторые кашубские говоры).

Положение о фонологических причинах изменения согласного **n'** в лужицких языках подтверждается сравнением закономерностей этого изменения с аналогичным явлением в области мягких губных согласных и **r'**. В говорах обоих лужицких языков выделение артикуляции мягкости у губных и **r'** в самостоятельную артикуляцию было обусловлено артикуляционной спецификой этих согласных. При этом выделение мягкости проводилось более последовательно перед непередними¹⁴².

Выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию у согласного **n'** в тех же самых лужицких говорах происходит одинаково как перед передними, так и перед непередними гласными: фонетических предпосылок для этого нет ни в том, ни в другом случае, но в обоих имеются фонологические условия.

Можно предположить, что выделение мягкости у губных и **r'**, а также их отвердение относятся ко времени более раннему, чем осуществление тех же изменений в отношении согласного **n'**. Именно отвердение мягких губных и **r'** явилось одной из причин

¹⁴² См. Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 3, 13, 14, 65, 68, 70, 72; E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 28.

ослабления корреляции твердости-мягкости в лужицких языках и тем самым участвовало в создании фонологических предпосылок, вызвавших утрату или сужение корреляции **n-n'**.

Как отверждение согласного **n'**, так и выделение при нем мягкости в самостоятельную артикуляцию ликвидирует противопоставление фонем **n-n'** в соответствующих положениях. При выделении мягкости в самостоятельную артикуляцию сочетания **nj', jn'** функционируют как двухфонемные. Ср. в-луж. *rjany* 'красивый', *toj* и *ranje*; каш. *vojna* и *zejn*.

§ 32. Во всех славянских языках, развивших корреляцию твердости-мягкости, первоначально после падения редуцированных была представлена пара соотносительных по твердости-мягкости фонем **l-l'**.

Мягкий член коррелятивной пары в разных языках издавна был неодинаков в звуковом отношении. Так, в чешском языке это был согласный **l**-среднее; то же в кашубских и польских говорах, а также в лужицких языках.

Согласный **l**-среднее обычно не подвергался никаким дальнейшим изменениям. Что касается согласных **l, l'**, то они подверглись звуковым изменениям, в ряде случаев отражавшихся на судьбе корреляции **l-l'**.

Славянским языкам широко известно изменение **l > u**. В том случае, если это изменение морфологически ограничено, то корреляция **l-l'** сохраняется без изменения. Так, например, обстоит дело в украинском и белорусском языках, где **u** на месте **l** представлено на конце слова в глагольных формах прошедшего времени мужского рода, а также перед согласными в праславянских сочетаниях **tylt** и в слове *pol* 'половина'. Ср. укр. *daŭ*, *voŭk*; блр. *byŭ*, *doŭŭa*, *raub'ady*. В этих языках **u** по отношению к фонеме **l** являет собою совершенно самостоятельную фонематическую единицу: **u** и **l** различаются во всех положениях. Ср. укр. *daŭ-st'il*, *voŭk-holka*; блр. *byŭ-kol*, *doŭŭa-ilyac*.

Таким образом, в украинском и белорусском языках, несмотря на изменение **l > u**, сохраняется различие фонем **l-l'**. Ср. укр. *laŭka-l'ak*, блр. *lošadz'-l'on*.

Корреляция **l-l'** сохраняется и в тех украинских говорах, где **l** изменился в **l**-среднее (после осуществления изменения **l > u** в определенных морфемах).

Изменение $\text{ɹ} > \text{ɹ̣}$, позиционно не ограниченное, как это имеет место в большей части говоров польского и лужицких языков, ведет к ликвидации корреляции $\text{I-I}'$ и дефонологизации мягкости согласного I' . В польских говорах ɹ̣ (из ɹ) образует самостоятельную фонему; в лужицких говорах тот же согласный примыкает к уже имеющейся фонеме ɹ (w) из v (ср. *woda* \leq *voda*, *wowa* \leq *woła*, *hnẹ̌c̣*, *rọc̣ny*)¹⁴³. Аналогичное явление известно некоторым среднесловацким говорам: *pole*, *lipa*, *ležim* и *ɹavica*, *ɹɹap*, *robiɹ̣*, *rọc̣nos*. Вообще же в большей части словацких говоров сохранилось различие фонем $\text{I-I}'$, хотя звуковое качество фонем различно (ɹ-I или $\text{I-I}'$ или $\text{ɹ-I}'$)¹⁴⁴.

В тех языках, где мягкий член корреляции $\text{I-I}'$ был представлен I -средним, названная корреляция могла быть ликвидирована в результате изменения твердого члена корреляции, т. е. ɹ в I -среднее. Именно такой процесс имел место в чешском языке, в некоторых среднесловацких и кашубских говорах, где I стал фонемой, непарной по твердости-мягкости. Ср. чеш. *liko* \leq \leq *tyko*, *lavka* \leq *lavka*, *leb* \leq *teb* и *pole*, *list*, *len*; ср.-слав. *pole*, *lipa*, *ležim*, *xlap*, *lavica*.

В мужаковском и нижнелужицком слепянском диалектах также произошло изменение ɹ в I . При этом в тех же говорах согласный I' изменился в I перед непередними гласными, сохранив палатальность перед гласными переднего ряда. Затем, в результате изменения $\text{e} > \text{o} > \text{a}$, вновь создалась возможность употребления согласного I' перед непередними гласными o и a .

В связи с этим в названных диалектах изменение $\text{ɹ} > \text{I}$ не привело к ликвидации корреляции $\text{I-I}'$. Ср. в мужаковском диалекте: *ɹesoly-ɹobl'ico*, *colo-l'ot*, *cola-kl'a-rać*, *lemic-dal'eko*¹⁴⁵.

§ 33. В украинском и белорусском языках, а также в некоторых русских говорах известны долгие мягкие зубные согласные, по своему происхождению восходящие

¹⁴³ P. W o w ̇ c e r k. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Berlin—Leipzig, 1951, стр. 20.

¹⁴⁴ V. V á ž n ý. Nářeči slovenská, стр. 228.

¹⁴⁵ Zd. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 16.

к интервокальным сочетаниям соответствующих недолгих зубных согласных с **j** не на стыке приставки и корня. Ср. укр. *m'īd'u, kolos'a, maž'u, k'il'a, voroň'a*; блр. *žyč'o, sudž'á, s'v'iň'a, l'u, gráz'u, rýš'u*; рус. *brať'a, kolos'a, s'v'iň'a* (говоры Вологодск. обл.). На стыке приставки и корня долгие зубные согласные не появляются: укр. *p'idjzd, bezjazikij*; блр. *padjexaц, z'jez'-dz'iu*. Губные согласные и **r** перед **j** в любом положении в слове в долгие согласные не изменяются: укр. *soloуja, p'irja*; блр. *s'amja, z'v'arjo, pju*.

Наличие в тождественных морфемах долгих зубных согласных, с одной стороны, и сочетаний согласных с **j**, — с другой (укр. *kolos'a* и *p'irja*; блр. *zyč'o* и *хамjo*), позволяет рассматривать долгие зубные согласные и в синхронном плане как соответствующие сочетаниям недолгих зубных с **j**. В украинском и белорусском языках долгие мягкие зубные согласные образуют слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление твердых и мягких зубных согласных фонем в сочетании с **j**.

Ср. укр. *obīd-m'īd'* и *obīd'a, m'īd'u, kolos-rys'* и *kolos'a, rýš'u, poloz-haluz'* и *polož'a, haluz'u* и т. д.; блр. *sud-grud'z* и *sudž'a, grudž'u; kol-mol'* и *kol'e; mol'u* и т. д.

Следует заметить, что долгие мягкие зубные согласные, являющиеся слабыми фонемами, в отличие от остальных сильных и слабых фонем, всегда выступая на стыке основы и флексии, несут строго определенную морфологическую нагрузку, оформляя существительные женского и среднего рода (*sv'iň'a, kaš'o*), собирательную форму существительных (*brať'a, kol'a*), творительный падеж единственного числа существительного женского рода (*rýš'u, gr'az'u*), 1 л. ед. настоящего времени некоторых глаголов (*l'u*). Долгота мягких зубных согласных выполняет по существу ту же морфологическую функцию, которую в сочетании с губными и **r** в тех же морфемах несет согласный **j**. Ср. *sv'iň'a* и *semja, kaš'o* и *хамjo, gr'az'u* и *garju, l'u* и *pju*. В этом смысле мягкие зубные согласные структурно функционируют на грани фонетики и морфологии, являясь одновременно членами и фонологической, и морфологической системы соответствующих языков.

§ 34. Анализ изменений, имевших место в отдельных группах согласных, позволяет сделать следующие выводы.

Утрата мягкости, т. е. качества, лежащего в основе корреляции твердости-мягкости, как в виде отвердения мягких согласных, так и в виде выделения мягкости в артикуляцию фонологически самостоятельную, ведет к ликвидации противопоставления по твердости-мягкости в соответствующих группах фонем. Так, в славянских языках часто утрачивается различие по твердости-мягкости в группе губных согласных фонем; в некоторых славянских языках и говорах внепарной по твердости-мягкости стала также фонема **г**.

Отвердение согласных бывает обусловлено как артикуляционной спецификой соответствующих согласных (отвердение губных в лужицких, кашубских, польских, украинских, белорусских, некоторых чешских говорах), так и фонологическими причинами (отвердение **п'** в лужицких и кашубских говорах, отвердение губных в чешском языке, отвердение **с'**, **з'** в лужицком, кашубском, чешском языках).

Усиление артикуляции мягкости нередко способствует изменению основной артикуляции соответствующих согласных. Ср. аффрикатизацию **t'**, **d'** в некоторых славянских языках, изменение **с' > ś**, **з' > ź** в польском языке, **г' > ǰ** в чешском и польском языках.

Это изменение было чисто фонетическим и функциональных последствий не имело, несмотря на то, что в этом случае как будто бы нарушилось одно из условий наличия коррелятивных отношений между фонемами, а именно то, что фонемы, образующие корреляцию, различаются только на основе наличия или отсутствия определенного признака, в данном случае — мягкости. Названные выше изменения согласных ведут к тому, что фонемы, образующие корреляцию твердости-мягкости, начинают различаться в звуковом отношении не только наличием или отсутствием мягкости, но и наличием или отсутствием фрикативного элемента (пол., луж. **t-ć**, **d-dź**; блр., слвц. **t-ć'**, **d-dz'**; пол., каш. **г-ǰ'**), свистящим или шипящим образованием (**s-ś**, **z-ź**).

Однако функционально значимым различием между фонемами, представленными перечисленными согласными, продолжает оставаться только наличие или от-

сутствие мягкости. Согласные **ć, dź** в польском, верхне-лужицком, **c', dz'** в белорусском, словацком являются представителями коррелятивных фонем **t', d'**, согласный **r^z'** в старопольском и чешском — представителем фонемы **r'**, согласные **ś, ź** в польском — представителями фонем **s', z'**.

Выражением этого является то обстоятельство, что противопоставление фонем, представленных этими мягкими согласными, и фонем **t, d, r, s, z**, т. е. **t-ć, d-dź** в польском и лужицком, **t-c', d-dz'** в белорусском и словацком, **s-ś, z-ź** в польском, **r-r^z'** в польском, кашубском продолжало подвергаться нейтрализации в тех же положениях, в которых раньше нейтрализовалось противопоставление фонем **t-t', d-d', s-s', z-z', r-r'**.

Иной фонологический результат бывает представлен в том случае, если изменение мягких согласных, образующих мягкие коррелятивные фонемы, ведет к тому, что этот мягкий согласный в звуковом отношении совпадает с какой-либо уже имеющейся фонематической единицей. В этом случае происходит разрушение той коррелятивной пары, мягкий член которой был образован согласным, подвергшимся изменению. В то же время меняется функциональная сущность того элемента системы, с которым названный мягкий согласный совпал в звуковом отношении.

Примером этого является изменение **t', d' > k', g'** в болгарском языке и **t' > k'** в украинских говорах. Это изменение ведет к тому, что **k', g'** из **t', d'** в звуковом отношении совпадает с вариантами фонем **k, g**. Противопоставление фонем **t-t', d-d'** сужается или же ликвидируется совсем, так что твердость согласных **t, d** становится нефонематическим качеством. Согласные же **k', g'** уже образуют не варианты фонем **k, g**, а самостоятельные фонемы, противопоставленные по твердости-мягкости фонемам **k, g**.

Позиционно ограниченное изменение мягких согласных может вносить некоторые изменения в систему нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем, не касаясь системы их противопоставления. Примером этого является изменение зубных согласных в сочетании с **j** не на стыке приставки и корня в украинском, белорусском языках и русских говорах.

§ 35. Выше уже упоминалось о том, что славянским языкам, развившим корреляцию твердости-мягкости, известно отверждение мягких согласных как результат определенных фонологических тенденций. Таково отверждение мягких губных согласных и *s'*, *z'* в чешском языке и большей части словацких говоров, отверждение *t'*, *d'*, *n'* перед *e*, *ä* в чешском языке и *t'*, *d'*, *n'*, *l'* перед *e* в западнословацких говорах. К такого рода явлениям относится также отверждение мягких согласных перед *e*, *i* в украинском языке, перед *e*, *i*, *ä*, *äi*, *ä* в полабском.

Причины подобного отверждения не всегда ясны. Мы попытаемся дать объяснение некоторых из перечисленных явлений.

В полабском языке в момент отверждения согласных перед гласными переднего ряда *e*, *i*, *ä*, *äi*, *ä* противопоставление твердых и мягких согласных перед этими гласными подверглось нейтрализации. В положении перед *ä* (из *ь* перед мягкими согласными: *p'än'*) и *ä* (из *o* после праславянских палатальных согласных и из *ę*: *neděl'ä*, *t'ägnę*) твердые и мягкие согласные фонемы искони не различались. Положение перед *e* в полабском стало позицией неразличения в связи с фонологизацией гласного *ö*, который раньше по отношению к *e* являлся вариантом, обусловленным положением после твердых согласных фонем. Ср. *döl-ajrüd'en* > *döl-d'örä* и *ajrüd'en*. Гласный *i*, перед которым твердые и мягкие согласные фонемы оказались не противопоставлены в полабском языке, развился из *e* в положении между мягкими согласными, в то время как праславянские *i* и *y* еще раньше дифтонгизировались в *äi* и *oi*. Ср. *gribin'* ≤ *greb'en'*, *väina* ≤ *vino*, *doim* ≤ *dym*.

В украинском языке, видимо, также в период отверждения мягких согласных перед *e* твердые и мягкие согласные фонемы перед этим гласным не различались. Это могло быть в том случае, если в то раннее время гласные *e* и *o* уже подверглись фонологизации, перестав быть вариантами одной фонемы. Созданию условий для подобной фонологизации способствовала морфологическая аналогия, приведшая к появлению гласного *o* во флексиях после мягких согласных основы. Появление гласного *o* в этих условиях относится к числу

весьма ранних фактов украинского языка и свидетельствуется памятниками уже с XII в.¹⁴⁶ Таким образом, отношение *oknóm-kon'em, sn'e* [зв. ед.] *n'ebo* преобразовалось в *oknóm-kon'ót* и *sn'e, n'ebo*. Гласный *е* стал самостоятельной фонемой, перед которой противопоставление твердых и мягких согласных фонем подвергалось нейтрализации. Ср. *son-kám'en'* и *sn'e* (зв. ед.) *kám'en'éc'*.

Отверждение мягких согласных в названных положениях в украинском и полабском языках является осуществлением тенденции к утрате мягкости как дополнительной артикуляции в тех позициях, где твердые и мягкие согласные фонемы не различаются, т. е. там, где мягкость согласных функционально незначима. Отверждение согласных в этом случае не вносит изменения в систему противопоставления твердых и мягких согласных фонем, так как положения перед *е* в украинском языке и перед *е, i, ä, äi, äj* в полабском продолжают быть такими, в которых противопоставление твердых-мягких согласных фонем подвергается нейтрализации. Ср. укр. *d'en' > den'*, полаб. *t'eplü, p'erü > tepeü, perü; t'ilati > tilataj, p'an' > pan; s'äggä > sqdä; gn'äidä > gnaidä*. Лишь в дальнейшем в полабском языке в связи с изменением *k', g'* перед *äi (≤ i ≤ y)* в *t', d'* позиция перед *äi (ai)* становится позицией различения твердых и мягких фонем. Ср. *t'autäjt (kut'it'i)-st'äiba (skyba)*.

Рассматриваемое отверждение согласных в украинском и полабском языках относится к разным эпохам. В украинском языке оно произошло вскоре после падения редуцированных, до изменения *е* в *о*, но после изменения безударных *ě, а* (из *ę*) в *е* в северноукраинских говорах.

Так, изменение *е > о* не произошло в случае типа *orepok*, так как ко времени его осуществления согласный *p* был уже твердым, но то же изменение имело место в случае *kor'ijok* в положении после палатального *j*. В северноукраинских говорах рядом с *dedók, hnezdó* представлена мягкость согласных перед заменой

¹⁴⁶ Л. А. Булаховский. Фонетичні і морфологічні південнорусизми в староруських пам'ятках XII—XIV століть. — „Праці кийвського державного університету“, 1954, I, стр. 132.

ударенного \ddot{e} — *d'ied, hn'ie zdo*. О том, что согласные отвердели перед e после изменения безударного $a > e$, свидетельствует то обстоятельство, что в этих говорах рядом с *peti, pámet', déset'* представлены случаи *s'ádu*, а также *piat'* и *miáso*, где мягкость выделилась в фонологически самостоятельную единицу уже после изменения безударного a в e .

В полабском языке мягкие согласные в позициях неразличения по твердости-мягкости отвердели сравнительно поздно, лишь после того, как закончились важнейшие процессы в области полабского вокализма (изменение гласных в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного, дифтонгизация гласных).

Отверждение мягких согласных перед i в украинском языке происходило после отверждения согласных перед e . Именно на такую хронологию явления указывают данные некоторых южных белорусских говоров, близких к северноукраинским, но в отношении рассматриваемой черты более архаичных. В этих говорах мягкие согласные отвердели только перед e и сохранились перед i ¹⁴⁷. Ср. *den', med, odéža, tešča* и *c'ixo, adz'in, s'in'i*. Причину отверждения мягких согласных перед i , может быть, следует искать в стремлении фонологизировать гласный y , бывший до этого времени вариантом фонемы i , т. е. в сочетаниях **t'i -ty** перенести смысловозначительную функцию с согласного элемента на гласный. О том, что после отверждения согласных перед i гласный y был самостоятельной фонемой, свидетельствуют архаические юго-западные украинские говоры, различающие замены древнерусских i и y : в первом случае представлен гласный y^e , во втором — гласный более задний и высокий, чем y^e , близкий к русскому y . Ср. *syn-nosy'ty^e, dym-rody'na, ty-d'ity'na, byu-byu^u*¹⁴⁸. Можно заметить, что в основе отверждения мягких согласных в положении перед e и i в украинском языке лежат одинаковые причины, а именно,

¹⁴⁷ См. Е. Ф. Карский. К вопросу об отверждении звуков e и i в малорусском наречии. — „Изборник Киевский, посвященный Т. Флоринскому“. Киев, 1904, стр. 86.

¹⁴⁸ J. Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 21.

стремление к упрощению фонематических средств, выражающееся в утрате мягкости как дополнительной артикуляции в том случае, если она не является абсолютно необходимой для смысловоразличения. Именно таковой являлась мягкость в положении перед *е*, где противопоставление твердых-мягких согласных фонем без ущерба для смысловоразличения могло нейтрализоваться не только в слабой мягкой фонеме, но и в слабой твердой фонеме; то же в положении перед *і*, где смысловоразличительная функция твердых-мягких согласных фонем может быть перенесена на гласный элемент, варьирующий свое качество в зависимости от качества предшествующего согласного путем фонологизации этих вариантов одной гласной фонемы. В дальнейшем в большей части украинских говоров фонемы, соответствующие древнерусским *і* и *у*, перестали различаться, совпав в одной фонеме, образованной гласным, качество которого варьируется по говорам; в положении перед этим гласным твердые-мягкие согласные фонемы не противопоставлены.

Утрата или ослабление нефонематической мягкости согласных в положении перед *е* имеет место и в болгарских говорах. В разных болгарских говорах в положении перед *е*, являющемся положением нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных фонем, представлены или мягкие, или полумягкие, или только твердые согласные¹⁴⁹.

В северо-восточных болгарских говорах отвердели конечные мягкие согласные. В основе этого явления лежат причины различного характера. С одной стороны, это влияние западноболгарских говоров, не знающих различия твердых-мягких согласных фонем на конце слова, и, с другой, — утрата склонения. Конец слова — это позиция артикуляционного ослабления гласных и согласных. При отсутствии косвенных падежных форм, которые, благодаря наличию в них конечных мягких согласных основы перед гласными, могли бы способствовать сохранению мягкости этого согласного в именительном падеже (т. е. на конце слова), конечный со-

¹⁴⁹ См. С. Младенов. Мекостта на съгласните в българските говори, стр. 1—12.

гласный в результате ослабления артикуляции отвердевает (наличие палатальности делает артикуляцию согласных более напряженной).

В чешском языке XIII-XIV вв., в связи с осуществлением процессов, ведущих к расширению функциональных средств в области вокализма, наметилась тенденция к сокращению корреляции твердости-мягкости. Это нашло выражение в том, что мягкие губные согласные и **s'**, **z'** отвердели во всех положениях, а **t'**, **d'**, **n'** только перед **e**, **ä**.

Отверждение различных групп согласных происходило неодновременно. Видимо, к разному времени относится и отверждение в разных позициях. Однако большого хронологического разрыва между отдельными проявлениями названного процесса, вероятно, быть не могло. В связи с этим вызывает возражение предположение М. Комарека, который, основываясь на отсутствии изменения **ä > e** в случаях *přatel*, *patero*, *desatero*, относит отверждение согласных перед **e** ко времени до изменения **ä > e**¹⁵⁰ и тем самым приурочивает отверждение согласных перед **ä** ко времени более позднему, чем перед **e**. Более правдоподобным кажется мнение Ф. Травничка, считающего, что в случаях типа *přatel* гласный **a** (а не **e**) аналогического происхождения¹⁵¹. Относя отверждение согласных перед **e** ко времени после изменения **ä > e**, Травничек подтверждает это положение примером *Jene* (**ä > e** перед **n'e**)¹⁵². Т. Лер-Сплавинский в подтверждение того же положения приводит примеры *žebeš*, *zemjēne*, *předes'*¹⁵³. Б. Гавранек высказывал мысль о том, что мягкие согласные перед **e** и **ä** отвердели одновременно, и произошло это до падения редуцированных¹⁵⁴.

Что касается причины этого отверждения, то существует мнение, что отверждение мягких согласных перед

¹⁵⁰ M. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 22.

¹⁵¹ Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 73.

¹⁵² Там же, стр. 203.

¹⁵³ T. Lehr-Splawinski. Zarys gramatyki historycznej języka czeskiego, стр. 50.

¹⁵⁴ B. Havránek. K depalatalisaci v oblasti českého jazyka. — „Listy filologické“, 1940, roč. 67, seš. 3—4, стр. 278.

е в чешском языке и западнословацких говорах связано с изменением гласного **е** в **э**. Так как до этого гласный, выступавший на месте сильного **ъ** (в стяженных формах был, кроме того, **э**), был известен только после твердых согласных, то появление его после мягких согласных вызвало их отвердение¹⁵⁵. На это можно возразить следующее. Гласные **е** и **э** в старочешском языке находились в отношениях вариантов одной фонемы, употребление которых было обусловлено твердостью-мягкостью предшествующей согласной фонемы. В этих условиях появление гласного **э** после мягких согласных не может вести к их отвердению, так как мягкость согласных фонематична, а различие между гласными **е** и **э** — не фонематично.

По этой причине, например, в севернопольских говорах, знающих изменение гласного **ě** ($\leq \bar{e}$) в **у**, перед этим последним мягкость согласных сохраняется, хотя до этого употребление мягких согласных перед **у** не было известно; ср. рядом с *tosny* появилось *sn'yk*. В чешском языке мягкие согласные также отвердели в положении перед **ä**: *t'äh > tah*.

Тенденция к сокращению корреляции твердости-мягкости, аналогичная той, что была представлена в чешском языке, имела место в словацком языке, исключая некоторые восточнословацкие говоры. В среднесловацких и западнословацких говорах отвердели мягкие губные и **s'**, **z'** во всех положениях, а в западнословацких, кроме того, **t'**, **d'**, **n'**, **l'** отвердели в положении перед **е** (из **ь**, **е**).

При этом в части восточнословацких и западнословацких говоров губные фонемы вышли из корреляции твердости-мягкости еще до того, как начала осуществляться фонологическая тенденция к сокращению названной корреляции. Это происходило в результате выделения мягкости у губных в самостоятельную артикуляцию — изменения, вызванного звуковой спецификой мягких губных согласных (см. об этом выше).

§ 36. После отвердения всех согласных перед **е**, **ä** и отвердения мягких губных и **s'**, **z'** во всех положе-

¹⁵⁵ См. E. Pauliny. *Vývin skupin d', t', n', l' + e, i v slovenčine*, стр. 146.

ниях в чешском языке различие по твердости-мягкости сохранили лишь зубные согласные **t-t', d-d', n-n'**.

Также и в среднесловацких и западнословацких говорах после отвердения мягких губных и **s', z'** различие по твердости-мягкости сохранили только согласные **t-t', d-d', n-n', l-l'**. Совсем отсутствуют мягкие согласные в западных липтовских говорах, где **t', d', n' > t, d, n** во всех положениях (*deti, dedina, kon, nebudete*), и в тырновском наречии, где **c', dz' (из t', d'), n', l' > c, dz, n, l**; в гермерских говорах также **č', dž' (из t', d'), n', l' > c, dz, n, l**.

По мнению многих исследователей, противопоставление фонем **t-t', d-d', n-n'** в чешском языке и названных словацких говорах не является коррелятивным в отношении мягкости, а представляет собою дизъюнктивное различие по месту образования между зубными и палатальными согласными фонемами¹⁵⁶.

Основанием для подобной квалификации является артикуляционное различие между палатальными и палатализованными согласными: в первом случае поднятие спинки языка к небу является основной артикуляцией, во втором — добавочной¹⁵⁷.

Появление палатальных **t', d', n'** как фонем, стоящих вне корреляции твердости-мягкости, Комарек относит ко времени до начала ослабления корреляции твердости-мягкости. Согласные **t', d', n'** в положении перед **ě, i** потому и не отвердели, в отличие от мягких губных и **s', z'**, что перед этими узкими гласными они получали палатальное образование: ряд палатальных стал вне корреляции по твердости-мягкости и поэтому сохранился.

Следует заметить, что в своем рассуждении Комарек¹⁵⁸ основывается только на звуковом различии между

¹⁵⁶ N. Trubetzkoy. Die phonologischen Systeme. — „Travaux du cercle linguistique de Prague“, 4, 1931, стр. 97; R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie, стр. 255; R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde, стр. 236; J. Vachek. Český pravopis a struktura češtiny. — „Listy filologické“, 1933, roč. 60, seš. 4—5, стр. 297.

¹⁵⁷ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, стр. 123; R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde, стр. 236.

¹⁵⁸ M. Komárek. K fonetické povaze staročeského ě. — „Studie a práce lingvistické“, I. Praha, 1954, стр. 98.

палатальными и палатализованными согласными. Однако этому различию, если оно даже и существовало в чешском языке старшего периода, соответствовало функциональное тождество фонем, образованных палатальными и палатализованными согласными. Палатальные $t^{\check{}}$, $d^{\check{}}$, $n^{\check{}}$ явились бы самостоятельными фонемами вне корреляции твердости-мягкости только в том случае, если бы они могли употребляться в одной позиции с фонемами, образованными соответствующими палатализованными согласными, т. е. если бы существовало противопоставление фонем¹⁵⁹ $t^{\check{}}$ - t' .

Но подобного противопоставления не было в чешском языке того периода, о котором пишет Комарек, как не было его и позже. Поэтому палатальные $t^{\check{}}$, $d^{\check{}}$, $n^{\check{}}$, ограниченные положением перед \acute{e} , i , должны были функционировать как позиционные варианты мягких коррелятивных фонем t' , d' , n' .

Что касается согласных t' , d' , n' в современном чешском языке, а также согласных t' , d' , n' , l' в словацких говорах, то наиболее соответствует действительности мнение, состоящее в том, что противопоставление фонем t - t' , d - d' , n - n' является не дизъюнктивным, а коррелятивным¹⁶⁰. Отношение этих фонем характеризуется особенностью, присущей отношению коррелятивных фонем; противопоставление фонем t - t' , d - d' , n - n' подвергается нейтрализации в определенных положениях. Ср. чеш. *plat-hut'*, *xut'* и *platny hutny xutnaty*; *rod*, *med-hn'ed'*, *zed'* и *rodnĕ hn'ednouti zednař*; *kāmen-vĕn'e* и *kāmennĕ vonnĕ*; слов. *pan-kōn'* и *panskĕ kon-skĕ*; *žena-ban'a* и *banskĕ ženskĕ*; *pot-xut'* и *potnĕ xutnĕ*; *plod-lod'* и *neplodnĕ lodnĕ*; *d'en'-rod* и *dn'a pōrodn'ica*.

Фонемы, образующие корреляцию, различаются на основе наличия или отсутствия одного признака. Фонематически значимое различие между t - t' , d - d' , n - n' в чешском языке состоит в различии по высоте собственного тона. Остальные звуковые различия между

¹⁵⁹ Знаком $\check{}$ Комарек обозначает палатальность согласного в отличие от палатализованности.

¹⁶⁰ Ср. N. Van-Wijk. La genèse de la mouillière des consonnes dans les langues slaves, стр. 11; A. V. Isačenko. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen, стр. 68; K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků, стр. 147.

t и **t'**, **d** и **d'**, **n** и **n'** функционального значения не имеют; ср. подобное им отношение между фонемами **s-s'**, **t-ć** в польском языке.

По изложенным выше соображениям в чешском языке в корреляцию твердости-мягкости включаются и фонемы **r-r'**, представленные согласными **r** и **ř** (**r^ž**). Функционально значимое различие между этими фонемами состоит в различии по высоте собственного тона; противопоставление этих фонем подвергается нейтрализации в определенных положениях: *kovář*, *hospodař-hora* и *kovárna hospodarný hornatina*.

В результате осуществления процессов отвердения мягких согласных фонемы **t-t'**, **d-d'**, **n-n'** сохранили различие только в положении перед **e**, **i** и на конце слова¹⁶¹: *ten-t'elo*, *kdiž-d'ivny*, *havran-ohen'*; фонемы **r-r'** противопоставлены, кроме того, перед **a**: *ret-řeč*, *rize-řidnouti*, *rab-řad*, *kur-kovář*.

В обстановке общего ослабления корреляции твердости-мягкости согласные **t'**, **d'**, **n'** обнаружили склонность к отвердению в позиции конца слова. Отвердение это не было проведено последовательно, и во многих случаях **t'**, **d'**, **n'** сохранялись, может быть, под влиянием форм, в которых названные согласные в той же морфеме находились перед **ě** или **i**. Ср. наличие конечных мягких согласных в современном чешском языке: *prst'*, *lat'*, *splet'*, *zed'*, *hrud'*, *žerd'*, *kůn'*, *ban'*, *zen'* и т. д.

Ослабление корреляции твердости-мягкости способствовало также появлению случаев нарушения норм нейтрализации противопоставления твердых и мягких фонем: рядом с *zed'*: *zednař* появляется *mjed'*: *mjed'natý*, *mjed'ný*.

§ 37. Изменения в области вокализма, имевшие место после осуществления процессов, связанных с функциональным отождествлением передних и непередних гласных, также оказывали существенное воздействие на корреляцию твердости-мягкости в славянских языках.

Позднейшие изменения в области вокализма славянских языков способствовали появлению новых позиций различения твердых-мягких согласных фонем и нейтра-

¹⁶¹ О позиции различения этих фонем, возникших благодаря морфологической аналогии, см. ниже.

лизации их противопоставления, а также расширению или сужению противопоставления твердых-мягких согласных фонем в старых позициях различения. В некоторых случаях в корреляцию твердости-мягкости включаются фонемы, ранее не противопоставленные по твердости-мягкости. Появление новых позиций различения связано обычно с тем, что в результате тех или иных изменений в области вокализма становится возможно употребление известных и ранее гласных фонем или вариантов фонем в таких позициях, где они раньше не употреблялись. В этих случаях обычно позиция нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед соответствующей гласной фонемой становится позицией различения тех же согласных фонем. Если изменение в системе различения твердых-мягких согласных фонем связано с изменением условий употребления варианта гласной фонемы, то это обычно сопровождается фонологизацией этого варианта.

В юго-западных украинских говорах (после отвердения мягких согласных перед **е**) вследствие изменения **'а > е**, сделавшего возможным употребление **е** после мягких согласных, твердые и мягкие согласные фонемы стали различаться перед **е**. Ср. *vezés-uz'éli, témnij-t'éhati, serp-s'édu*.

В части белорусских говоров появление различения твердых-мягких согласных фонем перед **е** связано с изменением **ѳо** в **е**, в результате чего гласный **е** стал употребляться после твердых согласных: *пех-sа аѳн'ем; вел, ver-ѳ'эра; худэbon'ka-dz'éла*.

В лужицких языках вследствие изменения **о** в **е**, наблюдающегося в положении перед мягкими согласными, создается возможность различения **к-к'** в положении перед **е**: перед **е** из **о** представлен согласный **к**, перед **е** другого происхождения — **к'**. Ср. н.-луж. *ske-rei-duѳik'e*; в.-луж. *ke mn'i, ѳotkel-k'erk*¹⁶². Возможность различения согласных **к-к'** перед **е** приводит к тому, что согласный **к'**, бывший до этого позиционным вариантом **к**, становится фонемой, образующей корреляцию твердости-мягкости с фонемой **к**.

¹⁶² Zd. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 14, 20.

В части юго-восточных болгарских говоров твердые и мягкие согласные фонемы начинают различаться перед гласным **о**, ранее не употреблявшимся после мягких согласных, но явившимся в этом положении в результате изменения новоболгарского гласного **ѣ** в **о**. Ср. *stol-t'oško, t'oglo; so, šol-pos'ogno, des'oki; zop, zolva-z'ot'; loša-l'on; pok', porst-p'ok'i, p'otuk*.

В чешском языке в результате изменений $\ddot{a} > \dot{e} > \text{е}$ и $\dot{e} > \text{е}$ вновь стало возможным употребление гласного **е** после мягких согласных, что привело к различению твердых-мягких согласных фонем перед **е**: *tes-t'elo, kot'e; den-d'ed, had'e; nesu-sn'ehu, jehn'e*.

Появление новых позиций неразличения может быть связано с фонологизацией одного из вариантов гласной фонемы, позиционно обусловленного твердостью-мягкостью предшествующей согласной фонемы. Эта фонологизация может происходить в результате того, что гласный, бывший раньше вариантом фонемы и употреблявшийся только после твердых или только после мягких согласных, начинает употребляться как после твердых, так и после мягких согласных. Так, в части польских говоров в результате изменения \dot{e} (из \bar{e}) в **у** этот последний, получив возможность выступать как после твердых, так и после мягких согласных, стал самостоятельной фонемой. Положение перед **і** в этом случае становится позицией неразличения твердых и мягких согласных фонем. Ср. *mocny* (\leq *mocné*), *s'il'ny-sn'yk* (\leq *sn'ek*) и *n'ic*. В некоторых севернопольских говорах, знающих изменение $\dot{e} > \text{у}$, гласные **і** и **у** еще раньше совпали в **і**. Вследствие этого в названных говорах фонологизация гласного **у** не снимает различения твердых и мягких согласных фонем в положении перед **і**. Ср. *ti-ćixi, mocný-sn'yk*.

В чешских говорах после изменения $\dot{i}e$ ($\leq \dot{e}, \bar{e}$) в **і** и до совпадения **і** и **у** (\bar{i}, \bar{y}) гласные \bar{i} и \bar{y} фонологически обособляются друг от друга: перед \bar{i} твердые и мягкие согласные фонемы различаются, перед \bar{y} представлены только твердые согласные фонемы. Ср. *níst'-hn'it'i* и *nýt'*.

Фонологизация вариантов одной гласной фонемы может происходить в результате того, что один из вариантов претерпевает артикуляционное изменение, ве-

дущее к совпадению этого варианта с другой фонемой. Так, в южной части среднесловацких говоров в связи с изменением $y > e$, происходившим до совпадения гласных i и y , т. е. до XIV в., расширяется возможность различения твердых-мягких согласных фонем перед e , а положение перед i становится позицией нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных фонем. Ср. *ten-ot'ec, ty-t'ixy > ten, te-ot'ec и t'ixy*; нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед i : *son-kon' и sn'it'sa kon'i*.

В восточнословацких говорах гласный \bar{a} , являвшийся вариантом фонемы \bar{a} и выступающий после мягких согласных, изменился в a , вследствие чего положение перед \bar{a} стало положением неразличения твердых и мягких согласных фонем. Ср. говоры около Бардеева: *stārek-t'āž, starost'-t'ühat' > starost'-t'az, ten-t'ehat и stārek*.

В южной части среднесловацких говоров в связи с изменением $\bar{y}, 'ä > e_i$ твердые и мягкие согласные оказываются противопоставленными перед e_i , а в позиции перед \bar{i}, \bar{a} происходит нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных фонем. Ср. *nýt'-n'it', poznāš-znamen'ā > neit'-znamen'e_i и n'it', poznāš*.

Оформление более яркого различия твердых-мягких согласных фонем в старых позициях различения, главным образом перед непередними гласными, связано обычно с расширением употребления непередних гласных в положении после мягких согласных.

Так, в некоторых украинских и белорусских говорах дифтонг \bar{uo} ($\leq \bar{o}, \bar{e}$) стянулся в u . Особенно важным результатом этого изменения является появление гласного u после мягких согласных, так как в этом случае расширяется возможность различения по твердости-мягкости перед u таких согласных фонем, которые обычно в украинском и белорусском языках не широко противопоставлены в этом положении. В белорусских говорах расширяется противопоставление твердых-мягких зубных и губных согласных фонем: *bratu-c'umnu, nič'-n'us, vuz-pov'uz, mudry-pam'urla*; в юго-западных украинских говорах расширяется противопоставление твердых-мягких зубных согласных фонем: *nus-n'us, stul-t'utka, pris'uluk-sud*.

В польском языке расширению противопоставления твердых-мягких согласных перед **u** способствует изменение **ó** ($\leq \bar{o}$) в **u**: *dul, duj (dój)-dźuba, pujsć-p'urko, muzg-m'ud, vuz-v'udl*; в восточноболгарских говорах то же в результате изменения **i** в **u**: *súma-s'úraf, s'úrət; xortúva-ut'uvam*.

Фонетические процессы, ведущие к расширению употребления непередних гласных только после твердых согласных (ср. в западных белорусских говорах **y** > **u** после твердых губных — *buk, tu, vu, potuŭsa* в юго-восточных болгарских говорах **y** > **ъ** — *sъn, godъna, pѣtaj*), не вносят ничего нового в систему противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед соответствующими непередними гласными, так как непередние гласные после твердых согласных всегда употреблялись достаточно широко.

§ 38. Корреляция твердых-мягких согласных фонем, претерпевая изменения, вызванные процессами в области гласных, со своей стороны продолжала оказывать в ряде случаев организующее воздействие на систему вокализма. Выше мы говорили о том, как в полабском языке изменение **k', g'** в **t', d'** способствовало фонологизации гласного **ö**, бывшего до этого вариантом фонемы **e**. Можно привести и другие примеры воздействия корреляции твердости-мягкости на систему вокализма.

Так, в кашубских говорах сокращение корреляции твердых-мягких согласных фонем, связанное с отвердением **c', z, ž', š', s', z'**, а также мягких губных, повысив функцию гласных фонем, способствовало сохранению различия между рефлексамися долгих и кратких гласных: рефлексы долгих гласных получили более высокое и напряженное образование, чем рефлексы кратких гласных; ср. **e** и **é** — *novinečka, n'esc* и *jedného, nopięk-nės*; **u** и **ù** — *dosnu, pšən'us* и *dn'ù, dvùx*; **o** и **ó** — *sùkno, vòrek* и *zymnó, svòj*; **a** и **ω** — *nas, sama* и *nostarši, karčmωš* и т. д.

В чешском языке в результате отверждения мягких губных и **s', z'** гласные **i** и **y**, стоящие после них, на некоторое время получили фонематическую самостоятельность. Ср. *my-mi, kosy-kosi, plazy-plazi*¹⁶³. В этом

¹⁶³ См. Komárek. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 522.

случае какое-то время положение перед **i**, как и перед **y**, являлось позицией нейтрализации противопоставления фонем **t-t'**, **d-d'**, **n-n'**. Совпадение гласных **i** и **y** означало дефонологизацию противопоставления **i-y** и превращение положения перед **i** в позицию различения фонем **t-t'**, **d-d'**, **n-n'**.

Существует мнение, что изменение **'u > i** (*lid, klíč*, дат. ед. *kon'í*) в чешском языке также было обусловлено ослаблением корреляции твердости-мягкости, благодаря которому переднее и заднее образование гласных стало ощущаться как основной дифференциальный признак, а лабиализация стала несовместима с передним образованием¹⁶⁴; аналогичное явление имеет место в южной части среднесловацких говоров, знающих произношение *cidzi, plica, l'id, l'itovat'i, brixo*.

В словацком языке гласные **ä, ā**, развившиеся из праславянских **ę, ě**, первоначально употребляясь только после мягких согласных, являлись позиционными вариантами фонем **a, ā**. Подобное состояние сохранилось в современных сотацких говорах. Ср. *starost'-t'ähat', pavūči-p'äta, dām-xodā, dobrā-jestrāp*.

В некоторых оравских говорах произошла фонологизация **ä, ā** в связи с тем, что эти гласные сохранились после отвердевших губных и **s, z, r** из **s', z', r'**. Ср. *mäso, päta, räd, mesāc*. Положение перед **a, ā, ä, ā** в этих говорах становится позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

В русском языке, где сложилось различие между системами вокализма ударенных и безударных слогов, организация системы вокализма безударных слогов находится в прямой зависимости от категории твердых-мягких согласных фонем. Например, в акающих русских говорах в предударных слогах система гласных фонем складывается на основе различения двух степеней подъема (а не трех, как это имеет место в слоге под ударением), несмотря на то, что с артикуляционной точки зрения в большинстве говоров гласные предударных слогов различают три степени подъема. Ср. литературное произношение. Здесь в первом предудар-

¹⁶⁴ См. М. Комáрек. Zur Entwicklung des tschechischen Vokalsystems, стр. 60.

ном слоге представлены гласные верхнего подъема **i/y, u**, среднего — **i^e**, нижнего — **a**: *syrój, s'il'n'ée, klubók, l'ud'm'i, savók, s'i'vók*. Однако, несмотря на то, что гласные **i^e**, **a** являются гласными разного подъема, с функциональной точки зрения они должны быть квалифицированы как представители одной гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге. Это обусловлено тем, что гласный **i^e** после мягких согласных и гласный **a** после твердых согласных противопоставлены другим предударным гласным на основе одного и того же дифференциального признака: оба этих гласных являются самыми открытыми среди гласных, употребляющихся в первом предударном слоге: **i^e** — после мягких, **a** — после твердых согласных. При этом употребление **i^e** и **a** в одном положении исключено, будучи обусловлено твердостью-мягкостью предшествующей согласной фонемы. Гласные **i^e** и **a** являются представителями одной гласной фонемы неверхнего подъема в первом предударном слоге; предударные сочетания типа **ta** и **t'i^e** различаются согласными фонемами при тождественности гласной фонемы.

По этому же принципу в русских екающих говорах объединены в одну фонему неверхнего подъема гласные первого предударного слога **a** и **e**: *savók-s'evók*.

В системе второго предударного слога и в заударных слогах в одну фонему неверхнего подъема объединены гласные **ъ** и **ь**: *sъdavót-s'ъdavát, sádъm-s'ádъm*.

То же в екающих юго-западных белорусских говорах; ср. фонему **a/e** в первом предударном слоге: *daróga-dz'erúga, salóma-s'edló, ŭ nasú-un'esú*; во втором предударном слоге *taparý-c'ežaló, zal'ezác'-z'ernavýx*.

В русских окаяющих говорах в системе гласных первого предударного слога может быть утрачена функциональная значимость наличия или отсутствия лабиализации у гласных среднего подъема. Так, во многих говорах, преимущественно в слоге перед мягкими согласными, предударные гласные **e** и **o** выступают как представители одной и той же предударной фонемы среднего подъема, так как наличие или отсутствие лабиализации в этом случае обусловлено твердостью или мягкостью предшествующей согласной фонемы: *posol'it-pos'el'it', bor'is'-b'er'i, nos'i-n'es'i*; предударные соче-

тания типа **to-t'e** различаются качеством согласных фонем при тождестве гласного элемента.

§ 39. Важное значение для расширения корреляции твердых-мягких согласных фонем имели морфологическая аналогия и процессы в области словообразования, которые обуславливали различие твердых-мягких согласных фонем в таких положениях, где, согласно фонетическим закономерностям, оно было невозможно.

Так, в русских говорах, знающих в качестве особой фонемы гласный **ъ**, аналогическое воздействие со стороны твердой разновидности форм на мягкую создает возможность различия твердых-мягких согласных фонем перед **ъ**, хотя этот гласный в силу своего происхождения мог употребляться только после твердых согласных: под влиянием *p'ilǫj, s'elǫ* появляются *z'eml'ǫj, dupl'ǫ*.

В некоторых белорусских говорах, знающих фонему **іе̑**, которая развилась из **ѣ**, употреблявшегося только после мягких согласных, создается возможность различия твердых-мягких согласных фонем перед этой гласной фонемой за счет образования форм именительного множественного с окончанием **іе̑** от существительных как с мягкой, так и твердой основой. Окончание **іе̑** распространилось в именительном множественного из винительного множественного существительных с мягкой основой. Ср. *puđiē-dz'iȇd, časiȇ-s'iȇno, staliē-kaval'iȇ*.

Аналогичное морфологическое явление представлено в говорах центральных областей Белоруссии, но здесь гласный **ѣ** во всех положениях, в том числе и в окончании именительного множественного, совпал с **е**. В результате в этих говорах создается возможность противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед **е**, так как становится возможным употребление **е** после твердых согласных. Ср. *svate-c'en, γadē-dz'en', l'ase-s'ena, snape-p'eč*.

В украинском и болгарском языках благодаря влиянию форм твердой разновидности на аналогичные формы мягкой разновидности создалась возможность различия твердых-мягких согласных фонем перед **о**, несмотря на то, что фонетических предпосылок для

противопоставления твердых-мягких согласных фонем в этом положении в истории названных языков не было и гласный **о** не употреблялся после мягких согласных (исключение составляют некоторые юго-восточные болгарские говоры, пережившие позднее изменение 'ъ > 'о).

Так, в украинском языке по аналогии с твердой разновидностью словообразования явились следующие случаи употребления гласного **о** после мягких согласных: *sažn'ovij, tižn'ovij, mozol'ovij, sobol'ovij, los'ovij* по аналогии с *domovij*; *pen'ók, den'ók, pisar'ók* по аналогии с *lenók*; *svil'ovanij, mal'ovanij, zahor'ovanij* по аналогии с *podarovanij*; *pjať'óx, šisť'óx, pjať'óm, šisť'óm* по аналогии с *dvóx, dvóm*; в говорах — дат. *kon'ovi*, тв. *zem'oju, jahn'óm, poros'óm, tel'óm* по аналогии с *domovi, pilóju, selóm*.

В болгарских говорах звательный единственного числа существительных мужского и женского рода *žém'o, vól'o, kón'o* по аналогии с *ženo, goro*.

В болгарском и чешском языках гласный **о** после мягких согласных появляется в формах именительного множественного существительных благодаря влиянию со стороны склонения **й**-основ. Ср. болг. *kral'ove, ogn'ove, zek'ove*; чеш. *xot'ove, zet'ove, ucn'ove vj-ezn'ove, ohn'ove*.

Выше мы упоминали о том, что твердые и мягкие согласные фонемы в положении перед **и** были противопоставлены весьма ограниченно, особенно в восточно- и южнославянских языках. В дальнейшем расширению противопоставления твердых-мягких согласных фонем в этом положении наряду с процессами в области вокализма, о которых уже говорилось, способствовали также морфологическая аналогия и словообразовательные процессы, обусловившие употребление гласного **и** после мягких согласных.

Так, в русском языке, включая говоры, расширению возможностей сочетания мягких согласных, зубных и губных, с **и** способствует: распространение окончания родительного-местного единственного числа **-и** из склонения **й**-основ на существительные мужского рода с мягкой основой — *dozd'ú, dn'u, pn'u, s put'ú, v lapt'ú, pri car'ú*; распространение окончания дательного

единственного **-u** из склонения **jo**-основ на все существительные мужского рода с мягкой основой — *karas'ú, gvozď'ú, gos't'u*; выравнивание глагольных основ 1 лица II спряжения по остальной парадигме без старого чередования согласных — *kolot'ú, voz'ú, terp'ú, l'ub'ú, korm'ú*; сочетание суффиксов, начинающихся на **u**, с основами, оканчивающимися на мягкий согласный, — *gad'úka, žad'úga, Vas'útka, Kat'úška*.

В белорусском и украинском языках противопоставление твердых-мягких согласных фонем перед **u** также в значительной степени обусловлено словообразовательными процессами. В этих языках весьма распространены суффиксы, начинающиеся на **u** и сочетающиеся с основами, кончающимися на мягкий согласный. Ср. блр. *čysc'ús'en'k'i, dz'ac'úk, kac'úk, bac'úxna, maladz'úxno, zladz'úga, bl'izn'úk, nav'útkij*; укр. *kot'úga, ps'úka, nos'úra, pjan'úga, v'itr'úga, kot'účij*.

Развитие системы вокализма в чешском языке не создавало предпосылок к противопоставлению твердых-мягких согласных фонем перед непременными гласными, так как изменения в системе вокализма вели к тому, что мягкие согласные фонемы не могли сочетаться с последующими непременными гласными **u, ů, o, a, ā**. Наличие в современном чешском языке противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед непременными гласными обязано своим происхождением в основном ряду словообразовательных и формообразовательных процессов, сделавших возможным употребление мягких согласных перед непременными гласными.

Так, мягкие согласные перед **o** стали употребляться в результате образования от основ, оканчивающихся на мягкий согласный: 1) глаголов на **-ovat'i** — *vikořist'ovat'i*, ср. *kořist'it'* и старое *kořist', sit'ovat'i*, ср. *sit', vilod'ovat'i*, ср. *lod'it'i, sklon'ovat'i*, ср. *sklon'it'i, stupn'ovat'i*, ср. *stupen'*; 2) прилагательных на **-ovī, -oviti** — *dan'ovī*, ср. *dan', rtut'ovī*, ср. *rtut', sit'ovī*, ср. *sit', žin'oviti*, ср. *žin'e, hlemīžd'oviti*, ср. *hlemīžd', stupn'oviti*, ср. *stupen'*; 3) собирательных существительных на **-ovī**: *lat'ovī*, ср. *lat'*.

Перед **a, ā** мягкие согласные представлены: 1) в существительных с суффиксом **-átko** — *št'en'átko, kot'*

átko, *mlad'átko* от *št'en'e*, *kot'e*, *mlād'e*; 2) в существительных на **-āk** — *vl'n'āk*, *železn'āk*, *rošt'āk*, *sprost'āk*, *zlat'āk*, *mied'āk*, в которых „согласная основы смягчается по аналогии с теми образованиями, где в древнюю пору это смягчение было фонетическим (*dvořák*, *měšt'āk* — видоизменение существительных *dvořan*, *měšt'an* с более древним суффиксом **-jan**)“¹⁶⁵; 3) в существительных на **-ar** — *svin'ar* от *svin'e*, *n'itar* от *nit'*; 4) в прилагательных на **-avī** — *mjen'avī*, *von'avī* от *mjen'it'i*, *von'it'i*.

Перед **ū** мягкие согласные появляются: 1) на стыке основы и суффикса прилагательных **-ūčkī** (происхождение мягкости конечного согласного основы неясно) — *tlust'ūčkī*, *zlat'ūčkī*, *žlut'ūčkī*, *čist'ūčkī*, *řid'ūčkī*, *slad'ūčkī*, *mlad'ūčkī*; 2) перед окончаниями род. мн. и дат. мн. существительных м. р. — *xoť'ū*, *zet'ū*, *kon'ū* (род. мн.); *sled'ūm*, *kon'ūm* (дат. мн.); 3) перед суффиксом притяжательных прилагательных **-ūv** — *Bat'ūv*, *Lad'ūv* и т. д.

Следует заметить, что в чешском языке имеется и известное число корней с мягкими согласными перед непередними гласными. Ср. *t'opka*, *vīn'atek*, *t'afka*, *t'apka*, *ut'atī*, *t'ukat'i*, *n'uhn'at'i* и т. д.

В результате в чешском языке твердые и мягкие согласные фонемы оказались противопоставлены в положении перед **а** (*tah-n'it'ař*), **ā** (*dāt'i-mlad'átko*), **о** (*nos-dan'ovī*), **ū** (*stūj-zet'ū*), а также перед **u** (*tuhī-t'ukat'i*).

В словацком языке противопоставление твердых и мягких согласных фонем перед **о** стало возможно в результате осуществления словообразовательных процессов, приведших к появлению мягких согласных в положении перед **о**. Это имеет место при образовании от основ, оканчивающихся на мягкий согласный: 1) глаголов на **-ovat'**: *dovol'ovat'*, ср. *vol'a*, *gul'ovat'sa*, ср. *gul'a*, *host'ovat'*, ср. *host'*, *dan'ovat'*, ср. *dan'*, *pol'ovat'*, ср. *pol'e*; 2) прилагательных на **-ovī**, **-oviti**: *xut'ovī*, ср. *xut'*, *koren'ovī*, ср. *koren'*, *dn'ovī*, ср. *den'*, *čiel'ovī*, ср. *čiel'*, *hri-adl'oviti*, ср. *hriadel'*, *cibul'oviti*, ср. *cibul'a*; 3) существительных на **-ok**: *hrbol'ok* от *hrbol'*, *cmul'ok* от

¹⁶⁵ Ф. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, стр. 180.

stul. Гласный **o** после мягких согласных появляется на стыке корней в сложных словах: *d'et'ovrah, med'očerv'enī, bil'ožravec*.

§ 40. К числу нефонетических явлений, оказывающих воздействие на категорию твердых-мягких согласных фонем, могут относиться лексические заимствования, воспринятые с теми или иными, не свойственными данному языку фонемами и с течением времени в таком виде настолько органически вошедшие в систему языка, что иноязычное их происхождение уже не осознается.

К числу таких явлений относятся старые польские и некоторые другие лексические заимствования в белорусском языке, произносимые с твердыми согласными перед **e**. Ср. *bez* (пол. *bez*), *l'usterko* (пол. *lusterko*), *stel'max* (пол. *stelmax*), *mebl'a* (пол. *mebel — meble*), *bel'ka* (пол. *belka*), *kam'izel'ka* (пол. *kamizelka*), *tutejšy* (пол. *tutejszy*) *peŋ'a* (пол. *pewny*), *škarpetka* (пол. *skarpetka*) и т. д. Наличие этих слов создает, наряду с некоторыми другими явлениями, в белорусском языке возможность различения твердых-мягких согласных фонем перед **e**.

Характерно, что в некоторых белорусских говорах, знающих употребление **t, d**, перед **e** в старых польских заимствованиях, эти же согласные в аналогичном положении в новейших иноязычных заимствованиях (общественно-политическая, хозяйственная, научная лексика, названия предметов нового быта) изменяются в **c', dz'**, противореча, между прочим, нормам современного белорусского литературного языка. Ср. *stel'max, l'usterka* и *parc'ejny, pac'ifon*, а также *c'iatry*¹⁶⁶; *stel'max, sal'edera, l'usterka* и *c'eatry, dz'eleŭatkaju, ma's'emac'iku, pac'ifon*¹⁶⁷.

Польское влияние сказалось в ряде случаев и в появлении твердых согласных перед **e** в белорусских говорах в незаимствованной лексике: *serce, vuzdečka, m'astečka* (общebelорусские); *smeryd, sterva, umeršyx*¹⁶⁸

¹⁶⁶ Е. М. Романович. Говоры Узденского района Минской области. Канд. дис. Минск, 1953, стр. 149.

¹⁶⁷ Н. В. Бірыла. Гаворкі Чырвонаслабодскага раёна Бабруйскай вобласці. Канд. дис. Мінск, 1954, стр. 170.

¹⁶⁸ „Материалы для изучения белорусских говоров“, вып. III.—ИОРЯС, т. IV, кн. 3—4, № 15.

и др. Ср. следующее замечание об одном из говоров Витебского уезда: „...э вм. е слышится там, где есть влияние на говор панства и в особенности — шляхетства, как бы намеренно гэкающего, кэкающего, тэкающего, чтобы отличить свою речь от „хамской“¹⁸⁹.

В части восточноболгарских говоров, не знающих изменения $t' > k'$, возможность различения фонем $k-k'$ обусловлена старыми лексическими турецкими заимствованиями, содержащими k' : *sukak-k'ar*, *bek'ar*; *kup-pisk'ul*.

§ 41. Различие между праславянской фонематической и позиционной мягкостью сохранялось до времени падения редуцированных в диалектах, легших в основу словенского и сербского языков и западноболгарских говоров, включая большую часть македонских. Это обстоятельство имело важное значение для дальнейшего фонологического развития названных диалектов.

В связи с последовательным сохранением различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью названные диалекты в своем фонологическом развитии не знали периода функционального противопоставления твердых и мягких слогов, когда невозможность изолировать друг от друга твердые и мягкие согласные и передние и непередние гласные препятствовала каким-либо изолированным процессам как в названной группе согласных, так и гласных.

В диалектах, легших в основу словенского и сербского языков, это способствовало тому, что здесь еще до падения редуцированных в дописьменный период имели место некоторые процессы в группе передних и непередних гласных фонем. Содержание этих процессов заключается в дефонологизации противопоставления $\bar{y}-\bar{i}$.

В диалектах, легших в основу словенского языка, \bar{y} и \bar{y} совпали в среднеязычном, ненапряженном и открытом гласном \bar{e} . В отношении качества гласного, в котором совпали \bar{y} и \bar{y} в прасербском языке, нет единства мнения. По мнению Белича, это был редуцированный („полуглас“) „ряда а“ или „ряда е“ в за-

¹⁸⁹ Там же, № 18.

висимости от диалекта¹⁷⁰. Попович определяет тот же гласный как **э**, вскоре изменившийся в **ä**¹⁷¹, Ивич же — как гласный переднего ряда, более закрытый, чем **е**, с артикуляцией, оттянутой к среднему ряду¹⁷².

Гласный, в котором совпали праславянские сильные **ъ** и **ь**, в дальнейшем в некоторых говорах сохранился, но чаще подвергался изменениям.

В этот же период в прасловенском и прасербском диалектах гласные **і** и **у** совпали в одном гласном **і**.

Что касается причин дефонологизации противопоставления **ъ-ь**, **у-і**, то здесь ни в какой мере неприемлема точка зрения, согласно которой названное явление было обусловлено слабой мягкостью согласных перед гласными переднего ряда¹⁷³. Более правдоподобным является предположение Ивича, который для сербского языка связывает дефонологизацию противопоставления фонем **ъ-ь**, **у-і** с тенденцией к упрощению чрезмерно усложненной системы вокализма¹⁷⁴.

В связи с осуществлением названных процессов в области вокализма в прасербских и прасловенских диалектах произошло изменение в системе противопоставления праславянских твердых и мягких согласных фонем, которое заключалось в том, что позиции нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем перед **ъ** и перед **у** превратились в позиции различения тех же фонем в положении перед гласными, в которых совпали **ъ** и **ь**, **у** и **і**: *osъlb-solъ* и *osъlbъ zasolъ* > *osъlа-solа* и *osъlа zasolа*; *ovъn'ъ-ръnъ* и *ovъny* > *ovъn'а-ръnа* и *ovъni-kon'i*.

Выше говорилось о том, что в связи с изменениями, которым подверглись согласные, образующие мягкие фонемы, праславянская корреляция твердости-мягкости подверглась в отдельных праславянских диалектах

170 А. Белић. Српскохрватски језик, стр. 397.

171 И. Поповић. Историја српскохрватског језика, стр. 77.

172 П. Ивич. Основные пути развития сербохорватского вокализма. — „Вопросы языкознания“, 1958, № 1, стр. 7.

173 Fr. Ramovš. Kratka zgodovina slovenskega jezika, t. I, Ljubljana, 1936, стр. 60.

174 П. Ивич. Основные пути развития сербохорватского вокализма, стр. 4.

значительному сокращению. Поэтому ко времени падения редуцированных в словенском языке и кайкавском наречии различие по твердости-мягкости сохраняли фонемы **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**; в чакавском наречии — **n-n'**, **t-t'**, **r-r'**, а в некоторых говорах еще и **l-l'**; в штокавском наречии — **n-n'**, **l-l'**, **t-t'**, **d-d'** (фонемы **t'**, **d'** представлены согласными **h**, **ḥ**), **r-r'**.

В связи с тем, что в сербском и словенском языках ко времени падения редуцированных сохранялось различие между фонематической и позиционной мягкостью согласных, падение редуцированных не повлекло за собою расширения корреляции твердости-мягкости. В названных языках это было одним из обстоятельств, способствующих широкому развитию функциональных средств в области вокализма. В этих языках не только переднее и непереднее образование гласных сохранило функциональное значение, но также широкие различительные функции получили интонация и количество гласных. В результате этих процессов литературный словенский язык имеет, например, 21 гласную фонему¹⁷⁵. При этом дифференциальными признаками являются: 1) количество: **ū-u**, **ō-o**, **ā-a**; 2) подъем: **i-e-o-a**; 3) ряд: **i-u**, **e-o**; 4) напряженное или ненапряженное образование для долгих гласных фонем: **o-ŏ**, **e-ě**; 5) качество ударения — восходящее или нисходящее для долгих гласных фонем. В словенских говорах может быть представлено еще большее количество гласных фонем. Так, для наречия д. Селы Исаченко насчитывает 27 гласных фонем¹⁷⁶.

В сербском языке дифференциальными признаками в области вокализма также являются: количество, подъем, ряд, качество ударения обычно как для долгих, так и для кратких гласных фонем.

Параллельно с развитием и расширением различительных средств в области вокализма в словенском и сербском языках происходила окончательная ликвида-

¹⁷⁵ А. В. Исаџенко. Versuch einer Typologie der slavischen Sprache, стр. 18.

¹⁷⁶ А. В. Исаџенко. Narečje vasi Sele na Rožu. Ljubljana, 1939, стр. 33.

ция тех незначительных остатков корреляции собственного тона, которые были унаследованы от праславянской эпохи.

Прежде всего, в связи с фонологизацией согласного **j**, вызванной падением редуцированных, было ликвидировано одно из условий коррелятивности отношений между фонемами **n-n'**, **l-l'** и т. д.: противопоставление этих фонем перестало подвергаться нейтрализации.

В связи с фонологизацией согласного **j** гласные **ü**, **ä**, **ö** (или его замены **ö**, **ü**), бывшие до падения редуцированных самостоятельными фонемами, приобрели значение позиционных вариантов фонем **u**, **a**, **o** (или **o**, **u**). Нетрализация противопоставления фонем **n-n'** и других в положении перед **ü**, **ä**, **ö**, **u**, **a**, **o** сменилась различием этих фонем перед гласными фонемами **u**, **a**, **o**.

Если учесть, что нейтрализация противопоставления фонем **n-n'**, **l-l'** и других перед **ъ**, **у** еще до падения редуцированных сменилась различием этих согласных фонем перед **э** и **і** (из **і**, **у**), то станет ясно, что после падения редуцированных и изменения гласного **ě** нейтрализация противопоставления тех же согласных фонем могла иметь место только в тех словенских и сербских говорах, где в соответствии с праславянским **ě** представлена особая фонема, и только в положении перед этой фонемой.

Различению фонем **n-n'**, **l-l'** и других перед **o** в тех говорах, где **o** изменился не в **o**, способствовала морфологическая аналогия, ведущая к появлению гласного **o** после **h**, **h̃**, как и после **n'**, **l'**. Ср. отражение этого в современных сербских говорах: црмнички говор — *kōn'om*, *ōgn'om*, *tēl'om*, *kōn'ovu*¹⁷⁷; посавские говоры — *kāšl'om*, *prijatel'om*¹⁷⁸ и др.

Появление гласного **o** после согласных, восходящих к праславянским палатальным, по мнению некоторых исследователей, могло явиться результатом диссимиляции типа *ješte* > *jos*. Это изменение в системе различения

¹⁷⁷ Б. Милетић. Црмнички говор. — „Српски дијалектолошки зборник“, кн. IX. Београд, 1940, стр. 318, 338.

¹⁷⁸ St. Ivšić. Današnji posavski govor, стр. 183.

ния фонем **n-n'**, **l-l'** и других способствовало тому, что при наличии тенденции к сокращению различительных средств в области консонантизма различие между фонемами **n-n'**, **l-l'** и др. могло функционировать не как коррелятивное различие в собственном тоне, а как дизъюнктивное различие в месте образования между зубными и палатальными согласными фонемами.

Но и это различие в большей части словенских говоров подвергалось сокращению. Так, в словенском языке в большей части говоров утрачено различие фонем **l-l'**. В связи с теми изменениями, которым подверглись праславянские согласные **l, l, l'**, в словенских говорах праславянская корреляция **l-l'** распалась на следующие некоррелятивные фонемы: **l, l, l'**, или **l, u, i**, или **l, u**, или **l, i** и др.¹⁷⁹. Различие фонем **l-l'** известно в немногих западных говорах. Ср. белокраинский говор: *prnesl-pđstel*¹⁸⁰.

Противопоставление фонем **n-n'** также известно многим говорам, которые сохранили и фонемы **l-l'**¹⁸¹. В большей части словенских говоров различие фонем **n-n'** утрачено в связи с отвердением согласного **n'** или превращением его мягкости в фонологически самостоятельную артикуляцию. Ср. в горенских говорах — *kōn, nēto, zān*¹⁸²; в шокарских *kđin, niva*¹⁸³. Сочетание **in < n'** функционирует как двухфонемное: *kđin* как *voina*.

Во всех словенских говорах произошла дефонологизация противопоставления **r-r'**, так как согласный **r'** отвердел на конце слова и перед согласными, а в положении перед гласными изменился в двухфонемное сочетание **rj**: *cesar, morski, morje* как *perje*.

В сербском языке наиболее последовательной ликвидации подверглись остатки праславянской корреляции собственного тона в кайкавском и чакавском наречии.

¹⁷⁹ F. Ramovš. *Kratka zgodovina slovenskega jezika*, стр. 87.

¹⁸⁰ F. Ramovš. *Historična gramatika slovenskega jezika*, t. VII. *Dialekti*, стр. 139.

¹⁸¹ Там же, стр. 16, 23, 62; J. Jurančič. *Južnoslovanski jeziki*. Ljubljana, 1957, стр. 9.

¹⁸² F. Ramovš. *Historična gramatika slovenskega jezika*, t. II. *Konzonantizem*, стр. 117.

¹⁸³ То же, t. VII, стр. 137.

В связи с изменением $l' > l$ в кайкавском ($t > l$ еще раньше) и $l' > j$ в чакавском наречии здесь еще до XVI в. окончательно утратилось различие фонем $l-l'$.

В этих же наречиях произошла дефонологизация противопоставления фонем $n-n'$. Происходило это путем отвердения согласного n' или выделения его мягкости в фонологически самостоятельную артикуляцию. Ср. в кайкавском наречии: $n' > nj$ — *ranjen, knjige*; $n' > jn$ — *kojni, bedejn, kamejna*; $n' > n$ — *jogen, negov, kniga*¹⁸⁴. в чакавском наречии — *kon, kojniski lajniski*¹⁸⁵.

В чакавском наречии утрачено различие фонем $r-r'$, так как согласный r' отвердел, по выражению Белича, „с давних времен“¹⁸⁶. В кайкавском наречии r' отвердел на конце слова, выделив мягкость в самостоятельную артикуляцию в положении перед гласными. Ср. говор Брода: *gospòdâr* и *gospodârja*, *lùgâr* и *lugârja*¹⁸⁷.

В результате этих изменений следы праславянской корреляции собственного тона в чакавском наречии оказались представлены лишь противопоставлением фонем $t-t'$, а в немногих кайкавских говорах — противопоставлением фонем $r-r'$. Отношение между этими фонемами стало чисто дизъюнктным, так как, помимо того, что противопоставление этих фонем не подвергалось нейтрализации, различие в собственном тоне не было свойственно никаким другим парам фонем.

В штокавском наречии в период до падения редуцированных отношение фонем, образованных согласными $t-h$, $d-h$, могло расцениваться как коррелятивное на том основании, что их противопоставление подвергалось нейтрализации. После того, как это основание было устранено, те же согласные фонемы по отношению друг к другу стали дизъюнктными, тем более, что их отношению чужд и другой важный признак коррелятивности и фонемы $t-h$, $d-h$ различаются более чем одним звуковым качеством, а именно — высотой соб-

¹⁸⁴ А. М. Лукьяненко. Кайкавское наречие. Киев, 1905, стр. 119—120.

¹⁸⁵ А. Белич. Заметки по чакавским говорам. — ИОРЯС, 1909, т. XIV, кн. 2, стр. 195.

¹⁸⁶ А. Белич. Српскохрватски језик, стр. 398.

¹⁸⁷ R. Strohal. Današnje narječje u Brodu na Kupi. — „Rad JAZU“, 1913, knj. 106, стр. 68.

ственного тона и взрывностью-ффрикативностью. Различие в собственном тоне теряет фонематическую значимость, а фонемы **t-h**, **d-h** противопоставлены друг другу как взрывные и аффрикаты.

В сербском языке была представлена фонема **č'**, весьма близкая по своему качеству фонеме **h**. Система согласных фонем оказалась перегружена аффрикатами. В связи с этим в говорах восточной части Сербии произошло совпадение **č'** и **h** в **č'**, которое Белич относит к XII в.¹⁸⁸

До XIV в. аффриката **dž** не была свойственна сербскому языку так широко, как это было позже, когда в сербский язык пришло много турецких слов, принесших эту аффрикату. Таким образом, фонема **h** была в системе единственной звонкой шипящей аффрикатой. Но фонема **h** образовывала корреляцию по участию голоса с фонемой **h**. Это явилось причиной того, что на востоке Сербии фонема **h** повторила изменение фонемы **h**, изменившись в **dž'**. В дальнейшем в части названных говоров **č'** и **dž'** любого происхождения отвердели. Ср. *rómoč, poč, kúča, detice*¹⁸⁹; *svečá, vréca, poč, medžá, vedžá*¹⁹⁰.

В другой части штокавских говоров количество мягких аффрикат было сокращено путем изменения **č' > h**. Позже, по мере распространения в этих говорах согласного **dž'**, он изменялся в **h**. Ср. говор Маглая — *húdo, hitav, hōjka, sahúva, hāba, hāmije, sinhīr*¹⁹¹; сев.—вост. часть посавских говоров — *hīha, hitat, vēhēr, hēr, kanhīja, sahāk*¹⁹²; джаковацкие говоры — *hovék, dbihaj, vehera, hāk, kazañija*¹⁹³.

С XIV в. в сербском языке появляется большое количество турецких слов, с которыми в сербский язык не только приходит фонема **dž**, но и расширяется,

¹⁸⁸ А. Белич. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. LVII.

¹⁸⁹ Там же, стр. 174.

¹⁹⁰ М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат. — „Српски дијалектолошки зборник“, књ. II. Београд, 1911, стр. 377.

¹⁹¹ Г. Ружићић. Један незапажен босански говор. — „Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор“, књ. XVI, св. 2. Београд, 1936, стр. 246.

¹⁹² St. Ivšić, Današnji posavski govor, стр. 203.

¹⁹³ М. В. Стевановић. Даковачки говор. — „Српски дијалектолошки зборник“, књ. XI. Београд, 1950, стр. 71.

а в таких говорах, как тимоцкие, вновь становится возможным употребление согласных **h**, **ḥ**, замещающих собою **k**, **g** перед передними гласными в турецких словах. Изменение **k**, **g** > **h**, **ḥ** перед передними гласными, а также после палатальных согласных в тимоцких говорах имело место и в сербских словах. Ср. севернотимоцкие говоры *hisér*, *heremida*, *hiril*, *méhe*, *rúhe*, *hisel*, *sehira*, *kalúŕer*, *slúŕe* (мн. от *slùga*), *ḥinem*, *devóŕha*, *májha*, *kudél'ha*, *ból'ha*¹⁹⁴; црмницкий говор — *hibrit*, *hostèka*, *hirija*¹⁹⁵.

В большей части сербских говоров согласные **č'**, **dž'** любого происхождения отвердели. После этого согласные **h** и **č**, **ḥ** и **dž** в штокавских говорах стали различаться высотой тона¹⁹⁶. Ср. *vrátič-noh*, *krdžom* (тв. ед.)-*túhom* (тв. ед.). Однако это различие функционального значения приобрести не могло, так как это противоречило бы основным тенденциям фонологического развития этих говоров, которое было направлено на сокращение различительных средств в области консонантизма. Функциональное различие между **h** и **č**, **ḥ** и **dž** ощущалось как различие в месте образования между палатальными и зубными, а не в наличии или отсутствии мягкости. Функционированию этих фонем как дизъюнктивных способствовало и то обстоятельство, что противопоставление фонем **č-ḥ**, **dž-ḥ** нейтрализации не подвергалось.

В тех штокавских говорах, где сохранилось противопоставление фонем **n-n'**, **l-l'**, отношение между этими фонемами было совершенно аналогично отношению фонем **č-ḥ**, **dž-ḥ**. Различие между фонемами **n-n'**, **l-l'** также стало пониматься как различие в месте образования между зубными и небными фонемами.

С XIV в. в сербском языке вновь начинает проявляться свойственная праславянскому языку тенденция — палатализация согласных в сочетании с **j**, с ассимиляцией этого **j** палатальному согласному. Основным усло-

¹⁹⁴ М. Станојевић. Севернотимоцки дијалекат, стр. 375.

¹⁹⁵ Б. Милетић. Црмнички говор, стр. 369.

¹⁹⁶ См. описание артикуляции согласных **č** и **ḥ**, **dž** и **ḥ**. Б. Милетић. Основи фонетике српског језика. Београд, 1952, стр. 44.

ваем осуществления этой палатализации было нахождение согласного и **j** в пределах одного слога¹⁹⁷.

Первым проявлением этой тенденции была палатализация согласных в группах **id**, **it** в производных от глагола *idti*: *poĥem* < *poĭdem*, *poĥi* < *poĭti*. В некоторых чакавских говорах это явление имело место только в форме инфинитива, так как в других случаях согласные **t**, **d** и **j** находились в разных слогах. Ср. *nát'*, *pót'* и *náide*, *pójden*¹⁹⁸.

К XVI в. граница слога в формах типа *bratja* была сдвинута таким образом, что согласный и следующий за ним **j** стали принадлежать одному слогу¹⁹⁹. В таких условиях согласные перед **j** подвергались палатализации с ассимиляцией **j** предшествующему согласному.

Новая палатализация началась в центральных штокавских говорах. Именно в черногорских и герцеговинских говорах новой палатализации подверглись все согласные, как губные, так и зубные, включая **c**. Сочетание согласных с последующим **j** теперь совершенно чуждо этим говорам: если **j** и не палатализирует предшествующий согласный, как это имеет место в отношении к **š**, **ž**, **č**, **r**, то он утрачивается после них.

Так, в црмничком говоре (вост. Герцеговина) в результате новой палатализации произошло изменение **l** > **l'**, **n** > **n'**, **t** > **h**, **d** > **h**: произошло колебание в палатализации губных — *obl'āvīt*, *obl'āgnila sē dvca*, *obl'ūžilo*, но во всех случаях чаще встречается **sj**, **zj** > **ś**, **ž**, согласные средние между **s'** и **š'**, **z'** и **ž'** — *śāt se*, *klāše*, *prōšāk*, *kōži*; новая палатализация осуществляется в основном в корнях и суффиксах, но может встречаться и в предлогах и префиксах: *śāā* < *sjaxao*, *ražāsnī*, *šēsēnī*, *śūtra*, но обычны: *sjā(x)at*, *izjādat*; утрата **j** после **ž**, **š**, **č**, **r** — *mīšega*, *bōžā*, *vbliče*, *Prīmōre*²⁰⁰.

¹⁹⁷ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 137; его же. Заметки по чакавским говорам, стр. 195; его же. Српскохрватске гласовне групе **-jt**, **-jd** и прасловенско **-kti-**, **-gti-** и **-hti-**. — „Јужнословенски филолог“, 1921, књ. II, № 3—4, стр. 219.

¹⁹⁸ А. Белић. Заметки по чакавским говорам, стр. 195.

¹⁹⁹ А. Белић. Српскохрватски језик, стр. 398; П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956, стр. 64.

²⁰⁰ Б. Милетић. Црмнички говор, стр. 343, 347.

В екавских говорах Черногории и Герцеговины новая палатализация имела место и перед **j** в сочетании **je**, являющемся заменой праславянского **e** в кратком слоге. Ср. говоры Черногории: *ħèd, ħevòjka, ħèràt, l'èto, l'èsa, n'èga, bl'èžàn'e, pl'ènit, vl'èra, ml'èsto, sédòk, šètovat, ħèpanica, ħedilo, ħètòn'a* (≤ *cvjetòn'a*), *ħètās* (≤ *cvjetas*)²⁰¹, говор Пивы и Дробняков: *léheti, ħévojki, ħètelina, l'epòta, n'èžan, šn'ègovi*, палатализация губных может быть и не быть: *pl'èsma, ml'èsec, trpl'eti, ùml'eti* и *pjèsma, mjèsèc, séver, šèt* (≤ *svjet*), *ħedilo, ħepàda, mèħed* (≤ *medvjed*), *ħéton'a* (≤ *cvjeton'a*)²⁰²; восточно-герцеговинские говоры: *ħèrati, ħévòjka, osiròheti, l'epòta, l'èto, n'èga, sédok, sédòčiti, ħedilo, ħèpka*; палатализации губных может и не быть²⁰³. В этих же говорах согласный **j** сочетания **je** < **ě** в положении после **r** утрачивается²⁰⁴.

В большей части остальных штокавских говоров, как и в литературном сербском языке, новой палатализации подвергаются лишь губные согласные и зубные **t, d, n, l**. Ср. в литературном языке *bráha, snopl'e, vesel'e, zrn'e*; на стыке приставки и корня новая палатализация отсутствует — *nadžàcati, odjuriti, podjarmiti*; палатализация губных отсутствует в начале слова — *bjen, pjan*²⁰⁵.

Наконец, в тимокских говорах новой палатализации подвержены только **t, d, n, l**, а у губных она в большей части говоров отсутствует.

В посавских говорах наблюдается различие в закономерностях палатализации согласных перед **j** на стыке морфем, с одной стороны, и перед **j** сочетания **je** < **ě**, — с другой. На стыке морфем палатализуются как губные, так и зубные **t, d, n, l**, а перед **je** < **ě** в основном

²⁰¹ М. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат, стр. 34—36.

²⁰² Ј. Вуковић. Говор Пиве и Дробњака. — „Јужнословенски филолог“, 1938—1939. књ. XVII, стр. 44—47.

²⁰³ Д. Вушовић. Дијалекат Источне Херцеговине. — „Српски дијалектолошки зборник“, књ. III. Београд, 1927, стр. 16—18.

²⁰⁴ П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика, стр. 133; Б. Милетић. Црмнички говор, стр. 343.

²⁰⁵ А. Белић. Правопис српскохрватског књижевног језика. Београд, 1934, стр. 55.

только **п** и **л**²⁰⁶. Аналогичная картина имеет место в говорах Тешня и Маглая: *brāhe, òphēn'e, grēbl'e, l'epòta, l'èto, n'ègde* и *tjème, tjelesan, djèd, bjelòtel'ive*²⁰⁷.

В тех штокавских говорах, где новая палатализация проведена непоследовательно, наличие **ј** после согласных — довольно обычное явление. Но наряду с этим в тех же говорах наблюдается тенденция избежать сочетаний согласных с **ј** путем метатезы. Ср. в тимокских говорах: *múžje, trsje, déverje* и *lójze, kójze, méso*²⁰⁸, в джаковацком говоре: *lisje, ósje* и *bójze, grójze*²⁰⁹.

Новая палатализация имеет место в некоторых чакавских говорах. Ср. о. Брач — *brāt'a, trèt'i, prút'e, ūje, zēje* и *vesēlje, obīlje, rībje, kòpje, divjók*²¹⁰. С другой стороны, новая палатализация полностью отсутствует в говоре г. Крес: *netjāk, brātja, vesēlje, kāmenje*²¹¹. Существует мнение, что в чакавских говорах новая палатализация обязана своим появлением штокавскому влиянию, относящемуся к XVII в.²¹²

В кайкавском наречии новой палатализации в основном нет; редкие ее случаи встречаются лишь на юго-западе кайкавской территории²¹³.

Во всех говорах, знающих новую палатализацию, согласный **ј** утрачивается в положении после старых **р', н', ђ, ѣ**.

Таким образом, осуществление новой палатализации почти полностью исключило возможность употребления **ј** после согласных в центральных штокавских говорах и значительно сократило ее в остальных штокавских

²⁰⁶ П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика, стр. 200; St. Ivšić. Današnji posavski govor, стр. 172, 174, 195.

²⁰⁷ Г. Ружицић. Један незапажен босански говор, стр. 247, 248.

²⁰⁸ М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат, стр. 387.

²⁰⁹ М. В. Стевановић. Даковачки говор, стр. 63.

²¹⁰ Mate Hraste. Čakavski dijalekat ostrva Brača, стр. 23.

²¹¹ Mate Tentor. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Chreso). — „Archiv für slavische Philologie“, 1908, Bd. 30, H. 1—2, стр. 23.

²¹² Mate Hraste. Osobine govora otoka Šolte. — „Rad JAZU“, 1948, knj. 272, стр. 132.

²¹³ А. М. Лукьяненко. Кайкавское наречие, стр. 127.

говорах. Это обстоятельство явилось поводом для того, чтобы согласные **l', n', ħ, ħ** в современном сербском языке трактовались как варианты фонем **l, n, t, d** в сочетании с **j**²¹⁴.

По поводу этого можно заметить следующее. Во многих центральных штокавских говорах в результате последовательного проведения новой палатализации согласных употребление **j** после согласных стало вообще невозможно. Если **j** и встречается в этом положении, то только на стыке приставки или предлога и корня, и то не всегда. Ср. в црмничком говоре — *sjäxat, izjädat* и *sēsēnī, rozāsni*²¹⁵. На стыке же основы и флексии **j** отсутствует после всех согласных, в том числе и после тех, которые новой палатализации не подвергались (*oruže, zagore, obliče*).

В этих говорах в условиях полного отсутствия сочетаний согласных с **j** нет никаких оснований для того, чтобы считать вариантами фонемы в сочетании с **j** как **r** в *zagore*, так и **l', n', ħ, ħ** в *obil'e, zelen'u, pruĥe, ĥed*. Поэтому в центральных штокавских говорах согласные **l', n', ħ, ħ**, возникшие в результате новой палатализации, примыкают к уже ранее имевшимся фонемам **ħ, ħ, l', n'**. В случаях типа *nit* — *niĥu, ċeled* — *ċeleĥu, soli* — *sol'u, trn* — *trn'e* фонемы **t** и **ħ, d** и **ħ, l** и **l', n** и **n'** вступают в морфологическое чередование.

В большей части остальных штокавских говоров и в литературном языке новой палатализации подвергаются только губные согласные и зубные **t, d, n, l**; при этом в литературном языке сочетания некоторых из этих согласных с **j** сохраняются на стыке приставки и корня (*nadžačati, podjarmiti, objašnen'e, objačati*). В морфемах, аналогичных тем, где **l, n, t, d** и губные согласные подверглись новой палатализации, согласные **s, z, r, š, ž, č** остаются без изменения, а **j** сохраняется, в результате чего в этих говорах возможны сочетания **sj, zj, rj, šj, žj, čj**. Кроме того, в екавских говорах сочетания согласных с **j** могут быть представлены в результате отсут-

²¹⁴ П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка. — „Известия АН СССР, Отделение литературы и языка“, 1948, т. VII, вып. 2, стр. 136.

²¹⁵ Б. Милетић. Црмнички говор, стр. 343.

ствия палатализации перед **je** < **ё**. Поэтому, если мы сравним аналогичные формы, одна из которых образована от основы на согласный палатальный или подлежащий новой палатализации, а другая — от основы на согласный, не подверженный новой палатализации, то станет ясно, что палатальные согласные на стыке морфем, вторая из которых начинается согласным **j**, могут появиться как в соответствии с сочетанием непалатального согласного с **j**, так и в соответствии с сочетанием палатального согласного с **j**. Ср. *trn*, *sten'ak*, *trn'e*, *sten'e* и *klasje*, *perje*; *smrt*, *noh*, *smrhu*, *nohu* и *osju* и др.

Таким образом, в этих говорах на стыке определенных морфем, где появляются сочетания согласных с **j**, всегда выступают согласные **l', n', h', h'** в качестве соответствий как **lj, nj, tj, dj**, так и **l'j, n'j, h'j, h'j**. Если стать на точку зрения П. С. Кузнецова, считающего каждое **l', n', h, h'** вариантом фонемосочетаний **lj, nj, tj, dj**, то **l', n', h, h'** в названных морфемах должны являться вариантами как **lj, nj, tj, dj**, так и **ljj, njj, tjj, djj**, которые скрываются за **l'j, n'j, h'j, h'j**. Подобная фонологическая неоднородность согласных **l', n', h, h'**, на стыке тождественных морфем вступает в противоречие с концепцией П. С. Кузнецова, который названные согласные в указанном положении всегда квалифицирует как варианты фонем **l, n, t, d** в сочетании с **j** и распространяет это определение на **l', n', h, h'** во всех положениях.

По нашему мнению, осуществление новой палатализации не внесло изменений в систему консонантизма и этих штокавских говоров. Вновь возникшие **l', n', h, h'** присоединились к уже имевшимся фонемам **l', n', h, h'**. То обстоятельство, что **l', n', h, h'** на стыке определенных морфем выступают как в соответствии с **lj, nj, tj, dj**, так и с **l'j, n'j, h'j, h'j**, не должно создавать впечатления, что в результате осуществления новой палатализации в этих говорах возникли новые функциональные отношения между **l** и **l'**, **n** и **n'**, **t** и **h**, **d** и **h'**, т. е. что противопоставление этих фонем стало подвергаться нейтрализации в положении перед **j** с последующей его ассимиляцией. Расценивать чередование **l:l', n:n', t:h, d:h'** в *solī-sol'u*, *trn-trn'e*, *smrt-smrhu*, *glad-glaħu* как чередование сильной и слабой фонемы мешает

его морфологическая ограниченность и обусловленность. Поэтому названное чередование следует квалифицировать как морфологическое. Морфологическим является и возникшее в результате новой палатализации чередование **b : bl'**, **m : ml'**, **p : pl'**, **v : vl'**.

§ 42. Диалекты, на основе которых развились впоследствии западноболгарские и македонские говоры, в отличие от прасербского и прасловенского языков рано, еще до падения редуцированных²¹⁶, утратили количественное различие гласных фонем, что значительно упростило систему вокализма. В связи с этим в названных диалектах не было оснований для дефонологизации противопоставления передних и непередних гласных фонем в период до падения редуцированных. В македонских и западноболгарских говорах ко времени падения редуцированных сохранялось противопоставление фонем **i-у**, **ь-ъ**.

В западноболгарских говорах ко времени падения редуцированных сохранялось различие между позиционной и фонематической мягкостью согласных. Об этом свидетельствует, в первую очередь, сам характер употребления мягких согласных в современных западноболгарских говорах.

В этих говорах мягкость согласных, не вызванная новым смягчением перед **j** и не восходящая к праславянской мягкости, никогда не может быть возведена к праславянской позиционной мягкости. Эта мягкость позднего происхождения, будучи вызвана причинами нефонетического характера, распространяется не только на согласные, имевшие праславянскую позиционную мягкость, но и на согласные, этой мягкости не имевшие, т. е. на любые согласные, ставшие твердыми после падения редуцированных.

Так, в ломском говоре в результате распространения мягкости на **n**, **l** любого происхождения в положении на конце слова рядом с *kon'*, *sin'* появились *pepel'*, *štěrbel'*, *g'avol'*, *greben*,²¹⁷; в говоре с. Бобошево по

²¹⁶ Ц. Тодоров. Говорът на град Лом. — „Сборник за народни умотворения и народопис“, 1930, кн. 38, стр. 26.

²¹⁷ Там же, стр. 26.

той же причине рядом с *učitel'*, *kral'*, *kon'* возникли *sol'*, *bivol'*, *pipon'*²¹⁸. В некоторых западноболгарских говорах не только не расширилось употребление мягких согласных на конце слова, но наоборот в этом положении отвердели и те согласные, чья мягкость восходит к праславянской. Однако мягкость этих согласных сохранилась в членных формах существительных, а в дальнейшем обобщилась в этих формах и для твердых основ. Ср. орханийский говор: *kon*, *den*, *učitel*, *zet* и *kon'a*, *den'a*, *zek'a*, *gorun'a*, *osten'a*, *brak'a*, (от *brat*)²¹⁹; говор с. Габаре: *kon*, *den*, *рѣн*, *lakъt* и *kon'a*, *den'ъ*, *рѣн'ъ*, *lakъk'a*, *рѣk'a*, *zakon'a*²²⁰.

Иная система употребления мягких согласных представлена в разложском говоре, но и она свидетельствует о том, что в западноболгарских говорах различие между фонематической и позиционной мягкостью ко времени падения редуцированных сохранялось. В этом говоре на конце слова представлены согласные **п'**, **л'**, **к'** как на месте согласных, имевших праславянскую мягкость, так и не имевших ее. Однако в членных формах это различие сохраняется, и согласные, имевшие праславянское позиционное смягчение, объединяются с твердыми согласными. Ср. *kon'*, *sol'*, *pak'*, *zek'*, *sin'*, *katran'*, *kolan'* и *kon'e*, *katrane*, *pote*, *zete*, *kolane*²²¹.

В связи с тем, что западноболгарские говоры в своем развитии не знали периода функционального противопоставления твердых и мягких слогов, после падения редуцированных в этих говорах не было и функционального отождествления передних и непередних гласных.

В центральных македонских говорах сильные **ѣ** и **ь** соответственно изменились в **о** и **е**: *son*, *doš*, *lakot*,

²¹⁸ И. Ке по в. Народописни, животописни и езикови материал от с. Бобошево. — „Сборник за народни умотворения и народопис“, 1936, кн. 42, стр. 1—12.

²¹⁹ Г. Иванов. Орханийският говор. — „Сборник за народни умотворения и народопис“, 1930, кн. 38, стр. 15, 29.

²²⁰ К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. — „Известия на института за български език“, 1956, кн. IV, стр. 123.

²²¹ Димитър и Костадин М о л е р о в и. Народописни материал от Разложко. — „Сборник за народни умотворения и народопис“, 1954, кн. 48, стр. 9—11.

*den, temen, orel, oves*²²². Аналогичное явление известно и западноболгарским²²³ говорам в отличие от восточноболгарских, где сильные **ѣ** и **ѥ** совпали в одном гласном.

В качестве самостоятельной фонемы в македонских и западноболгарских говорах продолжал функционировать гласный **ä**, впоследствии изменившийся в **e**. При этом следует заметить, что изменение **ä** > **e** в западноболгарских говорах отсутствует в положении после согласных, восходящих к праславянским палатальным, т. е. в названных говорах рядом с *хлеб, ded* имеем *сана, calo, ofčar, žaba, čaša, zem'a, vol'a*. Это можно объяснить тем, что согласные **с'**, **č'**, **ž'**, **š'** отвердели до того, как начал осуществляться процесс изменения **ä** > **e**, и гласный **ä**, после отвердевших согласных, претерпев передвижку в задний ряд, изменился в **a**. В случаях типа *vol'a, zem'a* изменению флективного **ä** в **e** препятствовала морфологическая аналогия со стороны форм твердой разновидности тех же основ (*žena, baba*). В этом последнем случае фактор морфологической аналогии влияет и на развитие гласного **ä** в восточноболгарских говорах, где в остальном наблюдается полный параллелизм в изменении **ä** после согласных, восходящих к праславянским палатальным, с одной стороны, и после остальных согласных, с другой. Ср. *xl'ab-xl'eben, žaba-žebi, ofčar-ofčeri*, но *zem'a, vol'a*.

В македонских и западноболгарских говорах непосредственно после падения редуцированных самостоятельными фонемами продолжали оставаться и гласные **i** и **y**.

В результате фонологизации согласного **j**, имевшей место после падения редуцированных, гласные **ü** и **ö** утратили фонематическую самостоятельность и стали функционировать как варианты фонем **u** и **o** (вскоре изменившейся в **ъ**).

Ко времени падения редуцированных в западноболгарских говорах праславянская корреляция твердости-мяг-

²²² И. Филипоски. Негиотинскиот говор. Скопје, 1952, стр. 11; Б. Видоески. Перечкиот говор. Скопје, 1950, стр. 9. М. Григоров. Говорът на малореканците (мияците) в Дебърско. — „Известия на семинара по словенска филология при университета в София“, 1907, кн. II, стр. 236.

²²³ К. Мирчев. Историческа граматика на български език. София, 1953, стр. 28.

кости была представлена фонемами **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**. В некоторых говорах, видимо, сохранялось противопоставление твердых и мягких губных согласных фонем. В другой части говоров, в частности, в тех, которые нашли отражение в староболгарских памятниках, мягкие губные изменились в двухфонемные сочетания губных с **l'**.

Следует заметить, что несмотря на то, что **l-epentheticum** в большей части западноболгарских говоров после губных или утратился, или совсем не развивался, это не привело к сколько-нибудь значительному различию твердых и мягких губных согласных фонем в названных говорах. Это было связано с тем, что мягкие губные на конце слова в случаях типа *korab'* вскоре после падения редуцированных отвердели во всех западноболгарских говорах. Во всех западноболгарских говорах, включая македонские, губные, как и прочие мягкие согласные, отвердели в форме первого лица единственного числа глаголов на **-i**: *trъpa*, *kupa*²²⁴. Кроме того, во многих западноболгарских говорах **l-epentheticum** представлен в словах *zeml'a*, *sabl'a*²²⁵.

В большей части западноболгарских говоров не сохранилось и различия фонем **r-r'**, так как согласный, образующий фонему **r'**, отвердел в любом положении в слове²²⁶.

Таким образом, в большей части западноболгарских говоров различие по твердости-мягкости наиболее последовательно сохраняли согласные **n-n'**, **l-l'**, а также, может быть, **t-t'** (за счет наличия **t'** в случаях типа *pošt'*), которые функционировали как коррелятивные фонемы.

После осуществления процессов в области вокализма, характерных для среднеболгарского периода, фонемы **n-n'**, **l-l'** были противопоставлены на конце слова, перед **u**, **a** и перед заменой праславянского **o**: *den-kon'*, *kluži-kl'us*, *žena-von'a*, *ženъ-von'ъ*. В положении перед **i** (из **i**, **y**), **e** (из **e**, **ě**, **ę**) и перед согласными противопоставление фонем **n-n'**, **l-l'** подвергалось нейтрализации.

²²⁴ Г. Попиванов. Софийский говор. — «Сборник на българската академия на науките», 1940, кн. 34, стр. 242.

²²⁵ Там же, стр. 240.

²²⁶ Там же, стр. 239.

Состав фонем, противопоставленных по твердости-мягкости, во всех западноболгарских говорах, видимо, довольно рано пополнился фонемами **k-k'**, **g-g'**. Возможность противопоставления этих фонем по твердости-мягкости была обусловлена в разных говорах неодинаковыми причинами как фонетического, так и нефонетического характера.

Так, во всех западноболгарских говорах, включая македонские, согласные **k'**, **g'**, образовавшие впоследствии фонемы **k'**, **g'**, развились фонетически из **t'**, **d'**, явившихся в результате позднейшего смягчения согласных **t'**, **d'** перед **j**: *cvek'e*, *trék'e*, *rovog'e*, *g'avol*, *livag'e*. При этом во всех этих говорах, видимо, еще раньше **k'**, **g'** были восприняты в иноязычных словах. Ср. *k'ar*, *k'or*, *g'on*, *k'um'ur*, *duk'an*, *k'aug'er*, *g'erdan*, *g'ubre*, *k'ósaf*, *k'orčo* и т. д.²²⁷

В центральных и северных македонских говорах **k'**, **g'**, кроме того, обязаны своим появлением сербскому влиянию, в результате которого названные согласные вытеснили первоначальные замены праславянских **tj**, **dj**. Ср. в гевгелийском говоре — *nok'*, *svek'a*, *veg'a*, *meg'u*²²⁸.

Во многих западноболгарских говорах согласный **k'** развился в результате ассимиляции суффиксального **-k**-предшествующему палатальному согласному. Впоследствии суффикс **-k'a** обобщился и стал употребляться также после непалатальных согласных и после гласных. Ср. *újk'o*, *baštelk'o*, *svirik'a*, *lenik'a*²²⁹, *bilk'a*, *bolk'a*, *grank'a*, *svink'a*²³⁰ и т. д.

Несмотря на то, что **k'**, **g'** своим появлением в значительной степени обязаны изменению **t'**, **d'** > **k'**, **g'**, отсутствует всякая синхронная взаимозависимость между **k'**, **g'** и **t**, **d**, хотя **t'**, **d'**, изменившиеся в **k'**, **g'**, были коррелятивны с фонемами **t**, **d**. Чередование **t:k'**, **d:g'** в случаях *svet*: *cvek'a*, *rovod*: *rovog'e* является чисто морфологическим: **k'**, **g'** в *cvek'e*, *rovog'e* так же, как и в *k'ar*, *g'erdan*, образуют самостоятельные фонемы.

²²⁷ Б. Видоески. Поречкиот говор, стр. 23; Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 31.

²²⁸ Д. Иванов. Гевгелийският говор, стр. 76.

²²⁹ Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 29.

²³⁰ И. Кепо в. Народописни и езикови материали от с. Бобошево, стр. 11.

Во многих западноболгарских говорах согласные подверглись смягчению перед **j** с последующей ассимиляцией этого **j** на стыке морфем. Однако специфика этого смягчения такова, что в результате его осуществления расширяется употребление в основном только согласных **n'**, **l'**, **k'** (из **t'**), **g'** (из **d'**). Другие зубные согласные, а также губные перед **j** могут не смягчаться, или же в процессе смягчения после них выделяется **l'**. Ср. врачанский говор — *děrvja, perja*²³¹, софийский говор: *robl'a, děšterl'a, prosl'ak, cvetl'e, mazl'a* и *gost'e, gosk'e, per'a*²³²; ломский говор: *perl'a, lozl'a, děrul'a, čěrul'a, piv'am*²³³.

Тем не менее в некоторых говорах смягчение перед **j** приводит к тому, что по твердости-мягкости начинают различаться губные согласные фонемы, а также **z-z'**, **s-s'**, **r-r'**. Ср. в орханийском говоре: *krava-niv'a* (мн. собирает.) и *krave-nive; koza-loz'a* и *koze-loze; brat-per'a*²³⁴.

В западноболгарских говорах мягкие согласные, кроме **n**, **l**, **k**, **g**, нередко употребляются в немногих лексикализованных случаях, которые отчасти могут быть объяснены влиянием со стороны восточноболгарских говоров.

Ср. софийский говор: *bor'án, cár'a, prezmor'ánka, opráv'a*, (1 л. ед.), *krav'o, devet'*²³⁵; видинский говор: *prós'ak, loz'e* и *lojze, loze, búr'a*, и *zora, more*²³⁶; ломский говор: *car'u* (зв.) и *car, cára, koz'o, koz'a*²³⁷; говор с. Говедарци: *stáp'am, stáv'am*, (мн.), *trup'e, bór'an, nár'at, bád'avám, prós'ak, z'an, z'apálo*²³⁸ и т. д.

Употребление мягких согласных в подобных случаях создает возможность различения по твердости-мягкости также и для губных согласных фонем и для фонем **r-r'**,

²³¹ Ц. Тодоров. Северозападните български говори. — «Сборник за народни умотворения и народопис», 1936, кн. 41.

²³² Г. Попиванов. Софийският говор, стр. 238, 239, 241.

²³³ Ц. Тодоров. Говорът на град Лом, стр. 25.

²³⁴ Г. Попиванов. Софийският говор, стр. 239.

²³⁵ Там же.

²³⁶ П. К. Гъбьов. По говора в гр. Видин. — «Сборник за народни умотворения», 1903, кн. 19. стр. 10, 14, 17.

²³⁷ Ц. Тодоров. Говорът на град Лом, стр. 38.

²³⁸ Ст. Стойков. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. — «Известия на Института за български език». 1956, кн. IV, стр. 262.

s-s', z-z', t-t', d-d'. Но так как это различие основывалось на весьма ограниченном употреблении названных мягких согласных фонем, то оно не могло сколько-нибудь существенно повысить роль корреляции твердости-мягкости в фонологической системе западноболгарских говоров.

Поэтому различие по твердости-мягкости, будучи ограничено в основном фонемами **n-n', l-l', k-k', g-g'**, занимает в фонологической системе западноболгарских говоров крайне незначительное место, не являясь одной из определяющих черт этой системы, как это имеет место в восточноболгарских говорах. В связи с этим в западноболгарских говорах могла происходить утрата мягкости в определенных положениях. Ср. положение в конце слова в говоре с. Габаре — *kon, ogъn, kral, ucitel*²³⁹. И, напротив, по той же причине могло произойти обобщение мягкости согласных в определенных положениях или морфемах. Ср. конец слова в ломском говоре: *kon', sin'* (прилагат.), *greben', štърbel', g'avol'*²⁴⁰; членные формы существительных в орханийском говоре и говоре с. Габаре: *kon'a, den'a, zek'a, osten'a* и *den'ъ, pъk'a, zakon'a*²⁴¹.

Существует мнение, что в западноболгарских говорах корреляции твердых и мягких согласных фонем не существует, а противопоставление фонем **n-n', l-l', k-k', g-g'** является дизъюнктивным. Американский лингвист Клагстад²⁴², анализируя фонологическую систему болгарских говоров с точки зрения дихотомической теории и в соответствии с этим квалифицируя различие в собственном тоне как оппозицию дизънная тональность-простая тональность, определяет противопоставление фонем **n-n', l-l', k-k', g-g'** в западноболгарских говорах с. Габаре и Говедарци как оппозицию диффузности-компактности²⁴³.

²³⁹ К. Попов. Говорът на с. Габаре, стр. 123.

²⁴⁰ Ц. Тодоров. Говорът на град Лом, стр. 26.

²⁴¹ Г. Иванов. Орханийският говор, стр. 15, 29; К. Попов, Говорът на с. Габаре.

²⁴² Harold L. Klags t a d t, A Phonemic Analysis of some Bulgarian Dialects. — „American contributions to the fourth international congress of slavists“, 1958.

²⁴³ Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — „Известия на Института за български език“, 1956, кн. IV, стр. 187.

Отвлекаясь от терминологии дихотомической теории, следует заметить, что Клагстад свой фонологический анализ строит исключительно на учете артикуляционной специфики согласных звуков. Это ясно видно из его интерпретации системы консонантизма восточноболгарского говора с. Нова Надежда. На основании того, что в описании этого говора, сделанного Г. Христовым, отмечена большая степень мягкости и даже палатальность согласных **l', n', k', g', r'** и меньшая степень мягкости для **p', b', t', v', m'**²⁴⁴, Клагстад делает заключение, что в названном говоре фонемы **p-p', b-b', t-t', v-v', m-m'** образуют оппозицию простая тональность-дизьянтная тональность, а **k-k', g-g', n-n', l-l', z-z'** — оппозицию диффузность-компактность²⁴⁵, т. е., с точки зрения традиционной, первая группа фонем является коррелятивной, вторая — дизъюнктивной, где фонемы различаются на основе локализационного ряда.

Однако на самом деле обе эти группы фонем функционируют в качестве тождественных элементов фонологической системы, образуя оппозицию простая тональность-дизьянтная тональность, с точки зрения дихотомической теории, и как коррелятивные по твердости-мягкости — с точки зрения традиционной. В этом нас убеждает то обстоятельство, что как противопоставление фонем **p-p', b-b'** и др., так и **k-k', g-g'** и других в говоре с. Нова Надежда подвергается нейтрализации в определенных положениях: *svat-n'it'* и *svat'in'ъ* (им. мн.) *n'it'i* (им. мн.); *baba* и *bab'in'ъ* (им. мн.)²⁴⁶; *d'ignъ* (1 л. ед.)- *p'as'n'ъ* и *d'ign'i* (3 л. ед.) *p'as'n'i*; *noga, rъka* и *nog'i, rъk'i*. Здесь уместно вспомнить следующее замечание Н. Трубецкого: «... в языке с корреляцией мягкости собственный тон всегда наиболее важен, а из других качеств принимаются во внимание только те, которые общи данному согласному и его партнеру. Отсюда следует, что в таких языках палатальный ряд как самостоятельный локализационный ряд вряд ли возможен.

²⁴⁴ Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско, стр. 187.

²⁴⁵ Harold L. Klagstadt. Указ. соч., стр. 164.

²⁴⁶ Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско, стр. 186, 195.

Палатальные согласные всегда будут пониматься как „мягкие апикальные“, „мягкие гуттуральные“»²⁴⁷. То, что и дихотомический анализ не может основываться только на учете артикуляционной специфики звуков, показал С. К. Шаумян, когда он противопоставление старопольских фонем, образованных согласными, **t-ć**, **d-dź**, **r-rż**, квалифицирует как оппозицию простая-дизная тональность, а не как оппозицию диффузности-компактности на том основании, что противопоставление этих фонем подвергалось нейтрализации в определенных положениях²⁴⁸.

В связи с этим возвращаясь к западноболгарским говорам, следует сказать, что фонемы **n-n'**, **l-l'**, **k-k'**, **g-g'** образуют в них корреляцию, что, в частности, выражается в нейтрализации противопоставления этих фонем. Так, например, в орханийском говоре в положении перед **e**, где выступают только твердые согласные²⁴⁹, происходит нейтрализация противопоставления названных выше фонем. Ср. *srdn-trn'a* и *srdé* (уменьшит.), *trné* (мн. ч.), *maglá-kól'a* и *magléto* (член. ф. мн. ч.), *kóle* (мн. ч.), *Penka-újk'o* и *Pénke* (зв.), *ujkéve* (мн. ч.).

§ 43. Проведенный анализ развития корреляции твердости-мягкости в славянских языках позволяет сделать следующие выводы. В период, предшествующий дроблению праславянского языкового единства, в праславянском языке существовала корреляция твердости-мягкости, представленная фонемами **l-l'**, **n-n'**, **r-r'**, **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **p-p'**, **b-b'**, **m-m'**, **v-v'**, а в некоторых диалектах и **z-z'**.

Праславянская корреляция твердости-мягкости была весьма неустойчива и во всех праславянских диалектах подверглась сокращению задолго до падения редуцированных.

Следует подчеркнуть, что нет прямой преемственности между праславянской корреляцией твердости-мягкости и аналогичной корреляцией, развившейся позже в отдельных славянских языках. Между праславянской

²⁴⁷ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, стр. 123.

²⁴⁸ С. К. Шаумян. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958, стр. 64.

²⁴⁹ Г. Иванов. Орханийский говор, стр. 28.

корреляцией твердости-мягкости и той же корреляцией в отдельных славянских языках лежит период функционального противопоставления твердых и мягких слогов. Противопоставление твердых и мягких слогов возникло в результате ликвидации различия между фонологической и позиционной мягкостью согласных, имевшей место в диалектах, легших в основу восточнославянских и западнославянских языков и восточноболгарских говоров. В период противопоставления твердых и мягких слогов существовало функциональное равновесие между твердыми и мягкими согласными и передними и непередними гласными; те и другие по существу являлись вариантами одной согласной или гласной фонемы.

Падение редуцированных, изолировав твердость-мягкость согласных от качества последующего гласного, явилось условием превращения этих согласных в самостоятельные фонемы. Вместе с этим произошло функциональное отождествление передних и непередних гласных, которые из потенциальных стали фактическими вариантами одной фонемы. Следует заметить, что характерная для корреляции твердости-мягкости отдельных славянских языков в первый период ее существования несовместимость с фонологическим различием передних и непередних гласных, не была свойственна праславянской корреляции твердости-мягкости, в чем ее коренное отличие от той же корреляции в отдельных славянских языках.

Функциональное отождествление передних и непередних гласных во многих случаях приводило к их артикуляционному сближению или совпадению, которое, однако, имело место обычно в определенных фонетических условиях.

Это артикуляционное слияние передних и непередних гласных привело в конечном счете к тому, что передние и непередние гласные, находившиеся раньше в отношениях вариантов одной фонемы, вновь обрели фонологическую самостоятельность.

Так, в восточноболгарских говорах вновь стали образовывать фонемы гласные **ъ**, **а**, в польском языке — **а**.

В тех случаях, когда артикуляционное слияние передних и непередних гласных было ограничено определенными фонетическими условиями, фонологизация передних

и непередних гласных наступала позже в результате осуществления других фонетических и нефонетических процессов. Ср. фонологизацию гласных **ǫ** ($\leq \epsilon$) и **ǫ̇** ($\leq \varphi$) в польском языке, гласных **е** и **о** — в русском.

После падения редуцированных во всех славянских языках и диалектах, переживших ранее утрату различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных, по твердости-мягкости были противопоставлены фонемы **t-t'**, **d-d'**, **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, **s-s'**, **z-z'**, **p-p'**, **b-b'**, **m-m'**, **v-v'**.

В дальнейшем эта система твердых и мягких согласных фонем в отдельных славянских языках подверглась различным преобразованиям. Менялся как состав фонем, коррелятивных по твердости-мягкости, так и позиции различения этих фонем и нейтрализации их противопоставления. Эти изменения были обусловлены как фонетическими, так и фонологическими причинами.

Коррелятивные отношения между фонемами могли быть ликвидированы в результате звуковых изменений, которым подвергался согласный, образующий мягкий член противопоставления, в том случае, если эти изменения вели к утрате дополнительной мягкой артикуляции как в виде отвердения мягких согласных, так и в виде выделения мягкости в фонологически самостоятельную артикуляцию. Изменениям такого характера подверглись мягкие губные согласные в украинском, белорусском, польском языках, в словацких и кашубских говорах и согласный **r'** в словацком, белорусском языках и в северноукраинских говорах. В этих языках и говорах губные согласные фонемы и **r** оказываются за пределами корреляции твердости-мягкости.

В лужицких языках мягкие губные и **r'** претерпели названные изменения не во всех положениях, в результате чего сократилось количество позиций, в которых противопоставлены твердые и мягкие губные фонемы и **r-r'**, но противопоставление как таковое сохраняется.

Коррелятивные отношения между фонемами нарушаются и в том случае, если изменение мягкого согласного ведет к его совпадению с согласным, образующим другую мягкую фонему. Этот процесс может сопровождаться включением в корреляцию твердости-мягкости новой пары фонем. Так, в болгарских говорах изменение

$t' > k'$ ведет к тому, что фонема t становится непарной по твердости-мягкости, но в корреляцию твердости-мягкости включаются фонемы $k-k'$. В юго-западных украинских говорах в связи с изменением $t' > k'$ происходит фонологизация согласного k' , бывшего ранее вариантом фонемы k , и появляется противопоставление фонем $k-k'$. Однако в этих говорах сохраняется и пара $t-t'$, так как изменение $t' > k'$ здесь было ограничено определенными морфемами.

В том случае, если изменение согласного не ведет к утрате мягкости или к совпадению с согласным, образующим другую фонему, это изменение фонологических последствий не имело. Сохранению коррелятивных связей между фонемами, одна из которых подверглась звуковому преобразованию, способствует то обстоятельство, что противопоставление этих фонем в определенных положениях продолжает подвергаться нейтрализации. Именно по этой причине ассимиляция согласных t' , d' в польском, белорусском, лужицких, словацком языках и изменение $r' > r''$ в польском и чешском не нарушает коррелятивных отношений между фонемами $t-t'$, $d-d'$, $r-r'$.

Твердые члены коррелятивных пар в славянских языках обычно не подвергались изменению. Исключение в этом отношении составляет согласный r в нижнелужицком языке, изменившийся в \check{s} в положении после p , t , k . Однако это изменение не имело последствий для различия фонем $r-r'$.

Сокращение корреляции твердости-мягкости могло происходить вследствие наличия определенных тенденций в фонологическом развитии отдельных славянских языков. Так, в чешском и словацком языках с XIII в. основной тенденцией фонологического развития стало закрепление свойственного вокализму этих языков богатства функциональных средств и превращение количественного различия гласных в качественное. В славянских языках богато развитая система вокализма обычно не сочетается с разнообразием фонологически значимых элементов в области консонантизма, в частности с корреляцией твердости-мягкости. В связи с этим в чешском и словацком языках названного периода наметилась тенденция к сокращению корреляции твердости-мягкости. Мягкие губные согласные и s' , z' в чешском отвердели во всех

положениях; **t', d', n'** сохранили мягкость только перед **e** (из **ě, ä**) и **i**. Следует заметить, что мягкие губные согласные в силу своей звуковой специфики подверглись отвердению раньше других согласных. Кроме того, в части чешских говоров противопоставление твердых и мягких губных согласных фонем было ликвидировано в результате выделения мягкости в фонологически самостоятельную артикуляцию; ср. южночешские говоры — *holubjata, pjiivo*. Это могло произойти только до осуществления фонологической тенденции к сокращению корреляции твердости-мягкости, так как выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию — процесс чисто фонетический, который может и не привести к ликвидации противопоставления соответствующих твердых и мягких согласных фонем.

В чешском языке и в словацких говорах корреляция твердых и мягких согласных фонем была значительно сокращена, но не ликвидирована полностью. Сохранение коррелятивных отношений между **t-t', d-d', n-n'**, а также **r-r'** выражается в том, что противопоставление этих фонем продолжает подвергаться нейтрализации в определенных положениях. Именно это обстоятельство заставляет различие между названными фонемами квалифицировать как коррелятивное различие в собственном тоне, а не как дизъюнктное различие в месте образования.

К числу явлений, вызванных фонологическими причинами, можно отнести отвердение **s', z'** в кашубском и лужицких языках, отвердение **n'**, связанное с общим ослаблением корреляции твердости-мягкости в тех же языках.

В ходе развития отдельных славянских языков имело место отвердение мягких согласных, вызванное фонологическими причинами и в то же время не имевшее фонологических последствий. Таково отвердение мягких согласных перед **e** в украинском языке и перед гласными переднего ряда в полабском. Отвердение мягких согласных в этих случаях является осуществлением тенденции к утрате мягкости как дополнительной артикуляции в тех позициях, где твердые и мягкие согласные фонемы не различаются и где, следовательно, мягкость согласных не имеет функционального значения. Отвердение мягких согласных в этом случае не вносит изменения в систему

противопоставления твердых и мягких согласных фонем, так как положение перед **е** в украинском языке и положение перед **е, і, ä, äi, äj** в полабском продолжает быть позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем.

Изменения в области вокализма, имевшие место после осуществления процессов, связанных с функциональным отождествлением передних и непередних гласных, обуславливали дальнейшее преобразование корреляции твердости-мягкости в отдельных славянских языках.

Позднейшие изменения в вокализме славянских языков способствовали появлению новых позиций различения твердых и мягких согласных фонем и нейтрализации их противопоставления, а также расширению или сужению противопоставления твердых и мягких согласных фонем в старых позициях различения. В некоторых случаях в корреляцию твердости-мягкости включаются фонемы, ранее не противопоставленные по твердости-мягкости.

Оформление новых позиций различения может быть вызвано употреблением известных и ранее гласных фонем в таких положениях, где раньше они не употреблялись (**'а > 'е** в укр.; **uo > е** в бел.; **а, е > 'е** в чеш.).

Новые позиции различения твердых и мягких согласных фонем появляются в результате фонологизации одного из вариантов гласной фонемы, обусловленного твердостью или мягкостью предшествующей согласной фонемы. Эта фонологизация может происходить в результате того, что гласный, бывший раньше вариантом фонемы и употреблявшийся только после твердых или только после мягких согласных, начинает употребляться как после твердых, так и после мягких согласных. Ср. в польских говорах фонологизацию **у** в результате изменения **é > у**, в чешском языке XV в. фонологическое обособление **i** от **у** в результате изменения **ē > i**, как после мягких, так и после твердых согласных. Фонологическое обособление вариантов одной гласной фонемы может происходить и в результате того, что один из вариантов претерпевает артикуляционное изменение, ведущее к его совпадению с гласным, образующим другую фонему. Ср. в среднесловацких говорах **у > е**, а положение перед **i** становится положением неразличения твердых-мягких согласных фонем; в восточнословацких

говорах $\bar{a} > a$. Перед \bar{a} наблюдаем неразличение твердых-мягких согласных.

Оформление более яркого различия твердых-мягких согласных фонем в старых позициях различения связано обычно с расширением употребления непередних гласных в положении после мягких согласных.

В качестве примера, вызванного явлениями в области вокализма включения в корреляцию твердости-мягкости фонем, ранее не противопоставленных по твердости-мягкости, можно указать на противопоставление фонем **k-k'** в лужицких языках, обусловленное изменением $o > e$ перед мягкими согласными.

Корреляция твердых-мягких согласных фонем, претерпевая изменения, вызванные процессами в области гласных, со своей стороны продолжала оказывать в ряде случаев организующее воздействие на систему вокализма.

Изменения в системе твердых-мягких согласных фонем могут способствовать фонологизации гласных, до этого функционально незначимых. Ср. фонологизацию гласного \bar{o} в результате изменения $k', g' > t', d'$ в палабском; фонологическое обособление гласных i и y на определенном этапе истории чешского языка в результате отвердения мягких губных и s', z' . Ослабление корреляции твердых-мягких согласных в кашубском, повысив смыслоразличительную роль гласных фонем, способствовало сохранению различия между рефлексами долгих и коротких гласных, являющихся в кашубском самостоятельными фонемами. В русском и белорусском языках, где сложилось различие между системами вокализма ударных и безударных слогов, организация системы вокализма безударных слогов находится в прямой зависимости от категории твердых-мягких согласных фонем.

Важное значение для развития категории твердых-мягких согласных фонем имела морфологическая аналогия и процессы в области словообразования, которые обуславливали различие твердых-мягких согласных фонем в таких положениях, где, согласно фонетическим закономерностям, оно было невозможно. Ср. различие твердых-мягких согласных фонем в русском перед \bar{o} , в белорусском перед $\bar{i}e, e$, в украинском, болгарском словацком перед o , в чешском — перед непередними гласными.

Таким образом категория твердых-мягких согласных фонем в славянских языках прошла сложный путь развития, обусловленный фонетическими, фонологическими и морфологическими причинами. Результаты этого развития были неодинаковы в разных славянских языках.

Наименьшим изменениям в сравнении с первым периодом его существования состав твердых-мягких согласных фонем подвергся в русском, белорусском языках и восточноболгарских говорах. В этих языках по твердости-мягкости противопоставлены фонемы **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **z-z'**, **n-n'**, **l-l'**, **p-p'**, **m-m'**, **v-v'**; в русском языке и восточноболгарских говорах **r-r'**, в белорусском фонема **r** стоит вне различения по твердости-мягкости; в некоторых восточноболгарских говорах корреляцию по твердости-мягкости образуют **k-k'**, **g-g'**.

В русском твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова, перед некоторыми согласными и перед **i**, **u**, **o**, **a**; в положении перед **e** и некоторыми согласными имеет место нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем: *on-kon'*, *obdyl-svad'ba*, *ty-t'ix'o*, *luk-kl'uč'*, *sol'-s'ola*, *droza-z'at'*; *son-kon' va sn'e*, *na kon'e*, *moroz-gr'az'* и *moroznyj, gr'aznyj*.

В белорусском твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова, перед некоторыми согласными, в позиции перед **i**, **u**, **e**, **o**, **a**; нейтрализация противопоставления твердых и мягких фонем имеет место перед некоторыми согласными, а для губных фонем и на конце слова: *most-gos'c'*, *razboj-kaz'ba*, *kask'i-Vas'ki*, *myju-*, *m'ily*, *tut-dz'ac'uk*, *l'usterka-c'en'*, *bol'-žarab'onak*, *sad-s'adz'*; *pot-kos'c'* и *pótny kóstny*, *xámy-oz'im'i* и *xamjo oz'imju*, *zúby-drób'i* и *drob zub*.

В восточноболгарских говорах твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены перед **u**, **ъ**, **o**, **a**, а в некоторых, главным образом, юго-восточных говорах и на конце слова; нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имеет место перед **e**, **i**, перед согласными, а в большей части восточноболгарских говорах, кроме того, и на конце слова. Ср. *núždá-pen'úga*, *čit'et-plet'et* (в ю.-вост. *z'ep z'et'*), *zor-koz'o*, *vol-krav'o* (ю.вост. *zop-z'ot'*), *dam-d'ado*, *sestrá-r'áka*, в ю.-вост. *most-p'et' s'ém-s'eb'črem'*; *tomá-zem'á* и *tomí*

zemi (им. мн.), *vrъ* (1 л. ед.)-*bъbr'ъ* и *vreš* (2 л. ед.) *bъbreš*; *sela* (им. мн.)-*pol'a* и *selski polski*; *sapunъt-kon'ъf* и *sapun kon.*

В украинском и польском языках утрачено различие по твердости-мягкости для губных согласных фонем; в польском языке и северноукраинских говорах, кроме того, за пределами корреляции твердости-мягкости стоит фонема **г**. В этих языках по твердости-мягкости противопоставлены фонемы **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **z-z'**, **n-n'**, **l-l'**, **r-r'** только в части украинских говоров.

В украинском твердые и мягкие согласные фонемы различаются на конце слова, перед некоторыми согласными, перед **u**, **o**, **a**; кроме того, в западноукраинских говорах, знающих фонему **ї**, все твердые-мягкие фонемы, за исключением **r-r'**, противопоставлены перед этой гласной фонемой; нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем в большей части украинских говоров имеет место в положении перед **e**, **i**, перед некоторыми согласными, а противопоставление фонем **r-r'** подвергается нейтрализации и на конце слова. Ср. *rov'ïd-m'ïd*, *d'v'ïr-d'v'ï*, *nûdno-n'ux*, *toysto-t'omnij*, *zautra-z'at' dil-d'il* (род. мн.); *son-d'en'* и *sne* (зв. ед.) *dnem* (тв. ед.), *brat-h'ïst'* и *brati* (им. мн.) *hostij* (род. мн.), *nar'ïd-m'ïd'* и *narodnij m'ïdnij*, *pan-k'in'* и *pan'skij kon'skij*; *sukru* (род. ед.)-*z'v'ïr'u* и *cûkor z'v'ïr.*

В польском, включая часть говоров, твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова, перед некоторыми согласными, перед **i**, **u**, **e**, **o**, **a**, **o**; нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имеет место в положении перед согласными. Ср. *most-gošć*, *dbać-svadźba*, *syn-šivuy*, *nuda-n'usl*, *sen-šerp*, *zostać-żomek*, *tak-ćalo*; *sąd-pros'ot*; *voda, m'jedź* и *vodny miedny.*

В тех польских говорах, в которых замены старых долгих гласных образуют особые фонемы, твердые и мягкие фонемы противопоставлены и перед этими гласными.

В чешском языке в части словацких говоров различие по твердости-мягкости сохранило еще меньшее количество фонем. В чешском это **t-t'**, **n-n'**, **d-d'**, **r-r'**. Что касается словацких говоров, то они сильно отличаются друг от друга по количеству фонем, образующих

корреляцию по твердости-мягкости. Наибольшее количество фонем противопоставлено по твердости-мягкости в восточнословацких сотацких говорах: **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **z-z'**, **n-n'**, **r-r'**, **l-l'**, **p-p'**, **b-b'**, **m-m'**, **v-v'**. Отсутствует совсем противопоставление по твердости-мягкости в западнословацком тырновском наречии, в говорах западного Липтова. В большей же части словацких говоров противопоставлены по твердости-мягкости фонемы **t-t'**, **d-d'**, **n-n'**, **l-l'**. В некоторых среднесловацких говорах отсутствует корреляция **l-l'**; во многих же восточнословацких говорах в корреляцию твердости-мягкости включены фонемы **s-s'**, **z-z'**.

В чешском языке твердые и мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова, перед некоторыми согласными, перед **i, ī, u, ū, e, o, a, ā**; фонемы **r-r'** противопоставлены, кроме того, перед **e**; нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных имеет место в положении перед согласными. Ср. *prst-prst'*, *panskī-kon'ski*, *čeladka-lod'ka*, *kdiž-d'ivnī*, *nīst-hn'izdo*, *tuhī-t'ukat'i*, *dūbek-sled'um*, *nesu-jehn'e*, *dobrē-řeveš*, *topor-zet'ovē*, *dal-d'as*, *stāti-kot'ātkō*; *plat-xut'* и *platnī xutnī*.

В словацком литературном языке и аналогичных говорах твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены на конце слова, перед согласными, перед **i, ī, u, ū, e, ie, a, o, uo**; нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имеет место перед некоторыми согласными. Ср. *brat-mat'*, *zhradka-lod'kar*, *ti-t'ixī*, *nīt'i-znamen'ī*, *nuda-xn'up*, *lūka-l'ūbo*, *ten-o't'ec*, *mladīeho-d'ieuka*, *dan-d'akovat'*, *topānka-host'ovat'*, *stūol-kost'ou* (тв. ед.); *žena-ban'a* и *ženskī banskī*; *plod-lod'* и *lodnī neplodnī*; по говорам *smīt'-pis'mo* и *s'mert' pis'm'e*, *zbil'-proz'ba* и *z'b'it' proz'b'e*.

В лужицких языках по твердости-мягкости противопоставлены фонемы **n-n'**, **r-r'**, **p-p'**, **b-b'**, **m-m'**, а в в.-лужицком также **t-t'**, **d-d'**.

Фонемы **r-r'**, **n-n'** и твердые-мягкие губные, в основном, различаются лишь в положении перед передними гласными; фонемы **n-n'**, кроме того, могут различаться на конце слова и перед согласными; фонемы **t-t'**, **d-d'** могут быть противопоставлены на конце слова, перед

гласными передними и непередними. Ср. в.-луж. — *son-džeñ, list-puč, dobre-kor'en, bes-n'eb'esa, ty-ćixo, deska-džesać, davno-džasno, tulov-ćula*; н.-луж. — *cyruone-n'euer'icka, skerej-br'eza, buben-b'er'otej* и т. д. Не располагая достаточными материалами, трудно решить вопрос о позициях нейтрализации противопоставления твердых и мягких согласных фонем в лужицких языках; можно лишь заметить, что она, безусловно, имела место в положении перед согласными, а для некоторых фонем и на конце слова.

Наименьшее количество фонем противопоставлено по твердости-мягкости в кашубских говорах. Это **l-l'**, **n-n'**, твердые и мягкие губные; в некоторых говорах отсутствует различие по твердости-мягкости и для этих фонем. Фонемы **l-l'** противопоставлены перед всеми гласными, согласными и на конце слова. Фонемы **n-n'** в части кашубских говоров также различаются на конце слова, перед согласными и гласными; однако известны и такие говоры, в которых положение на конце слова является позицией нейтрализации противопоставления **n-n'**: *sna-dn'a* и *sen dzejn*. Твердые-мягкие губные согласные фонемы противопоставлены лишь в немногих говорах и только в положении перед **i**.

И, наконец, в полабском языке той эпохи, о которой мы имеем сведения, по твердости-мягкости были противопоставлены фонемы **t-t'**, **d-d'**, **s-s'**, **z-z'**, **n-n'**, **l-l'**, **r-r'**, **p-p'**, **b-b'**, **m-m'**, **v-v'**. Все твердые-мягкие согласные фонемы были противопоставлены перед **á, ǫ, o**; только твердые и мягкие зубные фонемы — перед **au**; только **t-t'**, **d-d'** перед **ǫ, ü, ai**. Ср. *tál-t'ámə, ráno-vür'ál; dǫb-d'ǫsnə, pǫt-p'ǫtə; sonaj-s'onü, zobo-z'ornü, bobə-b'ordü; slausə-cil'-aust; döl-d'örtə; motüvaidle-t'ülonaj; jod'adaj-nüd'ai, tilqataj-t'aipəc*.

Различие между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных сохранялось до времени падения редуцированных в праславянских диалектах, легших в основу словенского и сербского языков и западно-болгарских говоров, включая большую часть македонских.

В связи с последовательным сохранением различия между праславянской фонематической и позиционной мягкостью согласных названные диалекты в своем фонологическом развитии не знали периода функциональ-

ного противопоставления твердых и мягких слогов; когда невозможность изолировать друг от друга твердые и мягкие согласные и передние и непередние гласные препятствовала изолированным процессам как в названной группе согласных, так и гласных.

В праславянских диалектах, легших в основу сербского и словенского языков, это способствовало тому, что здесь еще до падения редуцированных произошла дефонологизация противопоставления фонем **ъ-ь, і-у**, вызванная тенденцией к упрощению чрезмерно усложненного вокализма.

В диалектах, на основе которых развились западноболгарские и македонские говоры, не было оснований для подобной дефонологизации, так как система вокализма этих диалектов рано утратила количественные и интонационные различия. Поэтому в западноболгарских и македонских говорах ко времени падения редуцированных сохранилось противопоставление фонем **ъ-ь, і-у**.

Фонологическое развитие сербского и словенского языков после падения редуцированных шло под знаком расширения и обогащения системы вокализма и сокращения различительных средств в области консонантизма. В связи с этим в названных языках происходит ликвидация остатков праславянской корреляции мягкости. В случае, если согласные, образывавшие праславянские мягкие коррелятивные фонемы, сохранились в сербском и словенском, они стали функционировать как дизъюнктивные фонемы.

Специфика вокализма западноболгарских говоров в период после падения редуцированных была такова, что она в принципе не исключала существования корреляции твердости-мягкости в фонологической системе. Поэтому в западноболгарских говорах не только некоторые фонемы, соответствующие праславянским фонемам, коррелятивным по твердости-мягкости, сохранили это отношение, но произошло и известное расширение этого ряда коррелятивных фонем за счет некоторых фонетических и нефонетических процессов.

Корреляция твердости-мягкости в западноболгарских говорах стоит на периферии фонологической системы. Выражается это не столько в том, что названная корреляция охватывает небольшое количество фонем, сколько

в том, что ослабляется функциональная значимость дифференциального признака, лежащего в основе этой корреляции. Мягкость согласных во многих западноболгарских говорах становится в известном смысле факультативным элементом. Это проявляется в лишенной всякой видимой закономерности утрате или, наоборот, распространении мягкости в положении конца слова и в определенных морфемах, в появлении звуковых дублетов слов.

Людмила Эдуардовна Калнынь

**Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем
в славянских языках**

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Лескис. Технический редактор С. Г. Тихомирова

РИСО АН СССР № 107—94В. Сдано в набор 23/III 1960 г. Подписано к печати 14/I 1961 г. Формат бумаги 84 × 108^{1/32}. Печ. л. 4,25. Усл. печ. л. 6,97.

Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 2000 экз. Т-00014. Изд. № 4341. Тип. вак. № 827.

Цена 44 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

44 коп.